

61:98-7/45-6

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В.ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

САМСОНОВА ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И УПРАВЛЕНИЕ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
19 - НАЧАЛО 20 ВЕКА.

Раздел: 07.00.09 - Исторические науки
Специальность: 07.00.02 - Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель - кандидат
исторических наук, доцент
ШЕВЫРЕВ А.П.

МОСКВА, 1997 г.

Сам

СОДЕРЖАНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ИСТОЧНИКИ.....	12
ИСТОРИОГРАФИЯ.....	24
БРАТИЯ	
1. Социальный состав.....	30
2. Внутренняя жизнь монастыря.....	42
ХОЗЯЙСТВО	
1. Сельское хозяйство.....	73
2. Хозяйственные заведения.....	85
БЮДЖЕТ	
1. Ведение бухгалтерского учета.....	121
2. Структура бюджета.....	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	197
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	201
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	207

ВВЕДЕНИЕ.

За пять веков своей истории Соловецкая обитель пережила как периоды значительного подъема и расцвета, так и времена полного забвения и постепенного возрождения. Основанная в 30-х годах 15 столетия иноками Савватием и Зосимой на безлюдном острове посреди Белого моря, обитель к середине 17 века превратилась в один из богатейших русских монастырей; возросло ее политическое и духовное влияние, как на Севере, так и во всем государстве.

В 1764 году в результате секуляризации церковных земель обитель лишилась своих значительных земельных владений, в ее распоряжении остались лишь Соловецкие острова, на которых сосредоточилась вся хозяйственная деятельность монастыря. Став одним из многих монастырей первого класса, обители пришлось обходиться положенной по штату скромной суммой и малочисленной братией.¹ Но уже в 1765 году Соловецкий монастырь был включен в число ставропигиальных и перешел из епархиального подчинение в ведение Московской Синодальной конторы. Появился выход и из экономических затруднений: на Соловках организовывались многочисленные хозяйственные службы и промыслы, на которых работали ежегодно приезжавшие из окрестных местностей богомольцы-трудники. Примерно в таком виде монастырское хозяйство существовало и на протяжении 19 - начале 20 века.

Став менее богатым, Соловецкий монастырь, тем не менее, не стал менее почитаемым и популярным среди широких слоев населения. Новый взрыв общественного интереса к Соловецкой обители вызвала оборона монастыря от нападения английской эскадры в ходе Крымской войны 7 июля 1854 года. В течение девяти часов англичане обстреливали обитель, но оказались бессильны перед мужеством ее защитников и мощью монастырских стен.² Отсутствие человеческих жертв и значительных повреждений зданий уверило защитников монастыря в Божьем промысле. Героическая защита почти безоружной крепости

---

¹ Скопин В.В. На соловецких островах. М., 1990, с. 81.

резко повысили авторитет Соловецкого монастыря среди верующих. По распространенному мнению, рука Всевышнего спасла обитель за благочестивую жизнь соловецких иноков, проводящих время в трудах и молитва, и вкушающих хлеб в поте лица своего. Формированию мнения о благочестии и трудолюбии соловецкой братии способствовали и существовавшие на Соловках многочисленные хозяйственные заведения, трудясь на которых монашествующие и трудники, как считалось, обеспечивали себя почти всем необходимым для жизни, а также содержали в “благолепии” монастырские соборы и церкви.

Надо сказать, что подобные мнения о хозяйстве и братии других монастырей встречались во второй половине 19 века довольно редко. Значительные доходы монастырей, несоответствие быта монашествующих с церковно-монастырским уставом вызывали многочисленную критику со стороны мирского населения и склоняли общественное мнение в пользу необходимости проведения реформы монастырей. Необходимость возвышения иноческой жизни осознавалась и многими духовными лицами. Так, епископ Игнатий, одним из первых поставивший вопрос о возрождении церкви на началах соборности, писал в 60-х годах 19 века: “У нас монастыри в крайнем упадке. Повторяем: они извращены. Вступают в них личности почти исключительно из черни, занимаются они исключительно телесным подвигом, почти всегда бесплодно или с плодами ложными, приняв средство и пособие за цель и сущность. Но и телесный подвиг сделался ныне редкостью: ныне монастыри обратились в пристанище разврата, в места ссылки, в места лихоимства и прочего разнообразного злоупотребления”.³ Часто слышались упреки в адрес монастырей по поводу их скромной благотворительности: получая огромные доходы в виде различного рода пожертвований со стороны богомольцев, монастыри выделяли весьма небольшие средства на разные пожертвования и пособия.

Святейший Синод одной из мер к возвышению монашеской жизни рассматривал введение во всех монастырях общежития. В 1869 году Синод при

---

² Там же, с. 27.

³ Цит. по Св.Сергий (Киперман). Идеалы и реалии российского монашества в прошлом и настоящем. // Религия и демократия: на пути к свободе совести. М., 1993, с. 322.

особом циркуляре разослал Синодальным конторам и епархиальным архиереям записку о намерении ввести общежития во всех мужских монастырях.⁴ Преследуя цель уменьшить разного рода нарекания на монастыри и “не дать монашествующим случаев подавать поводы к справедливым нареканиям”, Синод отмечал в записке, что “монастыри, из штатных сделавшиеся общежительными, процвели во всех отношениях и число братии увеличилось в несколько раз более прежнего, а если где число братии чрез то уменьшится, то оставшиеся или вновь поступающие будут ближе к идеалу монашества”.⁵ Однако этот проект введения общежития остался только на бумаге.

Более радикальные средства решения этой проблемы предлагались на страницах периодической печати. Так, в “Вестнике Европы” высказывалось мнение о преобразовании монастырей в мирские благотворительные учреждения, “где не имели бы вовсе места иноческие обеты аскетического свойства, формально требуемые от монахов”.⁶ Предлагалось также оставить лишь несколько монастырей, в которых была бы введена истинно аскетическая жизнь, отняв у них, как у “обществ отшельнических”, огромные богатства.⁷

В 1909 году в Троице-Сергиевой лавре по определению Святейшего Синода был созван съезд представителей монашества касательно необходимости поднять духовную жизнь в монастырях.⁸ На усмотрение съезда выносился вопрос о введении общежития во всех православных монастырях Российской империи. По итогам съезда Синодом был издан указ о мерах к возвышению иноческой жизни, которым предписывалось преобразовывать штатные монастыри в общежительные, т.к. общежительный строй представлялся наиболее “желательным” для монастырей. Вновь открываемые монастыри должны были быть только общежительными, а существующие - вводить общежитие постепенно. В качестве мер к возвышению иноческой жизни предлагалось больше внимания уделять соблюдению церковного чина,

---

⁴ Завьялов А.В. Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода. Спб., 1901, с. 85.

⁵ Там же, с.86.

⁶ Вопрос о реформе монастырей. // Вестник Европы, 1873, кн.8, с.564.

⁷ Наши монастыри. // Беседа, 1872, кн.6, с. 230.

⁸ РГАДА, ф. 1183, оп.1, 1909, д. 67, л. 5.

обучению монашествующих истинам веры и правилам иноческой жизни, развитию старчества, физического труда, как средства духовного воспитания.⁹

В московских ставропигиальных монастырях (хозяйство которых, по мнению Синодальной конторы, “велось на городской лад, решительно чуждый тому, чтобы монастырь что-либо добывал личным трудом своей братии”) братия к введению общежития отнеслась без особого энтузиазма. Настоятели оных нашли множество причин нецелесообразности введения общежительного устава. Так, управляющий Донской обителью архиепископ Алексий докладывал прокурору Синодальной конторы Ф.П.Степанову, что “братия находят для себя введение общежития делом в высшей степени трудным и важным и, по своей немощи, затруднилась бы дать по сему обет Богу”.¹⁰ Против общежития высказалась и братия Воскресенского монастыря, отметив, что “принудительное общежитие будет один только смех и грех”.¹¹ На причину нежелания братии столичных монастырей менять устав яснее всего указал настоятель Новоспасского монастыря архимандрит Макарий. По его словам, “монастырь для многих был местом не только личного нравственного совершенствования, сколько учреждением, дающим достаточные средства, если не для личной жизни, то для удовлетворения разнообразных нужд родственников”.¹²

Синодальной конторой была составлена специальная комиссия, чтобы выработать план и способы к незамедлительному осуществлению в ставропигиальных монастырях предписываемых указом Синода мер. Комиссия пришла к выводу, что “вводить общежитие разорительно в экономическом отношении, т.к. потребуются тысячи рублей на обзаведение монастырской братии бельем, обувью и одеждой”.¹³ Таким образом, даже решение о введении общежития было воспринято монашествующими отрицательно, не говоря уже о реакции, которую бы вызвала более радикальная реформа монастырей, поставившая целью привести в соответствие быт монашества с его аскетическими идеалами.

---

⁹ Там же, л. 2-4.

¹⁰ Там же, л. 8.

¹¹ Там же, л. 20.

¹² Там же, л. 28.

¹³ Там же, л. 48.

Итак, основную причину упадка монашеской жизни современники видели в богатстве и значительных доходах монастырей, что заставляло монашествующих заботиться не о духовном подвиге, а о собственном материальном благополучии, и привлекало в стены монастырей не только желающих посвятить свою жизнь служению Богу и “личному нравственному совершенствованию”, но и тех, кто стремился просто удобно устроиться в какой-нибудь богатой и известной обители.

На фоне критики монастырских порядков Соловецкая обитель выгодно отличалась в лучшую сторону. Как писал В.И.Немирович-Данченко, “кипучая деятельность Соловецкого монастыря производит поразительное впечатление на людей, видевших такие обители, каковы Троице-Сергиева, Юрьевская и другие, не труждающиеся и не обремененные, но все же вкушающие от плодов земных в изобилии”.¹⁴ Положительные стороны соловецкого общежития отмечал в конце 19 века и корреспондент “Русского странника” Е.Львов: “Эта идеальная духовная, братски-равноправная община есть в то же время и идеальна форма правления, к сожалению, только ни при каких других условиях невообразимая, неприменимая и неосуществимая, ибо где есть страсть к стяжанию и повышению, там нет равенства и братства, как его ни устраивай”.¹⁵

Таким образом, судя по отзывам современников, в Соловецкой обители упадок монашеской жизни не проявлялся в таких размерах, как в других монастырях. Даже наоборот. Соловецкая обитель, с ее общежительным уставом, трудолюбивой братией и рациональным хозяйствованием, могла служить своеобразной моделью для подражания остальным монастырям. В связи с этим встает закономерный вопрос: насколько подобное суждение справедливо, в частности, относительно монашествующей братии Соловецкой обители, внутримонастырской жизни и экономики монастыря. Не были ли восторженные отзывы современников о Соловках во многом следствием недостаточной информации о положении в обители, поскольку (в отличие от других монастырей, доступ куда был открыт в течение всего года) богомольцы могли посещать Соловецкий монастырь только 3-4 месяца в году и оставаться там не более 3-х дней, вследствие чего внутренняя жизнь обители фактически

---

¹⁴ Немирович-Данченко В.И. Соловки. // Вестник Европы, 1874, кн. 8, с. 527.

оставалась скрытой от внимания паломников, которые зачастую могли видеть лишь казовую сторону жизни соловецкой братии. Для того, чтобы выяснить, как проходила жизнь в стенах обители, как складывались взаимоотношения внутри братии, не занимались ли соловецкие иноки исключительно “телесным подвигом”, кто шел в монахи Соловецкой обители, необходимо провести анализ социального состава братии, ее возрастного и образовательного уровня, рассмотреть основные проблемы, волновавшие монашествующих в конце 19 - начале 20 века. Такой анализ требует привлечения более широкого, и более объективного, круга источников, нежели воспоминания современников: послужные списки монашествующих, делопроизводственная документация Соловецкого монастыря и Московской Синодальной конторы.

Поскольку упадок монашеской жизни в конце 19 - начале 20 века связывали, прежде всего, с ростом богатства монастырей, то не меньший, а скорее даже и больший интерес вызывают вопросы, связанные с монастырским хозяйством. Соловецкая обитель, выделявшийся своей кипучей хозяйственной деятельностью среди других монастырей, зачастую создавала впечатление “самоудовлетворяющегося хозяйственного центра, который получал извне только то, что не производила собственная земля”.¹⁶ Действительно, многочисленные мастерские и заводы, различные хозяйственные заведения, существовавшие на Соловках, монастырские пароходы (корпуса которых зачастую были сделаны руками самих монашествующих и богомольцев-трудников) могли придать хозяйству монастыря “натуральный” характер. В принципе, “натуральность” монастырского хозяйства, при которой братия собственными силами производит большинство необходимых продуктов и материалов, более всего соответствовала целям и идеалам монашеской жизни. “Натуральность” хозяйства монастырей приветствовал и Святейший Синод, предписавший в указе о мерах к возвышению иноческой жизни развивать в монастырях физический труд, как “средство духовного воспитания братии”.¹⁷

В целом, нужно отметить, противопоставление монастырского хозяйства (и не одной лишь Соловецкой обители) существовавшей в конце 19 - начале 20

---

¹⁵ Львов Е. По студеному морю. Поездка на Север. М., 1895, с. 71.

¹⁶ Уланов В. Из экскурсионных впечатлений. // Вестник воспитания, 1901, № 1, с. 184.

¹⁷ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1909, д. 67, л. 3.

века экономической системе встречается не только в воспоминаниях современников, но и в трудах некоторых экономистов и философов того времени, а также часто звучит в наши дни. Так, А.Чаянов считал, что некапиталистическая мотивация монастырского хозяйствования послужила основной причиной их исключительной выживаемости.¹⁸ По мнению С.Н.Булгакова, “аскетический, религиозно-мотивированный труд, соединяющий мироотречение и мироприятие, явился могущественным фактором хозяйственного развития”.¹⁹ Нередко на страницах современной литературы, посвященной монастырям и в целом русской православной церкви 19 - начала 20 века, подчеркивается эффективность монастырского хозяйства, “во многом независимого от общегосударственной экономической системы”²⁰, его высокая организованность, гармоничная связь природных и культурно-хозяйственных комплексов.²¹

В связи с этим возникает вопрос: насколько “независимы” были монастырские хозяйства от экономической системы и какие преимущества несла эта “независимость”? Судя по всему, подобная “независимость” проявлялась в большей степени натуральности, т.е. меньшей товарности, монастырского хозяйства. Но в условиях развивающегося рынка и растущей специализации вряд ли это способствовало особой эффективности и доходности монастырского хозяйства. Скорее всего, здесь могут быть два пути ответа: либо в монастырском хозяйстве существовали какие-то специфические условия, которые делали “натуральность” эффективной или просто незаменимой, либо размеры этой “натуральности” сильно преувеличены и монастыри так же, как и другие хозяйственные структуры, были подвержены происходившим экономическим процессам.

Как уже отмечалось выше, Соловецкий монастырь, с его многочисленными хозяйственными заведениями, меньше других монастырей должен был зависеть от внешнего мира. Судя же по тому, что обитель считалась одной из богатейших среди монастырей, ее хозяйство было довольно

---

¹⁸ Цит. по Матрусов Н.Д., Анискович Е.М. Монастыри и преобразование жизненной среды России. //Православные монастыри и экология. М., 1994, с.27.

¹⁹ Булгаков С.Н. Православие: очерки учения православной веры. М., 1991, с.351.

²⁰ Св.Сергий (Киперман). Идеалы и реалии российского монашества в прошлом и настоящем.// Религия и демократия: на пути к свободе совести. Вып.2. М., 1993, с. 322.

эффективным и прибыльным. В связи с этим рассмотрение хозяйства Соловецкого монастыря приобретает особое значение, поскольку полученные результаты дадут возможность сделать некоторые выводы и относительно других монастырей: так, если хозяйство обители не отличалось высокой доходностью, то вряд ли такой доходности можно ожидать от хозяйства других монастырей, не таких богатых и хозяйственно обустроенных. Анализ хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря позволил бы определить, на чем основывалось монастырское хозяйство, насколько рационально оно велось, насколько было прибыльным, каковы были основные источники дохода, на что и как расходовались денежные суммы, какова была структура монастырского бюджета, и каковы, в целом, были мотивы хозяйственной деятельности монастыря.

Таким образом, целью данного исследования является проведение анализа хозяйственной деятельности и финансового положения Соловецкого монастыря, социального состава монашествующей братии, ее возрастной структуры, образовательного уровня, а также рассмотрение внутренней жизни монастыря, т.е. изучение социально-экономической истории Соловецкой обители во второй половине 19 - начале 20 века.

На сегодняшний день социально-экономическое положение православных монастырей на рубеже 19-20 веков чрезвычайно мало изучено и фактически остается белым пятном в исторической науке. Немногочисленные исследования отечественных историков как послеоктябрьского периода, так и 60-80 годов, затрагивающие положение монастырей, подходили к предмету изучения с критических позиций. Но, повторяющиеся из работы в работу мысли об упадке монашеской жизни, о чрезвычайных богатствах монастырей и необходимости национализации этих богатств довольно мало подкреплялась фактическим материалом. Как правило, приводились сведения о монастырских капиталах, земельных угодьях и богатой церковной утвари, отдельные факты “неблагопристойного” поведения иноков и т.п., без скрупулезного анализа источников дохода монастырей, характера хозяйственной деятельности, состава братии и монастырского уклада жизни.

---

²¹ Матрусов Н.Д., Анискович Е.М. Указ.соч., с. 28.

Противоположный характер имеет современная литература о положении монастырей на рубеже 19-20 веков: главный акцент в ней делается на положениях об эффективности и рациональности монастырского хозяйствования, об огромном влиянии монастырей на сохранение духовной и нравственной основ российского общества. Правда, как и в предшествующий период, эти утверждения делаются зачастую априорно, без анализа фактического материала.

Сегодня, когда интерес к церкви, и монастырям, в частности, необычайно возрос среди всех слоев общества, очень важно не впасть в крайность идеализации того, что прежде подвергалось критике и не имело условий для развития. Поэтому, если раньше существовала угроза недооценки роли монастырей в экономике государства, то сейчас есть угроза ее переоценки.

В целом, хотя положение монастырей во второй половине 19 - начале 20 века и начало привлекать внимание исследователей, целый пласт социально-экономических отношений, представленный монастырскими хозяйствами, остается весьма скудно освещен в современной исторической науке. Вследствие этого в данном исследовании мы стремились не повторять слабые стороны вышеупомянутой литературы о монастырях, которая зачастую оказывалась в плену общих фраз, а опираться, насколько это возможно, на широкую фактическую базу, состоящую, главным образом, из архивных материалов, практически не введенных в научный оборот.

ИСТОЧНИКИ.

Использованные в работе источники по социально-экономической истории Соловецкого монастыря во второй половине 19 - начале 20 века можно подразделить на несколько видов:

1. Законодательные акты.
2. Делопроизводственные документы Святейшего Синода, Московской Синодальной конторы и Соловецкого монастыря.
3. Материалы периодической печати.
4. Воспоминание современников.
5. Популярная литература второй половины 19 - начала 20 века о Соловецком монастыре.

Рассмотрим в отдельности каждый из этих видов источников.

Первый вид источников составляют, прежде всего, указы Святейшего Синода и законоположения по духовному ведомству. Указы Синода носили как общий характер, т.е. касались духовного ведомства или всех православных монастырей Российской империи, в том числе и Соловецкого (например, указ Синода от 20 марта 1862 года об общежительных и необщежительных монастырях, указ от 12 июня 1910 года о мерах к возвышению иноческой жизни в монастырях и т.п.), так и относились только к Соловецкому монастырю. Указы Синода по Соловецкому монастырю направлялись или в Синодальную контору, которая затем их доводила до сведения монастырского начальства, или непосредственно в обитель настоятелю с Собором.

Помимо отдельных указов Святейшего Синода, была использована и другая форма законодательных актов, вобравшая целую группу законоположений, - устав. Это, во-первых, Устав духовных консисторий, включавший положения об управлении монастырей, ведении монастырского хозяйства и отчетности по приходо-расходным книгам, об имущественных правах монастырей, имуществах настоятелей, о монашествующих. Во-вторых, "Счетный устав мест и властей, подведомственных Святейшему Синоду", определявший правила и порядок отчетности в денежных суммах, обращавшихся в ведомстве Синода, а также порядок обревизования этих сумм.

Большая часть этих законодательных актов была опубликована в различных официальных и неофициальных изданиях. Из публикаций первого вида можно отметить Полное собрание законов Российской империи (II и III собрание), Свод законов Российской империи (изд. 1857, 1876, 1892 и др.). Из неофициальных изданий интерес представляют, прежде всего, сборники законоположений, касающихся как всего духовного ведомства, так и только положения монастырей и монашествующих. Из сборников законодательных актов по всему духовному ведомству назовем “Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания”, составленный обер-секретарем Синода Т.Ф.Барсовым. Сборник содержит расположенные в системном порядке законодательные постановления, “излагаемые с буквальной точностью подлинника и с указанием на их источник”.²² Заслуживает внимания и изданный М.Н.Палибиным “Устав духовных консисторий”²³, содержащий помимо официального текста устава указания на последующие изменения и дополнения к нему, а также извлечения из Синодальных указов и Сенатских решений, разъясняющие те или иные положения устава. Из сборников законоположений о монастырях и монашествующих следует отметить “Собрание церковно-гражданских постановлений о монашествующих и монастырях” И.Л.Чижевского, “Сборник законов о монашествующем духовенстве” А.И.Проловочича, “Монастырский мужской общежительный устав” Серафима (Веснина), “Русское законодательство 18-19 веков в своих постановлениях относительно монастырей” Ивановского В.Н. и другие.²⁴

Второй вид источников образуют делопроизводственные документы Синода, Синодальной канцелярии и Соловецкого монастыря. Делопроизводственная документация Синода представлена циркулярными указами (посредством которых Синод объявлял подведомственным ему

---

²² Барсов Т.Ф. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Т.1-2. СПб., 1885, с.2.

²³ Палибин М.Н. Устав духовных консисторий. СПб., 1912.

²⁴ Ивановский В.Н. Русское законодательство 18-19 веков в своих постановлениях относительно монастырей. Харьков, 1905; Проловочич А.И. Сборник законов о монашествующем духовенстве. М., 1897; Серафим (Веснин). Монастырский мужской общежительный устав. Т.1-2. М., 1910; Чижевский И.Л. Собрание церковно-гражданских постановлений о монашествующих и монастырях. Харьков, 1898.

учреждениям и лицам некоторые Высочайшие повеления, новые законы, инструкции и административные распоряжения по различным вопросам), предписаниями и распоряжениями. До Соловецкого монастыря большинство решений Синода доводилось именно в форме циркулярных указов (как напрямую, так и через Синодальную контору), которые регулировали почти все стороны жизни обители: управление, назначение и смещение настоятелей, устройство хозяйственных заведений, перемещение монашествующих в Соловецкий и другие монастыри. По указам Синода в Соловецкой обители проводились различные ревизии и обозрения хозяйства, управления и “благочиния”. В Синоде, как правило, принимались решения по вопросам, которые не входили в компетенцию начальства Соловецкого монастыря и которые затруднялась решать Синодальная контора.

Большинство использованных в работе документов Святейшего Синода было обнаружено в архивных фондах (на которых остановимся ниже): фонде канцелярии Синода (РГИА), Синодальной конторы и Соловецкого монастыря (РГАДА). Циркулярные указы за период с 1867 по 1900 гг. были опубликованы в неофициальном издании А.М.Завьялова в 1901 году.²⁵ Издание содержит список всех циркулярных указов в хронологическом порядке и текст наиболее значимых указов.

Документация Синодальной конторы представляет собой журналы заседаний, донесения Синоду, списки указов Синода, циркулярные указы, указные предписания, определения и распоряжения конторы подведомственным ставропигиальным монастырям и учреждениям. По журналам заседаний конторы можно проследить, как решались те или иные вопросы, связанные с Соловецким монастырем, узнать мнения присутствовавших на заседании членов конторы (если какое-то решение принималось не единогласно, то мнение меньшинства принималось к сведению и фиксировалось в журнале). До настоятеля и Собора Соловецкого монастыря результаты заседаний конторы доводились в виде циркулярных указов, указных предписаний, определений и распоряжений.

---

²⁵ Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода. 1867-1900. Сост. А.М.Завьялов. СПб., 1901.

Указы, предписания, определения и распоряжения Синодальной конторы по Соловецкому монастырю, в отличие от подобной документации, исходящей из Синода, касались более повседневных вопросов и проблем. Без разрешения Синодальной конторы в обители не могли производиться крупные хозяйственные и церковные постройки, расходоваться значительные денежные суммы, изменяться состав соборных старцев и т.п.. Контора выступала в роли судьи в случаях, когда между настоятелем монастыря и братией возникали серьезные проблемы во взаимоотношениях. Указами конторы также назначались ревизии и обозрения Соловецкого монастыря.

Из Соловецкого монастыря в Синодальную контору представлялись ежегодные отчеты по ведению хозяйства в форме различных денежных ведомостей о приходе и расходе, а также присылались приходо-расходные монастырские книги на ревизию и сметы доходов и расходов на утверждение. Помимо отчетов по хозяйству, монастырь предоставлял на обозрение в Синодальную контору и послужные списки монашествующих и послушников. Приходо-расходные книги и послужные списки были также формами текущего делопроизводства Соловецкого монастыря. Приходо-расходные книги фиксировали все денежные операции обители, что позволяет выявить основные направления хозяйственной деятельности, проанализировать бюджет и проследить экономические связи монастыря. Формулярные списки содержали информацию о социальном происхождении, возрасте, образовании иноков, о послушаниях, которые они проходили за время проживания в обители, об их заслугах и наградах. В послужных списках настоятель отмечал качества и способности монашествующих, из чего можно узнать отношение настоятеля к каждому иноку, поскольку «неблагоденные к настоятелю» члены братии получали далеко не лестную характеристику.

Основной формой общения монастырского начальства с Синодальной конторой были донесения. В донесениях настоятель с Собором испрашивали разрешения конторы начать церковные и хозяйственные постройки, потратить крупные суммы на различные хозяйственные нужды и т.д.. Если же подобные начинания проводились без предварительного согласия со стороны Синодальной конторы, то зачастую рассматривались самой конторой, а иногда и членами Собора, как самоуправство настоятеля и нарушение закона. Помимо

хозяйственных проблем, в донесениях поднимались и вопросы, связанные с внутренней жизнью обители: о поведении монашествующих и послушников, отношениях внутри братии, различных происшествиях и событиях, случившихся в монастыре. Донесения могли исходить как лично от настоятеля, так и от членов монастырского Собора, братии и отдельных иноков. В большинстве донесений, исходящих от братии и иноков в Синодальную контору, содержались жалобы на действия настоятеля или всего монастырского начальства. Подобного рода донесения обычно направлялись на имя обер-прокурора Синода, прокурора Синодальной конторы или других высокопоставленных должностных лиц.

Кроме донесений, монашествующая братия направляла в высшие инстанции записки, покорнейшие прошения, письма, содержащие, как правило, жалобы и обвинения в адрес настоятеля. Настоятели, в свою очередь, давали разъяснения по этому поводу Синодальной конторе в рапортах, объяснительных и докладных записках, где обычно обвиняли жалобщиков в дерзости и непослушании. Настоятель и недовольные им монашествующие редко ограничивались одним донесением или прошением: доказывая свою правоту Синодальной конторе, та и другая сторона исписывала не один лист бумаги. В целом, такого рода документы дают богатый материал о взаимоотношениях внутри братии и о внутренней жизни монастыря.

Внутримонастырская документация представлена журналами заседаний Собора, его предписаниями и распоряжениями по монастырю, перепиской настоятеля со смотрителем монастырского подворья в Архангельске и закупными монахами. Со стороны монашествующих настоятелю с Собором подавались донесения и отчеты о выполнении каких-либо поручений или состоянии дел по различным частям монастырского хозяйства. Все донесения рассматривались на заседаниях Собора, и если решение какого-то вопроса превышало полномочия настоятеля и Собора, то донесение направлялось в Синодальную контору, которая и принимала по нему соответствующую резолюцию. Благодаря этим документам можно проследить многие нюансы ведения хозяйства, монастырские порядки и обычаи, которые порой не доводились до сведения Синодальной конторы.

Из этого вида источников сохранились также хозяйственные документы, касающиеся, главным образом, торговых операций обители: накладные, счета и платежные ведомости торговых домов, компаний и отдельных купцов. Эти документы обычно прилагались к приходо-расходным книгам в качестве “оправдательных”, когда книги отсылали на ревизию в Синодальную контору, и в большинстве своем их дублируют, хотя иногда эти счета и ведомости являются единственными документами, по которым можно восстановить истинную картину торговых операций обители или состояние монастырского бюджета.

Делопроизводственная документация Синодальной конторы и Соловецкого монастыря обнаружены в трех архивохранилищах: РГАДА, Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Архангельской области (ГААО). Большая часть этих документов находится в РГАДА в фондах Синодальной конторы и Соловецкого монастыря. Фонд Соловецкого монастыря представляет собой часть монастырского архива, которая была вывезена из обители Б.Д.Грековым. Летом 1917 года Синод разрешил перевезти архив монастыря в Петроград и поместить в здании Синода, но по причине беспокойной обстановки в столице архив был направлен в Пермь, где хранился в здании Пермской духовной семинарии, откуда затем попал в Москву.²⁶

В РГАДА хранится большая часть документов Соловецкого монастыря. Документы второй половины 19 - начала 20 века представлены послужными списками монашествующих и послушников, ведомостями о приходе и расходе денежных сумм, оправдательными документами к приходо-расходным книгам, приходо-расходными книгами по Соловецкому подворью в Архангельске, закупными книгами. Часть приходо-расходных книг с составленными по ним ведомостями конца 19 - начала 20 века находится в фонде Московской Синодальной конторы, которая после обревизования оставляла их у себя. Эта отчетность является весьма ценным источником по хозяйству монастыря и, в частности, по бюджету, т.к. была составлена по единой форме, не изменявшейся в течение более менее продолжительного времени, что позволяет сопоставить данные по приходу и расходу обители за относительно большой период.

Гораздо менее представлена в фонде Соловецкого монастыря документация, которая предназначалась только для внутримонастырского пользования и касалась текущих хозяйственных и административных дел, отношений внутри братии, положения богомольцев-трудников и т.д.. Такого рода документы сохранились только за 60-е годы 19 века и представляют собой распоряжения настоятеля по монастырю, донесения заведующих монастырскими лавками и мастерскими, рапорты и донесения казначея, закупных монахов, опись имеющихся в наличии съестных припасов и материалов, описи рогатого скота, парходов, судов и т.п.. Некоторая внутримонастырская документация сохранилась в фонде Рукописей Синода в РГИА (ф. 834), однако она также относится к 60-м годам 19 века и насчитывает буквально единицы дел.

Небольшую часть фонда Соловецкого монастыря в РГАДА составляют донесения настоятелей с Собором в Синод и Синодальную контору, а также копии указов Синода и конторы по Соловецкому монастырю.

Часть документов монастыря, как уже говорилось, находится в фонде Синодальной конторы и включает, помимо прихода-расходных книг и отчетности по ним, послужные списки соловецкой братии за некоторые годы, дела о перемещении монашествующих, о пострижении послушников в монашество, о состоянии училища, больницы, хозяйственных заведений, донесения настоятеля и братии. Из документов Синодальной конторы интерес представляют журналы и протоколы заседаний, на которых рассматривались вопросы, связанные с Соловецким монастырем, а также дела, содержащие различные предписания, распоряжения и указания конторы по Соловецкому монастырю.

Скромнее представлены материалы по Соловецкому монастырю в РГИА. Фонды канцелярии Синода (ф.796), хозяйственного управления (ф.799) и рукописей Синода содержат монастырские документы делопроизводственного характера, прихода-расходные сметы за начало 20 века, донесения Синодальной конторы и указы по монастырю.

---

²⁶ Либерзон И.З. Деятельность Археографической комиссии по спасению архива Соловецкого монастыря. //Вспомогательные исторические дисциплины. Т.18. М., 1987, с. 317.

В Государственном архиве Архангельской области есть фонд Соловецкого монастыря (ф.878), насчитывающий 16 единиц хранения. Находящиеся в фонде документы конца 19 - начала 20 века представляют собой справки о рукоположении соловецких иноков в сан иеродьякона и иеромонаха, церковную и ризничную опись 1866 года, послужной список архимандрита Порфирия. Некоторая документация по делам Соловецкого монастыря встречается в фондах Архангельской духовной консистории (ф.29): о назначении настоятелем монастыря в 1917 году арх.Вениамина, перемещении монашествующих на Соловки и т.д., - и Архангельской таможни (ф.58): собранные таможей сведения о количестве вывозимых через Архангельский порт на Соловки материалов и продовольствия. В фонде Канцелярии архангельского гражданского губернатора (ф.1) находятся данные о лицах, заключенных в Соловецком монастыре.

Следующий вид источников - периодическая печать. В целом, материалы о Соловецком монастыре появлялись на страницах периодической печати - как правило, церковной - довольно редко. Среди них более всего может привлечь внимание полемика о положении малолетних трудников, развернувшаяся на страницах "Церковно-общественного вестника" и "Церковного вестника" в 1879 году. Редактор "Церковно-общественного вестника" А.И.Поповицкий (один из организаторов и член Комитета по делам веротерпимости при Обществе любителей духовного просвещения) поместил в десятом номере за 1879 год статью иеромонаха Соловецкого монастыря Серафима, в которой монастырское начальство обвинялось в назначении мальчиков-трудников на тяжелые работы и невнимательном к ним отношении. В ответ на это "Церковный вестник" открыл рубрику "К защите Соловецкого монастыря". Защитниками монастыря выступали, главным образом, крестьяне, посещавшие обитель или жившие там некоторое время, хотя была и статья некоего "почетного члена иностранных ученых королевских обществ" Мих.Сидорова. Правда, иеромонах Серафим утверждал, что статьи в "Церковном вестнике" писал действительный статский советник Елагин за материальное вознаграждение от монастыря.²⁷ Полемика на страницах журналов продолжалась в течение года, пока корреспонденту

---

²⁷ РГИА, ф. 796, оп. 160, д. 1286, л. 79.

Поповицкого иеромонаху Серафиму монастырское начальство не ограничило переписку и установило за ним особый надзор. В целом, эта полемика прошла без особых последствий для обители, не изменив общественное мнение о Соловках как о “благодатном уголке, на который можно смотреть и радоваться”.²⁸

В газетах иногда появлялись статьи о монастыре несколько скандального характера. Такова, например, статья, помещенная в газете “Архангельск” в 1913 году, о женщине, которая якобы восемнадцать лет проживала в монастыре под видом монаха. Помещение статей в газеты было одной из форм борьбы с настоятелем недовольных им соловецких иноков. Так, критические статьи о деятельности настоятеля арх.Иоанникия были напечатаны в газетах “Утро России” за 1915 год и “Архангельск” за 1913 и 1917 гг. Материал в таких статьях подавался со слов враждебно настроенных к настоятелю иноков и представлял настоятеля далеко не в лучшем свете.

Помимо материалов периодической печати, посвященной исключительно Соловецкому монастырю, в работе использованы и статьи, касавшиеся положения всех монастырей и духовного ведомства. К ним можно отнести публикации на страницах журналов “Вестник Европы”, “Вера и церковь”, “Беседа” и др., которые поднимали вопросы о несоответствии быта монастырей с церковно-монашеским уставом и необходимости монастырской реформы.

За вторую половину 19 - начало 20 века сохранились многочисленные воспоминания современников, посещавших Соловецкий монастырь и даже некоторое время живших там в качестве богомольцев. Как правило, воспоминания оставляла так называемая “чистая публика”: священники, семинаристы, преподаватели разных учебных заведений, врачи, корреспонденты газет и журналов. Среди литераторов, оставивших свои воспоминания о Соловках, можно отметить имена С.В.Максимова (получивший за свою книгу “Год на Севере” золотую медаль Русского Географического общества), В.И.Немировича-Данченко, М.М.Пришвина.²⁹ В большинстве воспоминаний

²⁸ Церковный вестник. 1879, № 20, с. 8.

²⁹ Максимов С.В. Год на Севере. СПб. 1871; он же. Соловецкий монастырь. СПб. 1890; Немирович-Данченко В.И. Соловки.// Вестник Европы. 1874, кн.7-8, с. 501-540; Пришвин М.М. Весна света. М. 1953.

давался краткий очерк истории Соловецкого монастыря и описывалось его современное состояние.

Большое место в воспоминаниях уделялось и передаче впечатления, которое производила Соловецкая обитель на богомольцев. По словам современников, даже вид монастыря вызывал у паломников “благоговейное чувство”. Подчеркивалась значимость для богомольцев самого факта посещения таких святых мест, как Соловецкий монастырь. Как отмечалось в одном из воспоминаний, “в хождение по святым местам русский народ вкладывает весь свой религиозный порыв, всю поэзию своей души, ими избывает житейское горе”.³⁰

В “благоговейном” духе обычно продолжалось и описание монастыря, причем отмечались благоустройство обители, рациональное ведение хозяйства, внимательное и заботливое отношение иноков к паломникам. Отмечалось, что процветают Соловки благодаря своим покровителям - преподобным Зосиме и Савватию, которые внимают молитвам простых людей, особенно если молитвы воздаются в Соловецком монастыре. Укреплялось мнение о Соловецких островах, как о богоизбранном месте, где “среди холодного Белого моря, приспособиваясь к особенностям северной природы, живут иноки, проводя время в молитвах Господу и добывая хлеб насущный в поте лица своего”.³¹

Хотя воспоминания и содержат ценные сведения об укладе жизни на Соловках, быте и нравах братии, они больше, чем другие источники отличаются субъективностью. Как правило, в воспоминаниях дается несколько односторонний взгляд на монастырь, характеризуя обитель “идеальная духовная община и идеальная форма правления”.³² Сравнительно редко в воспоминаниях отмечались недостатки или какие-либо отрицательные стороны монастырской жизни. Среди воспоминаний и заметок об обители особое место занимает книга П.Ф.Федорова “Соловки”. П.Ф. Федоров был в 70-е годы 19 века судовым врачом на военной шхуне “Полярная звезда”, которая в летнее время по несколько раз заходила в гавань Соловецкого монастыря. Помимо посещения монастыря во время заходов шхуны, Федоров жил на Соловках и с качестве

---

³⁰ Дунаев Б.И. Соловецкая обитель. М., 1913, с. 3.

³¹ Труш К.А. Соловки в августе 1905 года. М., 1911, с. 12.

³² Пудовкин С.А. Наше путешествие на Север в 1901 году. Юрьев, 1905, с. 71.

простого паломника. Будучи ближе знакомым с жизнью обители, он гораздо полнее описал монастырское хозяйство, быт и нравы монашествующих. Наблюдая не одну только казовую сторону жизни монастыря, Федоров в своих выводах о роли и значении Соловецкого монастыря для жителей Севера России отошел от общепринятой точки зрения, что обитель служит просветительным началом для всего русского Севера и процветает только благодаря труду монашествующей братии. По мнению П.Ф.Федорова, богатство, славу и величие Соловецкой обители создал «совсем не труд иноков, а исключительно благочестие русского народа».³³ «Только благодаря этому благочестию и вере, - писал Федоров, - народ шлет в обитель даровой труд, разного рода дары натурой (скот, церковные вещи, холст и т.п.) и деньги. Причем последние или подносятся преподобным как дар, или же обмениваются на свечи, просфоры, панихиды и поминовения.»³⁴

Но, наряду со всеми достоинствами, в книге П.Ф.Федорова есть и слабые стороны. Это касается, прежде всего, цифровых данных, приводимые автором, которые порой оказываются неточными. Причиной тому, вероятно, послужило то, что Федоров имел довольно ограниченный доступ к монастырским документам и при описании обители полагался, главным образом, на собственные наблюдения и сведения, полученные из разговоров с иноками. Тем не менее, это не умаляет значение труда П.Ф.Федорова, который существенно превосходит по значимости и полноте остальные дошедшие до нас воспоминания о Соловецком монастыре.

Выводы, к которым пришел Федоров, наблюдая жизнь Соловецкой обители, значительно отличались от господствовавших на страницах популярных изданий мнений о монастыре. Как правило, популярные брошюрах и сборниках о Соловецком монастыре были рассчитаны не только на образованные слои общества, но и на простую публику, и материал в них подбирался таким образом, чтобы не развенчать благочестивый образ обители и тем самым привлечь больше паломников. Таковы, например, сборник «Рассказы о Соловецком монастыре», изданный Обществом распространения полезных книг; вышедшая в серии «Живописное обозрение русских святых мест»

---

³³ Федоров П.Ф. Соловки. Кронштадт, 1889, с.311.

брошюра о монастыре; культурно-исторический очерк “Соловецкая обитель”, написанная членом Московского императорского археологического общества Б.И. Дунаевым; популярный очерк А.В. Владимировой, выпущенный Постоянной комиссией по устройству народных чтений, и другие.³⁵

Часть подобного рода литературы издавалась и по заказу самого Соловецкого монастыря и предназначалась, главным образом для продажи богомольцам в обители. Так, шесть раз был переиздан “Руководитель для поклонников по Соловецкому острову”, вышли в свет брошюры “Соловецкие подвижники благочестия 18 и 19 века”, “Подвиги Соловецкой обители”, “О церковном почитании всех Соловецких святых мужей” и другие.³⁶ Для продажи и раздачи богомольцам по заказу монастыря выпускались различные листки и брошюры к знаменательным датам в истории обители. В монастыре заботились и об издании собственной истории. В 1899 году по инициативе настоятеля и Собора вышли в свет полная и краткая редакции “Истории первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря”, где описывались значительные события в истории обители с момента ее основания до конца 19 века, приводились сведения о ее настоятелях и построенных при них церковных зданиях и хозяйственных помещениях.³⁷

Итак, источники по социально-экономической истории Соловецкого монастыря во второй половине 19 - начала 20 века обширны и разнообразны. Значительная их часть находится в архивных фондах и практически не введена в научный оборот, что открывает широкие возможности перед исследователями истории Соловецкой обители.

---

³⁴ Там же, с. 312.

³⁵ Владимировой А.В. Соловецкая обитель. СПб., 1894; Дунаев Б.И. Соловецкая обитель. М., 1913; Рассказы о Соловецком монастыре. М., 1894; Сергиевский Н.А. Житие преподобных Савватия и Зосимы и описание Соловецкого монастыря. М., 1897; Соловецкий монастырь и его святыни. СПб., 1884; Соловецкий Зосимо-Савватиевский ставропигиальный I-го класса монастырь. Одесса, 1901, и другие.

³⁶ Подвиги Соловецкой обители. М., 1881. Руководитель для поклонников по Соловецкому острову. М., 1880. Никодим (Кононов). Соловецкие подвижники благочестия 18 - 19 веков. СПб., 1900, и др.

³⁷ История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899.

ИСТОРИОГРАФИЯ.

Социально-экономическая истории Соловецкой обители во второй половине 19 - начале 20 века крайне скудно отражена в исторических исследованиях. Как правило, наибольшее внимание историков привлекали развитие монастырского хозяйства в 16 - 17 веках, когда обитель имела значительные земельные владения и развитое промысловое хозяйство, и восстание соловецких монахов-старообрядцев во второй половине 17 века против нововведений патриарха Никона.³⁸

Ряд исторических работ посвящен изучению Соловецкого монастыря, как пограничной военной крепости и секретной государственной тюрьмы в 16 - 19 веках.³⁹ В начале 20 века на эту тему вышла книга М.А.Колчина, прожившего три года в Соловецком монастыре в качестве фельдшера.⁴⁰ В своей работе Колчин впервые использовал документы, хранившиеся в монастырском архиве, доступ в который мирским людям был весьма затруднен. Автор с сочувствием относится к арестантам Соловецкого монастыря, принимая их сторону и обвиняя монастырское начальство в создании суровых условий содержания заключенных. В целом, работа представляет собой несколько сырой материал и требует критического отношения. Из историков советского времени изучением Соловков, как военной крепости и государственной тюрьмы, занимался Г.Г.Фруменков, написавший по этой теме ряд заслуживающих внимания исследований.⁴¹

В последние годы большой интерес стала вызывать история Соловков в советское время, особенно период, последовавший за упразднением монастыря в 1920 году, когда острова находились в распоряжении Управления северных

---

³⁸ См. Барсуков Н. А. Соловецкое восстание 1668-1676 гг. Петрозаводск, 1954; Борисов А.М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в 16 - 17 вв. Петрозаводск, 1966; Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. - Соч. в 9 тт., т.8, 1990; Савич А..А. Соловецкая вотчина в 15 - 17 вв. Пермь, 1927; Сырцов И.Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в 17 веке. Кострома, 1889.

³⁹ В 1903 году по почину военного министра А.Н.Куропаткина монастырская тюрьма была уничтожена, а на месте ее устроена больница с церковью для монашествующих и богомольцев.// Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908, с. 16.

⁴⁰ Колчин А.М. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в 16 - 19 веках. М., 1908.

лагерей особого назначения. Впрочем, изучение трагической истории Соловецких лагерей особого назначения, преобразованных в 1937 году в Соловецкую тюрьму особого назначения, ограничивается пока публицистикой и воспоминаниями бывших заключенных.

Таким образом, наиболее изучен в истории Соловецкой обители период с момента возникновения монастыря в первой половине 15 века до секуляризации церковных земель в 1764 году и начинает изучаться период после 1917 года. Экономическое же и социальное положение обители в 19 - начале 20 века остается без должного внимания историков.

В данной работе были использованы, главным образом, исследования общего характера, рассматривающие состояние и положение всех православных российских монастырей на рубеже 19 - 20 веков и нередко включавшие материалы и по Соловецкому монастырю. Нужно отметить, что до 1917 года при изучении хозяйства и внутренней жизни монастырей существовали и объективные трудности: монастыри не склонны были посвящать в свои хозяйственные дела посторонних лиц и предоставлять им данные о монастырских капиталах, доходах и расходах. Старались не предавать гласности и факты, которые могли повредить репутации того или иного монастыря, показать жизнь монашествующих в невыгодном свете. Так, по словам Д.И.Ростиславова, автора вышедшего в 1876 году "Опыта исследования об имуществе и доходах наших монастырей", "монастыри не открывают свои доходы даже консисториям, а статистические сведения о монастырях по местам считаются важнее государственных тайн: на них наложено совершенное табу..., - да и сами монашествующие лица не только не охотно говорят о своих доходах, но и любят уменьшать их".⁴² По этой причине дореволюционная литература о монастырском хозяйстве того периода порой страдает недостатком конкретных данных о доходах и расходах монастырей.

Наиболее всесторонне и глубоко имущественное положение монастырей во второй половине 19 века было рассмотрено в упомянутом труде

---

⁴¹ Фруменков Г.Г. Из истории ссылки в Соловецкий монастырь в 18 веке. Архангельск, 1963; он же. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в 16 - 19 веках. Архангельск, 1975; он же. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1979.

⁴² Ростиславов Д.И. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. Спб., 1876, с.5.

Д.И.Ростиславова, где сопоставлены размеры капиталов, статей прихода и расхода около двухсот монастырей, в том числе и Соловецкого. В своей работе Ростиславов использовал ведомости о доходах и расходах, предоставленные настоятелями некоторых монастырей, отчеты обер-прокуроров Синода, сметы расходов по духовному ведомству, а также газетные и журнальные статьи о разных монастырях, и устные сведения. Относительно Соловецкого монастыря, видимо, автор “Опыта...” не всегда располагал точными данными, что приводило его порой к не вполне обоснованным предположениям (например, о размерах кружечного вознаграждения соловецкой братии и настоятеля и пожертвованиях в пользу братии). В целом, по оценке Ростиславова, Соловецкий монастырь был одним из богатейших в России, превосходили его в этом отношении, пожалуй, только лавры. Проводя свое исследование, Ростиславов пришел к выводу, что монастыри все свои богатства получили от православного народа, и “богаты более, нежели сколько нужно для безбедного и вполне приличного существования их”.⁴³ При этом монастырская благотворительность относительно мирского населения далеко не соответствовала тем значительным суммам ежегодного дохода, которые получали монастыри. Богатства же монастырей, как считал Ростиславов, были “не только не бесполезны, но и положительно вредны для них, как в религиозном, так и в нравственном отношении”.⁴⁴

Вопрос об имуществе монастырей поднимался и в работе С.П.Мельгунова “Наши монастыри”. Основываясь на данных о монастырских хозяйствах начала 20 века, С.П.Мельгунов также приходит к выводу, что монастыри получают огромные доходы, и этими доходами монашествующая братия распоряжается “сообразно своим личным вкусам и потребностям”.⁴⁵ “К благотворительности же, - пишет Мельгунов, - не склонна дума современного монаха, и эта благотворительность носит добровольный характер”.⁴⁶ Из исторических работ советского времени, рассматривающих имущественное положение монастырей до 1917 года, можно отметить труд В.П.Зыбковца

---

⁴³ Там же, с. 380.

⁴⁴ Там же, с. 381.

⁴⁵ Мельгунов С.П. Наши монастыри. К вопросу о секуляризации монастырских земель. Пг., 1917, с.22.

⁴⁶ Там же, с. 23.

“Национализация монастырских имуществ в Советской России. 1917 - 1921 гг.”⁴⁷

Подобные утверждения о несоответствии быта монашествующих церковно-монашескому уставу и целям иноческой жизни звучали не только на страницах научных изданий, но и вызывали живой интерес со стороны общественности. В периодической печати поднимался вопрос о реформе монастырей, предлагались различные пути их преобразования, вплоть до полного упразднения.⁴⁸ В ответ на такие статьи и публикации защитники монашества выступали с доводами о необходимости существования монастырей, а если и высказывались за реформу быта монашествующей братии, то в более умеренной форме.⁴⁹ В данной работе подобного рода литература была использована, главным образом для того, чтобы выяснить, каково было в рассматриваемый период общественное мнение по поводу состояния и назначения монастырей, осознавали ли необходимость реформ сами монашествующие, и какие пути реформирования были предложены, как со стороны общества, так и со стороны духовного ведомства.

После упразднения Соловецкого монастыря в 1920 году изучением, как истории обители, так и самих Соловецких островов, стало заниматься организованное в 1924 году Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения, ставшее в октябре 1926 года самостоятельной краеведческой организацией. Сосланные на Соловки ученые вели в рамках организации исследования в различных областях знаний.⁵⁰ В историко-краеведческом плане сотрудники общества исследовали оставшиеся архивы Соловецкого монастыря,

---

⁴⁷ Зыбковец В.П. Национализация монастырских имуществ в Советской России. 1917 - 1921 гг. М., 1975. Приводя в своей работе смету прихода и расхода Соловецкого монастыря на 1916 год (с.204), Зыбковец не совсем верно передал ее содержание. Так, под видом сметы расхода на 1916 год в действительности приводится смета расхода на 1912 год, причем некоторые расходные статьи не указаны, зато дается отсутствовавшая в отдельности статья “на утешение братии” (в размере 68300 рублей). В результате этого неправильно показана общая сумма расхода и разница между приходом и расходом.

⁴⁸ См. Боголюбовский М.С. Несколько слов о монашестве прежнем и нынешнем. Спб., 1891; Вопрос о реформе монастырей. //Вестник Европы. 1873, кн. 8; Наши монастыри, их богатства и получаемые ими пособия. //Беседа. 1872, кн. 6-7, и др.

⁴⁹ См. Горохов Д.Е. В защиту монашества. Киев, 1911; Дух и заслуги монашества для церкви и общества. Спб., 1874; Иосиф (Баженов). Монастырский вопрос. Спб., 1872; Кузнецов Н.Д. Общественное значение монастырей. Спб., 1908; Пимен (Благово). В защиту монашества. Опыт ответа на “Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей”. Спб., 1876, и др.

⁵⁰ Флейман Е..А. Ученые в условиях соловецкой ссылки в 1920-1930 годах.//IV Соловецкий общественно-политический форум. Архангельск-Соловки, 1992, с.142.

собирали сведения об основателях монастыря и первых поселенцах островов. Социально-экономическая история обители на рубеже 19 - 20 веков, к сожалению, не стала предметом пристального изучения со стороны Соловецкого общества краеведения, и работы по этой теме ограничиваются лишь одной статьей о земледелии на Соловках. Автор статьи, Д.Н.Матвеев, сопоставляя записи монахов-огородников, ведшиеся в конце 19 - начале 20 века, с данными о монастырском огородничестве, которые содержались в воспоминаниях современников, пришел к выводу, что указания современников относительно размеров монастырских огородов, как правило, не соответствовали действительности и сложились у них "под влиянием тех неожиданных для их глаза картин, какими поражали монахи-огородники: дынь, арбузов, персиков".⁵¹

В 70-80 годах, в основном, уделялось внимание изучению Соловецкого монастыря как памятника архитектуры девятнадцатого и более ранних столетий.⁵² В последние годы возрос интерес к истории церкви, и в частности, монастырей. Появился ряд публикаций о значении и месте монастырей в экономике дореволюционной России и перспективах развития монастырского хозяйства в настоящее время.⁵³ Отмечая положительные стороны хозяйствования монастырей, авторы многих этих статей приводят в качестве примера хозяйство Соловецкой обители, подчеркивая его рациональность, "сочетание смелого инженерного поиска с желанием максимально использовать природные возможности"⁵⁴, эффективное распределение средств. Однако,

---

⁵¹ Матвеев Д.Н. Земледелие на Соловках в прошлом и настоящем.// Соловецкое общество краеведения. Материалы. Вып. XIV. Соловки, 1927, с. 18.

⁵² См. Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980; Богуславский Г.А. Острова Соловецкие. Архангельск, 1971; Буров В.А., Скопин В.В. О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее зодчем монахе Трифоне. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985; Скопин В.В., Щенникова Л.А. Архитектурно-художественный ансамбль Соловецкого монастыря. М., 1982; Скопин В.В. На Соловецких островах. М., 1990.

⁵³ См. Матрусов Н.Д., Анискович Е.М., Кивва К.В. Монастыри и преобразование жизненной среды России.// Православные монастыри и экология. М., 1994; Волков В.А. Православные монастыри и проблемы экологического оздоровления российских городов.// Там же; Сергей (Киперман). Идеалы и реалии русского монашества в прошлом и настоящем.// Религия и демократия: на пути к свободе совести. М., 1993, вып.2; Писемский В.А., Калашнов Ю.И. Православие и экономика.// Журнал Московской патриархии. 1992, № 9; они же. Православие и духовный тип российского предпринимателя.// Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 1. ч. 2. М., 1993; Сабирова В.М. Религиозные традиции и их преломление в экономической жизни.// Диалектика и культура. Тез. докл. межвуз. науч. конф. Пермь, 1991, и др.

⁵⁴ Волков В.А. Православные монастыри и проблемы...// Православные монастыри и экология. с.29.

далее общих положений о рациональности хозяйства Соловецкого монастыря речь в этих публикациях не идет.

Некоторые аспекты истории Соловецкого монастыря (правда, в основном, 16 века и 20-30 годов 20 века) рассматривались на IV Соловецком общественно-политическом форуме, проходившем в Архангельске, по тематике “Человек и общество: психологическое здоровье и экология культуры.”⁵⁵

Помимо исследований непосредственно о Соловецкой обители, а также вообще о монастырях, в данной работе была привлечена справочная литература и литература по российской экономике второй половины 19 - начала 20 века и различным отраслям хозяйства.⁵⁶

На этом можно закончить обзор литературы по хозяйству, составу братии и внутренней жизни Соловецкого монастыря во второй половине 19 - начале 20 века. Как видно, вопросы социально-экономической истории обители мало изучались как в до-, так и в послеоктябрьский период, несмотря на множество сохранившихся по этой теме источников.

---

⁵⁵ Минеева С.В. Восприятие Соловков как культурно-религиозного центра 16 века в сознании монашеской братии. // IV Соловецкий общественно-политический форум. Архангельск-Соловки, 1992; Флейман Е.А. Ученые в условиях соловецкой ссылки в 1920-1930 годах. // Там же.

⁵⁶ Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908; Свод товарных цен на главных рынках России за 1890-1896 гг. Спб., 1897; Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989; Жилинский А.А. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. Пг., 1917; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1952; Барановский А. Научно-опытные элементы в практике соловецкого сельского хозяйства. // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. 1. Соловки, 1927, и др.

БРАТИЯ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ.

1. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ.

“Если христиане, по слову Евангелия, являются солью земли (Мф. 5,13), то монашествующие являются солью христианства.”⁵⁷ Монашеская жизнь, по ее сущности и обетам, сильно отличается от жизни христиан-мирян. Цель ее - исключительно евангельская, подвижническая, без всяких житейских задач и удовольствий. Монашествующие, “решительно отказавшиеся от мира и всех его наслаждения, от богатства, семейной жизни, даже от своей воли, прервавшие связь с родными, ведущих девственную жизнь, усмиряя свои страсти и проводя большую часть времени в молитвах и трудах, внушали мирянам не одно чувство удивления или уважения к ним, а нечто близкое к благоговению. Массы народные во все почти времена, почти во всех религиях, считали таких людей существами вышечеловеческими.”⁵⁸

Соловецкие острова, отделенные от материка десятками километров водной стихии и большую часть года недоступные для посещения, как нельзя лучше подходили для осуществления монашеских аскетических идеалов. Только благодаря религиозному одушевлению удержались на соловецкой земле первые поселенцы-подвижники, чьи аскетические подвиги открыли инокам путь на Соловки. Постепенно Соловецкая обитель стала одной из самых почитаемых в России святынь, которую “в чисто нравственном отношении ставили на одно из первых мест среди других монастырей”.⁵⁹ Несомненно, что авторитет и популярность обители во многом зависели от самих монашествующих. Сильные и слабые стороны соловецкой братии так или иначе влияли на внутреннюю жизнь обители, на отношения между иноками, на развитие монастырского хозяйства, т.е. на весь уклад жизни на Соловках. В связи с этим возникает закономерный интерес к изучению самой монашествующей братии Соловецкого монастыря, к тому, что собой представляли соловецкие иноки во второй половине 19-начале 20 века.

---

⁵⁷ Св.Сергий (Киприан). Идеалы и реалии российского монашества в прошлом и настоящем. // Религия и демократия: на пути к свободе совести. М. 1903, вып.2, с.315.

⁵⁸ Ростиславов Д.И. Указ.соч., с.12-13.

⁵⁹ Федоров П.Ф. Соловки, с. 1.

Справедливости ради нужно отметить, что современники по-разному отзывались о соловецкой братии: начиная с восторженных откликов и заканчивая критикой всего уклада жизни в обители. Благоприятные отзывы особенно часто встречались в популярной литературе о Соловецком монастыре. Как правило, на страницах подобного рода изданий создавался образ “простого ласкового инока, нелицемерно готового услужить богомольцам и располагающего чувствовать, что находишься у близких, родных людей”.⁶⁰ Посетивший Соловки В.И.Немирович-Данченко писал о них, как о “прекрасном уголке земли, лучшей части нашего Севера, ...где крестьянин оживает и быстро смотрит вперед, мечтая, рано или поздно войти в эту добрую рабочую семью в качестве её полноправного члена”.⁶¹

В целом, лейтмотивом подобных отзывов была мысль, что “иночество - это крепкий оплот против бурь безнравственности, которые могут разразиться над русской землей”.⁶²

Реже раздавались голоса тех, кто сомневался в справедливости последнего утверждения, в частности, относительно Соловецкого монастыря. Критика в адрес соловецкой братии иногда появлялась на страницах периодической печати. Так, после выхода в 1879 г. в “Церковно-общественном вестнике” статьи “О современном рабстве и современных египетских угнетениях в одном из отдаленных уголков России” о положении мальчиков-трудников на Соловках, “Церковный вестник” открыл специальную рубрику “К защите Соловецкого монастыря”, что повело за собой целую полемику о нравах соловецкой братии на страницах этих журналов.

Нужно заметить, что критика обычно исходила из-под пера людей более менее тесно связанных с монастырем, иногда даже самих монахов. Авторы таких отзывов подчас были довольно откровенны, описывая внутреннюю жизнь монастыря, но в то же время отличались и большей пристрастностью, нежели обычные посетители Соловков. К примеру, наиболее резко отзывался о братии иеромонах Соловецкого монастыря Серафим. По его словам, в “Соловецком монастыре невозможно будет жить не только лицу, имеющему высшее

⁶⁰ Соловецкая обитель. Спб. 1901, с.38.

⁶¹ Немирович-Данченко В.И. Соловки //Вестник Европы. 1874, кн.7-8, с.533.

⁶² Соловки.//Вера и церковь. 1899, №7-8, с.439.43

образование и стремящему к осуществлению монашеского идеала (правда, под таким лицом Серафим имел в виду прежде всего самого себя - Т.С.), но и всякому честному, благородному и строго нравственному человеку”⁶³ Причину такого положения он видел в том, что “почти вся братия состоит из малограмотных крестьян и мещан, а также из лиц духовного звания, исключенных в свое время из духовных училищ или никогда не учившихся”⁶⁴

Современники, кстати, отмечали “мужицкий” состав соловецкой братии, то, что “громадное большинство монахов - уроженцы северных неприглядных мест, где воспитание вовсе не таково, чтобы способствовать развитию чувства прекрасного”⁶⁵

Хотя критика в адрес братии редко публиковалась, зато она чаще привлекала внимания начальства - Московской Синодальной Конторы и Святейшего Синода, поскольку часто была главной темой многочисленных донесений, прошений и жалоб соловецких иноков.

Итак, чтобы ответить на вопрос, что же в действительности представляла собой братия Соловецкого монастыря, постараемся выяснить, кто шел в монахи, в каком возрасте, из каких местностей, каков был образовательный уровень иноков и, наконец, как складывались взаимоотношения внутри братии, какова была внутренняя жизнь обители. Прежде всего, обратимся к послужным спискам монашествующих, которые содержат весьма ценную информацию о происхождении, возрасте и образовании иноков. Возьмем послужные списки за 1865, 1878 и 1915 годы. Кроме послужных списков самих монашествующих: иеромонахов (монахов-священников), иеродьяконов (монахов-дьяконов) и манатейных монахов, - рассмотрим также и послужные списки послушников, т.е. рясофорных монахов⁶⁶, которые практически были членами братии, хотя в монашеском звании не состояли и пользовались всеми правами мирян.⁶⁷

⁶³ РГИА, ф.796, оп.160, д.128, л.54.

⁶⁴ Церковно-общественный вестник. 1879, №89.

⁶⁵ Федоров П.Ф. Соловки, с.27.

⁶⁶ Рясофорный монах - послушник, получивший от настоятеля благословение на ношение рясы с клобуком, без пострижения.

⁶⁷ Ивановский В.М. Русское законодательство 18-19 вв. в своих постановлениях относительно монастырей // Вера и разум. 1904, № 4-5, с. 264.

По данным послужных списков за 1865 год⁶⁸ в обители было 121 монашествующий: 43 иеромонаха, 35 иеродьяконов, 43 монаха, - и 110 послушников. Из монашествующей братии 26 человек состояли на покое, т.е. не несли никаких послушания по слабости здоровья или по старости. “Верхушку” братии составляли иеромонахи. Они получали лучшую келью, большее жалованье, освобождались от черных и трудных работ, пользовались большим почетом со стороны богомольцев, послушников и простых монахов, имея право благословлять их. По словам П.Ф.Федорова, “положение иеромонахов было вполне прочно, наиболее выгодно, а поэтому крайне желательно для всех монашествующих”.⁶⁹

Возрастной состав братии выглядел следующим образом. Моложе 32 лет монашествующих не было (среди иеромонахов самому молодому было 35 лет), в наиболее преклонном возрасте находился 90-летний схимонах Иоани. Самой многочисленной была возрастная группа от 41 до 50 лет (треть братии), затем от 31 до 40 лет - 21%. Доля состоящих на покое монашествующих также равнялась 21%. Самые пожилые (свыше 70 лет) составляли собственно 7%.

Более половины монашествующих было моложе 50 лет; у иеромонахов таких лиц насчитывалось 65%, у иеродьяконов - 91 %, у монахов - 61%. Среди иеромонахов и монахов большинство было в возрасте от 41 до 50 лет. В целом возрастная структура иеромонахов очень близка к структуре монахов. Среди иеродьяконов подавляющее большинство, 66%, было в возрасте от 31 до 40 лет.

Около 6% иноков в возрасте до 40 лет являлись иеродьяконами, 15% - иеромонахами и 23% - монахами. Иеродьяконы моложе 40 лет были главными кандидатами на принятие сана иеромонаха. Анализ послужных списков 124 иеромонахов за период с 1865 по 1905 гг. показал, что из них к сорока годам иеродьяконами стали 80 человек, причем 70% из этих 80-ти до сорока лет уже были рукоположены и в сан иеромонаха.⁷⁰

Большая часть братии монастыря постригались в монашество в возрасте с 31 до 40 лет, 19% сделали это даже до 30 лет, 17% постриглось между 41 и 50 годами, 12% - в возрасте 51-60 лет и 4% - после 60-ти лет. Среди иеромонахов

⁶⁸ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, дд. 793, 794.

⁶⁹ Федоров П.Ф. Соловки, с. 32.

⁷⁰ РГАДА, ф. 1201. оп.4, дд. 793, 812, 838, 863, 880, 893, 897.

около 93% стали к 40 годам манатейными монахами, среди иеродьяконов этот показатель равнялся 70%; значительно отставали в этом отношении монахи, среди которых только 30% постриглись в монашество до 40 лет. Как правило, иеродьяконами и иеромонахами обычно становились те послушники, которые принимали монашество до 40 лет. Постригавшиеся в монашество после 40 лет часто так и оставались монахами, в лучшем случае становились иеродьяконами и чрезвычайно редко (8%) - иеромонахами.

У послушников возрастные группы распределялись следующим образом: 36% были в возрасте до 30 лет (самому молодому - 19 лет), 31% - в возрасте от 31 до 40 лет, по 14% - от 41 до 50 и от 51 до 60 лет, и, наконец, 5% - свыше 60 лет (самому пожилому шел 72 год). Большинство послушников (76%) пришли в монастырь до 30 лет, некоторые жили в обители с 12 лет, 12% - в возрасте от 31 до 40 лет, 10% - от 41 до 50, и только 2% пришли в обитель после 50-летнего возраста. Послушниками, или рясофорными монахами, обычно становились до 30 лет, 61%, а отдельные лица удаивались этого даже в 17-18 лет, гораздо меньше - 24% - были приняты в послушники монастыря в возрасте от 31 до 40 лет, 9% - от 41 до 50, и 6% - в возрасте свыше 50 лет. Таким образом, большинство желающих стать монахами обычно приходило в обитель в 20-летнем возрасте, 3-5 лет жили в монастыре в качестве богомольцев-трудников, к 30-ти и ранее годам становились послушниками, после 30-ти - постригались в монашество, и затем часть из них рукополагалась в сан иеродьякона и иеромонаха.

Большинство монашествующей братии⁷¹ было выходцами из северных русских губерний: Вологодской, Вятской, Архангельской и Новгородской. Пальма первенства здесь принадлежала Вологодской губернии: её жители составляли пятую часть иноков. За ней шли Вятская - 17%, Архангельская - 13% и Новгородская губерния - 6%. Шесть человек были родом из Тверской губернии (5%), пятеро - из Москвы, по четыре представителя от Орловской, Олонецкой, Ярославской, Рязанской, С.-Петербургской губерний, трое - из Курской, по двое - из Тамбовской, Полтавской, Тульской и Владимирской и, наконец, только по

---

⁷¹ В послужных списках послушников информация об их прежнем месте жительства, а также об образовании, отсутствует.

одному человеку приехало в монастырь из Пермской, Воронежской, Смоленской и С.Михельской губерний.

Север России поставлял основное число братии, в то же время треть монашествующих была из центральных губерний, что говорит хотя бы об известности и популярности Соловецкого монастыря в этих губерниях.

В соловецкие монахи шли, главным образом, крестьяне и мещане. Так, из крестьян было 56 человек (47%), из мещан - 30 (25%), из духовного сословия - 13 человек (11%), дети купцов и отставные военные составляли по 8%. В братии находились сын неслужилого дворянина, сын титулярного советника и два подмастерья из С.Петербургских цехов. Эти данные подтверждают заявления современников о “мужицком” составе соловецкой братии, который “давал окраску всему строю жизни на Соловках”.⁷²

Уровень образования соловецких иноков был невысоким: 10% неграмотных, 77% только “российской грамоте читать и писать умели” и лишь 11% обучались в училищах и семинариях. Закончили семинарию 4 человека, остальные осилили лишь низшее или среднее отделение. Среди иеромонахов окончившие или обучавшиеся в училищах и семинариях составляли 18%, среди иеродьяконов - 25% и монахов - 3%. Как видно, иеродьяконы - наиболее молодая часть братии были и наиболее образованы. Преобладание же в монастыре малограмотных, но привычных к суровой северной природе и труду крестьян играло важную роль в поддержании и развитии хозяйства обители.

Рассмотрим теперь послужные списки за 1878 год.⁷³ Число братии увеличилось до 157 человек: 46 из них были иеромонахами, 24- иеродьяконами и 87 монахами, на покое находились 9 человек. По сравнению с 1865 годом абсолютное число иеромонахов практически не изменилось, но относительное снизилось с 33 до 27%. Меньший процент стали составлять и иеродьяконы: 14% вместо почти 20% в 1865 году. Зато более чем в два раза возросло число манатейных монахов, их доля увеличилась до 52%.

Увеличение братии явилось, скорее всего, результатом возросшей популярности Соловецкой обители, особенно после Крымской войны, когда англичане потерпели фиаско под стенами монастыря и были вынуждены

---

⁷² Федоров П.Ф. Соловки, с. 29.

удалиться. После войны число паломников на Соловки стало неуклонно расти. Если в начале 19 века монастырь ежегодно посещало 2-3 тысячи богомольцев, то в 60-е годы число их возросло до 7-10 тысяч, а к концу 19 - началу 20 века достигло 20-23 тысяч человек. Чтобы принять такое количество паломников, требовалась и более многочисленная братия. И, действительно, как показывают послужные списки, число соловецких монашествующих возросло с 1865 по 1915 гг. в два раза.

Но вернемся к 1878 году и рассмотрим возрастной состав братии. Самому молодому монаху было 34 года, наиболее пожилым - по 75 лет. Как и в 1865 году больше всего было монашествующих в возрасте от 41 до 50 лет, хотя заметно некоторое "постарение" братии: на пару процентов уменьшилась доля не достигших 40-летнего возраста, более чем в полтора раза возросло число братии в возрасте от 51 до 60 лет, на 3% увеличилась доля иноков старше 60 лет, и около 2% стали составлять те, кому было за 70, но на покое они не находились.

Половина иноков по-прежнему была моложе 50 лет, но если в 1865 году "активные" монашествующие, т.е. не состоящие на покое, старше 50 лет составляли 23%, то в 1878 г. - 39%. Таким образом, часть послушаний, которая раньше лежала на плечах иноков, не достигших 50 лет, к 1878 г. перешла к более пожилым.

Среди иеромонахов также произошли некоторые изменения: уменьшилась доля лиц в возрасте до 50 лет, возросло число пожилых. Что же касается иеродьяконов, то больше половины было в возрасте от 41 до 50 лет (в 1865 г. - 27%), с 66 до 27% упала доля лиц, не достигших 40 лет, в два раза увеличилась доля перешагнувших 50-летний рубеж. Такое повышение возрастного уровня иеромонахов и иеродьяконов логично связать с увеличением числа манатейных монахов. При малоизменившемся числе иеромонахов и иеродьяконов больше иноков оставалось просто в монахах. Возможно, при выборе кандидатов на рукоположение в сан иеромонаха и иеродьякона больше стал учитываться возраст кандидатов.

Возрастная структура монахов в 1878 г. мало изменилась по сравнению с 1865 годом: 61% были в возрасте до 50 лет, на 4% стало больше монахов от 51

---

⁷³ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 838.

до 60 лет. По сравнению со старшей братией возрастная структура монахов оказалась более стабильной.

В 1878 году в обители проживало 90 послушников. Чуть более трети из них, 36%, было в возрасте от 31 до 40 лет, 27% - в возрасте от 41 до 50 лет. Послушники моложе 30 лет стали составлять всего 12% (в 1865 г. - 36%), зато старше 50 - 25% (в 1865 г. - 19%). Как и в 1865 году, большинство послушников пришло в обитель до 30-летнего возраста (68%), гораздо меньше (20%) в возрасте от 31 до 40 лет, и 12% - после 40 лет. Несколько позднее, по сравнению с 1865 годом, принимали в послушники: 33% стали послушниками до 30 лет (в 1865 г. - 61%), 46% - в возрасте от 31 до 40 лет, и 21% - после 40 лет.

Большинство соловецких иноков, как и в 1865 году, были выходцами из северных губерний, центральные и западные губернии поставляли около трети монашествующих. В 1878 году несколько расширилась география этих губерний: в обители появились монашествующие родом из Костромской, Казанской, Нижегородской, Пензенской, Екатеринославской, Харьковской и Киевской губерний.

Позднее в 1878 г. стали постригаться в монашество: до 30 лет стали монахами 5% (в 1865 г. - 19%), в возрасте от 31 до 40 лет - две трети и после 50 лет - 5%. Среди иеромонахов к сорока годам постриглось 95%, у иеродьяконов - 90% и монахов - 54%. Как видно, у монахов более половины постриглось в монашество до 40 лет (в 1865 г. - третья часть), однако теперь более продолжительное время приходилось быть манатейным монахом, прежде чем принять сан иеродьякона.

Что касается сословного состава, то большинство братии происходило из крестьян (54%), из мещан - 22%, из духовного сословия - 11%, из купцов - 5%; двое до пострижения в монашество были кантонистами, один - кузнечным мастером. Иноками стали отставной канцелярский служитель, отставной писец, отставной унтер-офицер, два обер-офицерских сына, сын неслужилого дворянина, сын титулярного советника, неслужилый дворянин, отставной титулярный советник. Среди братии неграмотными были 9%, в училищах и семинариях обучались 12%, около 78% умели читать и писать, два человека (1,2%) получили высшее образование. Один из них был магистром Киевской Духовной Академии - иеромонах Серафим, второй - иеродьякон Паисий,

окончивший Ярославский Демидовский лицей. Паисия поместили в Соловецкий монастырь “за составление ложного понятия о внутренней молитве, не согласного с учением Святой церкви, за распространение такового заблуждения своего в среде монастырской, за посещение в тех же видах женских монастырей Ростова и Ярославля, за опущение Богослужения и отказ от возложенной на него должности письмоводителя Николо-Бабаевского монастыря”. Паисию запретили священнослужение, но в 1875 году запрещение сняли ввиду отказа от своего “ложного учения о внутренней молитве”. В 1895 году он даже был возведен в должность благочинного монастыря и состоял в ней более двадцати лет. На личности иеромонаха Серафима, поскольку он заслуживает отдельного рассмотрения, остановимся несколько ниже.

По сравнению с 1865 г. относительное число обучавшихся в семинариях и училищах иноков практически не изменилось, появилось больше образованных среди иеромонахов и монахов, у иеродьяконов же этот показатель упал с 25 до 18%. Образованные монахи в 1878 г. составили уже 33% от общего числа лиц, обучавшихся в семинариях и училищах (в 1865 г. - 7%).

Итак, можно отметить, что братия монастыря росла за счет увеличения числа манатейных монахов при практически неизменном числе иеродьяконов и иеромонахов. Среди старшей братии становилось больше пожилых иноков, монахи, наоборот, “молодели”, повысилась доля образованных в их среде.

И, наконец, проанализируем послужные списки за 1915 год.⁷⁴ Численность братии возросла до 211 человек, из них было 58 иеродьяконов, 36 иеродьяконов и 117 монахов. На покое находились 27 человек. Самые молодые монашествующие были в возрасте 31 года, наиболее пожилые - 84-х лет. Пятидесятилетия не достигли 47% братии. По сравнению с 1865 и 1878 годами несколько уменьшилась доля иноков моложе 40 лет; братия в возрасте от 41 до 50 лет во все взятые годы составляли примерно третью часть. С 1865 года увеличилось число монашествующих старше 50 лет, но не состоящих на покое. Если в 1865 году совсем не было иноков старше 70 лет, исполняющих послушания, то в 1878 г. они составили 2%, а в 1915 г. - почти 3%. Чтобы

---

⁷⁴ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 911. Послужные списки послушников за этот год обнаружить не удалось.

показать, как менялось соотношение возрастных групп среди иеромонахов, иеродьяконов и монахов, составим следующую таблицу:

Таблица № 1. Возрастной состав братии Соловецкого монастыря в 1863, 1878 и 1915 годах.

Год	Возраст	Иеромонахи		Иеродьяконы		Монахи		На покое		Всего	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1865	31-40	4	10	16	66	6	19			26	21
	41-50	22	55	6	25	13	42	1	4	42	34
	51-60	10	25	2	9	8	26	5	19	25	20
	61-70	4	10			4	13	11	43	19	17
	св.70							9	34	9	8
	Итого	40	100	24	100	31	100	26	100	121	100
1878	31-40	4	9	6	27	21	26			31	20
	41-50	14	32	12	54	30	36			56	36
	51-60	15	35	3	14	25	30	2	22	45	28
	61-70	8	19	1	5	6	7	4	45	19	11
	св.70	2	5			1	1	3	33	6	5
	Итого	43	100	22	100	83	100	9	100	157	100
1915	31-40	3	7	11	31	23	23			37	17
	41-50	19	41	11	31	33	32			63	30
	51-60	16	35	8	22	31	30	3	11	58	27
	61-70	7	15	3	8	13	13	9	33	32	15
	св.70	1	2	3	8	2	2	15	56	21	10
	Итого	46	100	36	100	102	100	27	100	211	100

При анализе таблицы можно проследить некоторые тенденции в изменении возрастного состава братии. Во-первых, видно уменьшение доли иноков в возрасте с 31 до 40 лет среди иеромонахов и иеродьяконов, больше их становится только у монахов, хотя и у них в процентном отношении “молодежь” стоит на третьем месте. Особенно сильно падает доля молодых иеродьяконов: с 66% в 1865 г. до 27% в 1878 г. и 31% в 1915 году. Во-вторых, можно отметить, что наиболее многочисленной была возрастная группа с 41 до 50 лет, лишь в 1865 г. у иеродьяконов и в 1878 г. у иеромонахов 25 и 32% соответственно.

Заметна тенденция к увеличению группы монашествующих от 51 до 60 лет. Так, среди иеромонахов и монахов она находилась на втором, а в 1878 г. у иеромонахов даже на первом месте. Постоянно возрастала её доля и среди иеродьяконов. Наконец, как видно из таблицы, больше становилось иноков преклонного возраста (старше 70 лет), которые несли монастырские послушания и не находились на покое.

Наиболее стабильной оставалась возрастная структура манатейных монахов. Некоторое сходство с ней прослеживается в структуре иеромонахов: большинство было в возрасте от 40 до 60 лет, но если у монахов их число составляло от 62 до 66%, то у иеромонахов могло доходить до 80%. Среди монахов и иеродьяконов не видно значительного преобладания какой-то одной возрастной категории.

Сопоставим теперь данные о губерниях, из которых происходили соловецкие монахи. Из северных губерний в 1865 г. было 58% монашествующих, в 1878 г. - 62%, в 1915 г. - 56%. В начале 20 века меньше стало иноков из Вятской губернии, зато до 30% возросло число вологодцев. Почти всегда были монахи родом из Московской, С.Петербургской, Воронежской, Ярославской, Тверской, Владимирской, Тульской, Полтавской губерний. Жители других мест появлялись в числе братии эпизодически, обычно по одному человеку, например, из Херсонской, Енисейской, Самарской, Казанской, Харьковской и других губерний.

В начале 20 века на Соловках постригались в монашество практически в том же возрасте, что и в 1878 г. и в том соотношении: около 60% - в возрасте от 31 до 40 лет, 28% - от 41 до 50 лет, по 6% - в возрасте до 30 лет и от 51 до 60, после шестидесяти - 0,4%.

Учитывая то, что до пострижения в монашество послушники несколько лет жили на Соловках, большую часть своей жизни иноки проводили в стенах монастыря.

С образовательным уровнем в 1915 г. дело обстояло следующим образом: неграмотных или умеющих только читать насчитывалось 2,8%, высшее образование было лишь у благочинного игумена Паисия, сельские школы окончили 4%, училища - 5%, семинарии - 1%, домашнее образование (скорее всего не выходящее за пределы читать и писать) имели 39%. Почти половина братии обучались или закончили Соловецкое братское училище, причем учились нередко и те, кто окончил школу или училище в миру. Среди иеромонахов треть ограничилась домашним образованием, остальные имели от 2-х до 8-ми классов братского училища. У иеродьяконов посещали училище 83%, у монахов - 47%. Братское училище значительно повысило уровень образования монашествующих. По словам епископа Архангельского Иоанникия, "из

Соловецкого монастыря прежде для рукоположения присылали таких малограмотных, что и читать правильно не умели, а теперь, благодаря заведенной там школе для подготовки монахов к священническим степеням, являются не только знающие, но и “богословы”, с которыми можно рассуждать на богословские темы”.⁷⁵

Занятия в братском училище проходили с октября по апрель, наряду с предметами богословия изучались русский язык, арифметика, география, история, теория словесности, логика, психология. С 1914 года, как уже отмечалось выше, ученики, закончившие обучение с отличием, могли с разрешения Синодальной конторы преподавать богословские и другие предметы в Братском училище. Это решало проблему с кадрами преподавателей, правда пользоваться этим правом обители удалось не долго.

В 1915 г. бывшие крестьяне составляли 71% братии, что было выше подобных показателей за 1865 и 1878 годы. До 5,6% снизилось число монахов из мещан (1865 г. - 25%, 1878 г. - 22%) и до 2,8% - из духовенства, зато число отставных военных из нижних чинов подскочило до 18% (вероятно, это постриглись в монашество участники Русско-японской войны). Кроме крестьян, мещан и военных, в обители были один казак, два обер-офицерских сына, личный почетный гражданин и дворянин. Это скорее была уже обитель бывших крестьян и военных, нежели крестьян и мещан.

Итак, как показали послужные списки, братия Соловецкого монастыря была по преимуществу крестьянско-мещанской, большинство иноков постригалось в монашество между 30 и 40 годами, прожив несколько лет перед постригом в монастыре, т.е. почти вся их сознательная и трудовая жизнь была связана с Соловками. Будущие иноки приходили в обитель сначала в качестве даровых рабочих-трудников, работая бесплатно несколько лет на преподобных Зосиму и Савватия. В начале 20 века благодаря Братскому училищу повысился образовательный уровень иноков, значительно снизилось число неграмотных. В целом, состав соловецкой братии оставался довольно стабильным, и происходившие в её среде перемены были вызваны, главным образом, мирскими событиями и процессами.

---

⁷⁵ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1907, д. 122, л. 14об.

2. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ.

Рассмотрев социальный, возрастной и образовательный состав братии Соловецкого монастыря, логично проследить какова была внутренняя жизнь обители, как складывались отношения между монашествующими, с настоятелем, что представляли собой настоятели обители.

По уставу Соловецкая обитель относилась к общежительным монастырям. Согласно общежитию, вся братия и все живущие в монастыре имели общую трапезу, обеспечивались одеждой и обувью. Каждому монашествующему предоставлялась келья с образами и мебелью. На необходимые келейские потребности (чай, сахар, просфоры, книги) иноки и даже некоторые богомольцы-трудники, “по заведенному издревле порядку и с разрешения высшего духовного начальства, смотря по службе и заслугам, получала денежную выдачу из доходов приобретаемых трудами всей братии”.⁷⁶ Кроме этого, “никто ничем от монастыря не пользуется, ... трудятся же, сверх церковных служб, в известные по установлению монастырскому, часы дня, все вообще, на послушаниях в пользу обители”.⁷⁷

Во главе монастыря стоял настоятель в сане архимандрита. До 1865 года настоятель управлял обителью единолично. В 1865 году указом Синода “для правильного монастырского управления и экономической части” был учрежден Собор в составе наместника, казначея, ризничего, благочинного и духовника.⁷⁸ Учрежденный Собор ограничил власть настоятеля в хозяйственных и денежных делах, которые стали предварительно рассматриваться на заседаниях Собора. И хотя настоятель сохранил все права власти над личностью члена Собора, но изменять его состав мог только с разрешения Синодальной конторы. При отсутствии настоятеля ответственность за состояние обители ложилась на Собор. Деньги из ризницы и кладовых могли быть взяты или вложены только в присутствии трех членов Собора с записью в особую тетрадь, так же должна была происходить и выписка денег из монастырских кружек. Расход

---

⁷⁶ Там же, оп. 1183, оп. 5, д. 726, л. 521 об.

⁷⁷ Там же, л. 522.

⁷⁸ Там же, ф. 1201, оп. 4, д. 870, л. 1.

значительных сумм, как и постройка или перестройка церквей могла быть произведена только с разрешения Синодальной конторы.

Остановимся вкратце на обязанностях настоятеля и членов Собора. Настоятель благословлял и давал разрешение на начало и конец всех общих дел в обители - богослужение, принятие пищи и т.д., аттестовал монашествующих в послужных списках, представлял в Синодальную контору кандидатов в монахи, а также должен был быть “духовным отцом, руководителем на пути к спасению монашествующих вверенной ему обители и учить их вере, благочестию и нравственности”⁷⁹.

Наместник направлял всю хозяйственную деятельность монастыря. Он нанимал рабочих, принимал и отпускал годовых богомольцев, делал распоряжения по производству тех или иных работ, следил за ходом всех работ и ежедневно докладывал настоятелю об их положении, принимая от него советы или приказания. Монашествующие и богомольцы со всеми своими нуждами и жалобами обращались прежде всего к наместнику, и если он один не мог их разрешить, то шли к настоятелю.⁸⁰

Казначей заведовал денежными суммами монастыря, вел отчетность, рассчитывал рабочих, выдавал жалованье монахам, товары в монастырские лавки, материалы в мастерские, покупал у иноков братские изделия, а также помогал наместнику в его обязанностях.

В ведении ризничего находились все церкви, часовни, ризница, драгоценности и древности монастыря. Он следил за чисткой и починкой церковной утвари и облачений, вел описи церковно-ризничих принадлежностей. Под руководством ризничего находились ризошвейная мастерская, где шили и обновляли церковные облачения, и мастерская серебряных дел, занимавшаяся серебрением и золочением металлических церковных принадлежностей.

Благочинный наблюдал за поведением братии, “смотрел за их благопристойностью в монастыре, в храмах, в трапезе, осведомлялся о болезни монашествующих и причине их отклонения от своих обязанностей”⁸¹, ежегодно

---

⁷⁹ Федоров П.Ф. Соловки, с. 274.

⁸⁰ Там же, с. 285.

⁸¹ Там же, с. 286.

составлял отзывы о поведении и характере иноков для предоставления настоятелю.

Наконец, духовник исповедовал всех монашествующих и богомольцев, назначал им меры церковного наказания или исправления - "вообще должен был быть ближайшим руководителем их духовно-нравственной жизни".⁸²

Нередко между членами Собора и настоятелем возникали серьезные разногласия, главным образом, касающиеся хозяйственных вопросов, причем настоятель зачастую оказывался при этом проигравшей стороной. Многие настоятели Соловецкой обители назначались на эту должность из других монастырей, и, возможно, их незнание особенностей жизни на Соловках и психологии соловецкой братии создавало те или иные проблемы.

За вторую половину 19-начала 20 века в Соловецком монастыре сменилось шесть настоятелей. С 1859 по 1864 год обителью руководил архимандрит Порфирий. В миру - Федор Карабиневич, он родился в Тобольской губернии, в семье причетника.⁸³ Закончил семинарию, затем поступил в Киевскую Духовную академию. После окончания академии преподавал в Полтавской семинарии, состоял членом Полтавской Духовной консистории. Получив степень кандидата богословия, в 1845 постригся в монашество, в 1849 году был возведен в сан архимандрита с присвоением ему лично степени настоятеля монастыря 3-го класса. С 1850 г. архимандрит Порфирий являлся ректором Полтавской семинарии, обозревал духовные училища. В 1852 г. стал ректором Олонецкой семинарии, затем настоятелем Псковского Спасо-Елеазарова второклассного монастыря; в 1858 г. Был назначен ректором Псковской семинарии, а также цензором проповедей по Пскову. Завершало послужной список Порфирия назначение на место настоятеля Соловецкого монастыря.

Архимандрит Порфирий, имевший ученую степень, возглавлявший семинарии, выделялся образованностью среди соловецкой братии, из которой только 10% в свое время учились в семинариях и училищах. И надо отметить, что свои знания и опыт он старался использовать на благо обители. Даже критики монастырского уклада жизни отмечали, что "времена настоятельства

---

⁸² Там же.

архимандрита Порфирия отличались некоторым благоустройством, благочинием и хорошим управлением”.⁸⁴ Действительно, при архимандрите Порфирии было сделано много полезных начинаний и построек: каменный корпус для просфорни, каменная пристань, гостиница, над рухлядой и портняжной возведен каменный этаж, устроена Одигитриевская церковь в Савватиевской пустыни, церковь в честь Вознесения Господня на Секирной горе, заведены пароходы. Позаботился арх.Порфирий и о малолетних трудниках, для которых было открыто начальное училище для обучения грамотности и “укоренения доброй нравственности и религиозности”.⁸⁵ Первым смотрителем училища был иеромонах Николай, окончивший Вятскую духовную семинарию. По словам современников, это был “образованный, деятельный и в высшей степени добросовестный человек, при нем в училище около 15 лет обучалось до ста мальчиков, и обучались охотно и успешно”.⁸⁶

Как писал Федоров П.Ф., “жили при архимандрите Порфирии весело, без притеснений, мастерские были полны своего народа, да кроме того было нанято много мастеров из Архангельска, Москвы и Петербурга, ...поучения он говорил наизусть и красноречиво, почему при его служении церковь всегда была полна народу, который не сгоняли туда, а шли посмотреть на его служение сами, все его любили и ожидали, что долго жить здесь ему не дадут, а возьмут куда-нибудь в архиереи”.⁸⁷

Деятельность настоятеля, приносившая обители явную пользу, тем не менее не нашла поддержки у всей братии. Как уже упоминалось выше (раздел “Монастырская бухгалтерия”), получив анонимное донесение с обвинением Порфирия, Синодальная контора решила провести благочинническое обозрение монастыря, в результате которого настоятель и братия признавались ответственными за неправильное ведение приходо-расходных книг и составление отчетности по ним. Но Порфирий не дождался результатов

---

⁸³ ГААО, ф. 878, д. 33, лл. 1-6.

⁸⁴ РГИА, ф. 796, оп. 160, д. 128, л. 68 об.

⁸⁵ История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб. 1899, с. 171-173.

⁸⁶ Церковный вестник. 1879, № 21, с. 9.

⁸⁷ Федоров П.Ф. Соловки, с. 302.

обозрения монастыря: 26 июня 1865 г. он скончался от водяной болезни в Архангельске.⁸⁸

Итак, после кончины Порфирия встал вопрос о замещении настоятельской вакансии. В соответствии с указом Синода от 20 марта 1862 г. настоятель общежительного монастыря должен был избираться преимущественно из братии того же монастыря.⁸⁹ Братия избирала кандидатов на должность настоятеля, которые затем представлялись Синоду на усмотрение. Однако, при избрании настоятеля Соловецкого монастыря этот указ не был применен. Синод решил, что распоряжение об избрании настоятеля братией по отдаленности монастыря будет причиной продолжительного “междуправия и неблагоприятного порядка”. Поэтому избрание было поручено Синодальной конторе.⁹⁰ Но в Синоде отдали предпочтение не кандидатурам, предложенным Синодальной конторой (иеромонахи Соловецкого монастыря Матфей и Михаил), а бывшему настоятелю Пекинской миссии архимандриту Гурию. По каким-то причинам арх.Гурий не смог возглавить Соловецкую обитель, и указом Синода от 6 октября 1865 г. настоятелем был определен архимандрит Феофан.⁹¹

Архимандрит Феофан, в миру - Александр Федорович Комаровский, родился в 1808 г. в дворянской семье, учился в Институте корпуса путей сообщений.⁹² В 20 лет он поступил в Кирилло-Новозерский монастырь и в 27-летнем возрасте постригся в монашество в Троицкой Сергиевой пустыни, где стал казначеем, а затем наместником. В 1846 г. Феофана определили игуменом Троицко-Зеленецкого монастыря, где был произведен в сан архимандрита. С 1857 по 1865 гг. он возглавлял Кирилло-Белозерский монастырь, откуда и был назначен в Соловецкий.

Арх.Феофан был не столь предприимчивым человеком, как арх.Порфирий. По словам знавших его людей, он был “человек характера нерешительного и мягкого до слабости; он всем и все прощал - истинный монах, но как настоятель и начальник оставлял желать лучшего”.⁹³ “Скромность и смирение” арх.Феофана отмечал и Федоров: “При приготовлении к первому

⁸⁸ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1865, д. 166, л. 3.

⁸⁹ Там же, л. 5.

⁹⁰ Там же, л. 9.

⁹¹ Там же, л. 19.

⁹² РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 793, лл. 1-4.

богослужению Феофан просил сослужащих ему иеромонахов учить его соловецким обычаям и порядкам, как новичка, чтобы каким-нибудь неуместным приказом или поступком не нарушил введенного в обители порядка, что братству очень польстило... По послушаниям ходил мало, во всю бытность свою настоятелем почти никого не наказал.”⁹⁴

Настоятельство на Соловках для арх.Феофана, можно сказать, кончилось трагически: он был удален от должности настоятеля с воспрещением священнослужения и ношения архимандритских знаков и помещен в братских кельях под строгим надзором и запрещением отлучек.⁹⁵Такому суровому наказанию Феофан был подвергнут после ревизии монастыря, проводившейся с 1868 по 1871 годы. Причиной проведения ревизии послужили докладная записка и анонимные письма казначея Михаила, поступившие на имя Благодичного ставропигиальных монастырей священноархимандрита Агалита. В них шла речь о злоупотреблениях настоятеля в управлении хозяйством обители и самовольном назначении членов Собора.⁹⁶ Министру Внутренних дел также поступило представление архангельского губернатора о различных беспорядках и злоупотреблениях, происходящих в Соловецком монастыре. По мнению губернатора, монастырь был, прямо-таки, рассадником всяческих беззаконий. “Обстановка, которой успела окружить себя соловецкая братия, - писал он, - естественно рождает несмолкаемые обвинения в поделке государственных денежных знаков, в сокрытии совершаемых на островах преступлений, в беззащитности годовых богомольцев, в укрывательстве бродяг и нищих, в контрабандном провозе товаров, преимущественно соли, рома и чаю, в противозаконной торговле...”⁹⁷ это представление губернатора был доведено министром до сведения Синода, который издал указ о проведении ревизии Соловецкого монастыря.

С этой целью в обитель были командированы настоятель Московского Покровского монастыря архимандрит Феодосий, уже проводивший обозрение монастыря в 1864 году, и обер-секретарь Синода коллежский советник Крылов.

---

⁹³ Церковный вестник, 1879, № 33, с. 6.

⁹⁴ Федоров П.Ф. Соловки, с. 304.

⁹⁵ РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 663, л. 3 об.

⁹⁶ РГАДА, ф. 1183, оп.1, 1867, д. 177, л. 2.

⁹⁷ Там же, л. 15.

В задачи арх. Феодосия входило проведение ревизии по всем частям управления и экономики Соловецкого монастыря, а также “строгое при чиновнике от гражданского ведомства исследование по указанным начальником Архангельской губернии злоупотреблениям”.⁹⁸

Результаты ревизии были подведены только к 1871 году и показали далеко не благополучное положение в обители. Архимандриту Феофану предъявили следующие обвинения: 1) в намерении перестроить ризницу с целью воспользоваться при этом некоторыми ценными ризничными вещами, 2) в снятии с некоторых предметов, употребляемых при богослужении, золотых и серебряных частей, 3) в стремлении утаить три образа, 4) в похищении фунта серебряной выжиги, 5) в утрате икон, 6) в намерении утаивать деньги при высыпках из кружек, 7) в послаблении при содержании арестантов, 8) в небрежении об увеличении монастырских доходов, 9) в самостоятельном производстве разных ненужных построек, и 10) в рекомендации перед Синодом как отличного и благонадежного иеромонаха Виталия, после официального обличения его членами Собора в утайке монастырских сумм.⁹⁹ Как выяснилось, Феофан не пренебрегал даже вскрытием у себя в келье денежной корреспонденции, не передавая ее в монастырскую казну.

Кроме Феофана виновными признавались и члены Собора, которые не только не предотвратили противозаконные действия настоятеля, а сами оказались в них втянуты. Произошло это, возможно, потому, что в первые годы существования Собора его члены имели еще мало опыта соборной деятельности в плане пресечения злоупотреблений настоятеля. Привыкнув подчиняться настоятелю, они пошли на поводу у Феофана и оказались его сообщниками, в противном случае без согласия членов Собора вышеуказанные злоупотребления совершить было бы невозможно. Члены Собора были наказаны как “соучастники безобразий”: наместника Виталия с должности уволили, судьба остальных зависела от усмотрения арх. Феодосия, который имел указания Синода “устранять от участия в монастырском хозяйстве лиц, известных ему неспособностью и неблагонадежностью”.¹⁰⁰

---

⁹⁸ Там же, л. 73 об.

⁹⁹ РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 663, лл. 1-3.

¹⁰⁰ Там же, л. 4.

Сам арх.Феофан на основании существующего в то время законодательства должен был быть передан следствию и суду. Однако, как посчитали в Синодальной конторе, “такое исследование возбудит позорную для монастыря окраску, и следствие послужит единственно к подрыванию во мнении народном того высокого значения, которым искони пользуется обитель Святых подвижников соловецких по всему лицу земли русской у всех русских, не только верных православию, но и закоренелых в заблуждениях расколы”.¹⁰¹ Итак, дабы не подрывать судебным разбирательством авторитет обители, дело арх.Феофана следствию передавать не стали, а просто удалили Феофана от настоятельской должности с опечатанием его капиталов и имущества.

Настоятелем Соловецкого монастыря был назначен проводивший ревизию арх.Феодосий. Он стал настоятелем в 51 год. Согласно послужному списку¹⁰², был родом из Московской губернии, происходил из духовного звания. В 1842 году окончил Московскую семинарию, преподавал в Перервинском духовном училище, затем стал смотрителем Перервинских духовных училищ. В 28 лет постригся в монашество в Московском Высоко-Петровском монастыре, где через год был рукоположен в сан иеромонаха. В 1859 году стал синодальным ризничим, временно управлял Воскресенским ставропигиальным монастырем, и в 1867 г. был назначен настоятелем Московского Покровского монастыря. За исполнение разных возлагаемых на него начальством поручений Феодосий награждался орденами Св. Анны второй и третьей степени.

Настоятельство арх.Феодосия прошло довольно спокойно. Судя по отсутствию докладных записок и жалоб в Синод и Синодальную контору на действия настоятеля, управление Феодосия удовлетворяло монашествующих и не вызывало с их стороны серьезного недовольства. Возможно, одной из причин этого было то, что Феодосий “не разорял обитель лишними расходами, наоборот, даже при нем денег порядочно накопили, ...братию не стеснял и не многих наказывал”.¹⁰³ Феодосий, в свою очередь, на примере проворовавшегося арх.Феофана довольно ясно представлял, к чему могло привести злоупотребление властью и стремление поживиться за счет обители.

¹⁰¹ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1867, д. 177, л. 136.

¹⁰² Там же, л. 147.

¹⁰³ Федоров П.Ф. Соловки, с. 307.

Во время настоятельства Феодосия в число братии монастыря был помещен иеромонах Серафим, магистр академии. По количеству донесений, докладных записок, прошений и жалоб, которые Серафим рассылал в различные инстанции и разным лицам, в обители не было ему равных.¹⁰⁴ Как отозвался о нем Преосвященный Макарий Нижегородский, “все его трогает и возмущает, хотя и в трезвом виде”.¹⁰⁵ Нужно отметить, что иеромонах Серафим был самым образованным среди соловецкой братии: он окончил Киевскую духовную академию и в двадцать семь лет стал магистром академии, был профессором Волынской духовной семинарии.¹⁰⁶

По характеристике М.Колчина, в Соловецкой обители “отец Серафим по своему развитию стоял неизмеримо выше других монашествующих, ...это был очень представительный монах, умный, красноречивый, любивший говорить; как монах, он отлично понимал не один казовый конец монашеской жизни, а потому относился к ней строго критически”.¹⁰⁷ Колчин представлял Серафима как сосланного в Соловецкий монастырь за нанесение действием оскорбления духовной особе. Однако, Серафим, как удалось выяснить, сам просил о помещении в число братства Соловецкого монастыря, т.к. считал его, наряду с Саровской пустыней, одним из лучших монастырей в России по внутреннему благоустройству.¹⁰⁸ “Оскорбление” же духовной особы действительно произошло в Якутском духовном училище. В 1875 году при испытании учеников училища, присутствовавший при этом епископ Якутский и Вилюйский назвал Серафима “батюшка”, после чего Серафим “с азартом” стал кричать на Дионисия: “Как Вы смеете мне говорить “ты”, тогда как я - магистр,” - за что и был вскоре уволен из училища.¹⁰⁹

При всей своей образованности о.Серафим, по-видимому, был очень вспыльчивым человеком, с высоким самомнением и совершенным отсутствием

---

¹⁰⁴ Серафим доводил до сведения Синода или Синодальной конторы все мыслимые и немыслимые слухи, ходившие среди соловецкой братии. И если первое время высшее начальство старалось расследовать те или другие нарушения, случавшиеся, по словам Серафима, в монастыре, то со временем жалобы Серафима перестали принимать во внимание и даже запретили ему вести какую-либо переписку из обители.

¹⁰⁵ РГИА, ф. 796, оп. 160, д. 128, л.48 об.

¹⁰⁶ Там же, л. 141.

¹⁰⁷ Колчин М.А. Ссылные и заточенные..., с. 153.

¹⁰⁸ РГИА, ф. 796, оп. 160, д. 128. Л. 61 об.

¹⁰⁹ Там же, л. 140.

такого важного для монаха качества, как смирение. К сожалению, с таким характером он добился не всеобщего уважения монашествующих (которые, кстати, очень ценили образованных иноков среди братии), а только того, что иноки стали обходить его стороной и старались не иметь с ним никаких дел.

При арх.Феодосии иеромонах Серафим прожил на Соловках недолго, но мнение, весьма нелестное, о настоятеле составил. Как писал Серафим в одной из докладных записок обер-прокурору Синода графу Д.А.Толстому, “архимандрит Феодосий считал себя умнее всех по жизни, в церковь в будние дни не ходил, по кельям и послушаниям не ходил, на нравственное состояние монастыря внимание не обращал, шпионство и наушничество при нем были в полном ходу”.¹¹⁰

Скорее всего, Серафим несколько сгустил краски насчет безразличия Феодосия к братии, хотя доля правды в его словах есть. Современники отмечали некоторую замкнутость Феодосия. По отзывам живших в монастыре в качестве трудников крестьян, Феодосий не говорил “слов” назидания, не посещал братских келий и не бывал даже в братской трапезе, вообще вел жизнь уединенную; ...питал некоторое предубеждение против монашествующих из крестьян и мещан”.¹¹¹ Возможно, причина уединенной жизни Феодосия была в его болезни (ревматизме, обострившемся в северном климате), из-за которой он даже подал в начале 1878 года донесение в Синод с просьбой о переведении в другой монастырь, находящийся в Московской или соседних с ней епархиях, “пользующихся более благоустроенным воздухом, нежели каков соловецкий”.¹¹² Синод просьбу арх.Феодосия удовлетворил, переведя его на должность настоятеля Ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря.¹¹³

На освободившееся место настоятеля Соловецкого монастыря Синодальная контора выдвинула две кандидатуры: настоятель Серпуховского Высотского монастыря архимандрит Мелетий и наместник Симонова монастыря иеромонах Никон.¹¹⁴ Шансы стать настоятелем Соловецкой обители у обоих

¹¹⁰ Там же, лл. 64-67.

¹¹¹ Церковный вестник. 1879, № 33, с.5-7.

¹¹² РГИА, ф. 796, оп. 159, д. 975, л. 1. Кстати, по словам Федорова, никакой болезни у Феодосия и видно не было, на самом же деле, “ему наскучило играть роль чужого в братстве”, потому он и попросился в другой монастырь.//Федоров П.Ф. Соловки, с. 307.

¹¹³ Спустя 8 лет Феодосий был хиротонисан в епископа Михайловского.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 796, оп. 159, д. 975, л. 46.

кандидатов были практически равными. Иеромонах Никон был моложе Мелетия, к тому же имел 25-летний опыт службы в Синодальном ведомстве, но благодаря Преосвященному епископу Иоанну, считавшего, что Никон преимуществ перед Мелетием не имеет, был избран Мелетий. 11 апреля 1879 года вышел указ Синода о назначении архимандрита Мелетия.¹¹⁵

Мелетий стал настоятелем Соловецкого монастыря в возрасте 66 лет. Происходил он из духовного звания Вологодской епархии, окончил Вологодскую духовную семинарию. В 28 лет постригся в монашество в Троице-Сергиевой лавре, где в 1851 году стал благочинным, затем ризничим и казначеем. В 1870 году Мелетия определили настоятелем Серпуховского Высотского монастыря. За различные заслуги Мелетий был награжден орденами Св. Анны второй и третьей степени, и бронзовым крестом на Владимирской ленте.¹¹⁶

Мелетий возглавлял Соловецкий монастырь в течение 13-ти лет, т.е. довольно продолжительное время, превзошел его в этом отношении (в рассматриваемый в работе период) только арх.Иоанникий, настоятельствовавший на Соловках почти 23 года.

Мелетий был очень деятельным настоятелем: при нем была открыта биологическая станция¹¹⁷, каменный корпус братских келий в Савватиевой пустыни, приобретены два новых пассажирских парохода, открыта живописная школа. Надо сказать, что настоятельство Мелетия постоянно сопровождали конфликты либо с отдельными членами братии, либо с членами Собора. Сначала арх.Мелетий пришелся не по душе иеромонаху Серафиму, которого стал “страшно притеснять”.¹¹⁸ Кстати, до прибытия Мелетия на Соловки, Серафим

---

¹¹⁵ Там же, л. 67 об.

¹¹⁶ Там же, лл. 54-58.

¹¹⁷ В создании биостанции принимали участия профессор С.Петербургского университета Н.П.Вагнер, председатель С.Петербургского общества естествоиспытателей А.Н.Бекетов и другие. Для сбора и классификации материала по биологии Белого моря на станции ежегодно с 1880 года приезжал кто-нибудь из членов С.Петербургского общества естествоиспытателей в сопровождении нескольких студентов разных университетов.

¹¹⁸ Надо сказать, что за те полгода, когда в монастыре не было настоятеля, Серафим успел приобрести нерасположение всей братии. Начало этому положила ссора Серафима с иеромонахом Мелитоном во время обеда, когда, по словам Серафима, Мелитон “с азартом вырвал кусок рыбы из моей (Серафима) ложки, стал стучать по моей ложке, стал махать ложкой и в разъяренном виде, ударив ложкой, стал громко кричать на меня:”...куда ты, а куда ты, похабник..,” - а вечером при каждении храма, иеромонах Мелитон, с отвращением прошел мимо, не покадивши святые иконы и меня”. С точки зрения Мелитона, все это была “ложь и клевета”, на самом же деле он

успел направить 8 докладных записок обер-прокурору Синода Д.А.Толстому и прокурору Синодальной конторы А.Н.Потёмкину о “вопиющих злоупотреблениях” в обители. Такая деятельность серафима вызвала недовольство со стороны старшей братии, которая просто начала задерживать его корреспонденцию. Тогда Серафим стал просить Синодальную контору выдать ему паспорт для следования на поклонение святым местам христианского Востока. Пока же он удалился из стен монастыря и проживал в Филипповской пустыни. За время пребывания Серафима в пустыни, как доносил Собор монастыря в Синодальную контору, “никто из братии и проживающих долгое время в обители богомольцев, зная вполне его любимую страсть к нанесению другим разного рода оскорблениям, не решался проходить в Филипповскую пустынь для поклонения святыням, ...многие из богомольцев, побывавшие в пустыни, возвращались оттуда со слезами. Жалуюсь на дерзкое с ними обращение проживающего там иеромонаха, который по их словам, позволял себе оскорбления, крики и ругательства”.¹¹⁹ Синодальная контора, рассмотрев донесения Серафима и Собора, отложила решение до получения объяснений архимандрита Мелетия, которому поручалось провести дознание о беспорядках.

Новый настоятель был предупрежден о несносном характере Серафима. В частности, Преосвященный Макарий Нижегородский писал ему: “Не было в Якутске видного человек, на которого бы Серафим не доносил. Когда я уехал из Архангельска, мой земляк епископ Дионисий написал мне обстоятельное письмо о нем и выслал дела. Всё это имело бы для меня важность в Архангельске, но в Нижнем взглянул я на деяния и подивился южной природе, порождающей на свет таких людей. Где он теперь, я не знаю. Думаю только, что у Вас его нет. А то беда, если осталась такая щука в Белом море”.¹²⁰

По прибытию на Соловки Мелетий попытался убедить Серафима прекратить писать ложные доносы, но безуспешно. Тем временем Синодальная контора приняла решение провести по поводу жалоб Серафима расследование в

хотел лишь отвлечь Серафима от “привычки забирать в свою тарелку все, что получше, и остановить незаконную ловлю рыбы из общей миски”. И хотя впоследствии Мелитон попросил прощения у Серафима в присутствии всей братии, Серафим, как пострадавшая сторона, счел нужным направить по этому делу донесение в Синодальную контору с просьбой разобраться.//РГИА, Ф.796, оп. 160, д. 128, лл. 40-58.

¹¹⁹ Там же. л.74 об.

¹²⁰ Там же, л.48об.

Соловецком монастыре, которое было возложено на казначея Московского Заиконоспасского монастыря иеромонаха Димитрия. Результаты расследования, которое Димитрий проводил “с секретными разведками среди братии”, не подтвердили факты, приводимые Серафимом, о многочисленных пороках соловецких иноков.¹²¹ По мнению Димитрия, “при своем желчном характере Серафим на лету ловил всякие дразги, нисколько не думая об их проверке и предавал их гласности, ...весь же строй жизни монастырской не заставляет желать ничего лучшего, и все это принадлежит опытному управлению архимандрита Мелетия и его усердно заботливым сподвижникам”.¹²² Но, хотя большинство сведений Серафима не подтвердились, некоторые человеческие слабости иногда действительно присутствовали у братии. Так, за приверженность к спиртному было запрещено священнослужение иеромонаху Никодиму, который явился на клирос в пьяном виде и “в таком состоянии производил бесчиния в церкви”.¹²³ Излишнее пристрастие к спиртному в обители, конечно, наказывалось, но, в целом, по мнению братии, умеренное “подкрепление вином даже способствовало долголетию жизни среди влажного и сурового северного климата”.¹²⁴

Что касается иеромонаха Серафима, то, в конце концов, его поместили в смирительную келью, и в 1885 году он покинул Соловки. По данным М.А.Колчина, Серафим был переведен в Архангельский монастырь, где он избавился от “уз монашества и монастырского заключения”, после чего уехал в Сербию, где получил место преподавателя духовной семинарии.¹²⁵

Конечно, монашествующие с ученой степенью в Соловецкой обители были крайне редки, где даже иноков с высшим образованием можно пересчитать по пальцам. Но какой след оставил в истории монастыря этот один из самых образованных монахов? К сожалению, Серафим не только не принес обители никакой пользы своими обширными знаниями, но и вызвал неприятие всей братии, став в ее глазах настоящей “язвой” монастыря.

---

¹²¹ РГАДА, ф. 1183, оп.5, д. 828, л. 223.

¹²² Там же, л. 224.

¹²³ Там же, л. 298.

¹²⁴ Федоров П.Ф. Соловки, с.305-306.

¹²⁵ Колчин М.А. Сильные и ..., с. 153-156.

Избавившись от Серафима, многие из братии облегченно вздохнули, прежде всего, архимандрит Мелетий. Но как показали дальнейшие события, Мелетий столкнулся с более серьезной оппозицией - членами Собора. Хотя у членов Собора и Серафима был один противник - настоятель, они не объединились. Напротив, Серафим крайне отрицательно о них отзывался. “В настоящее время, - писал он, - главную силу, ворочающую всеми делами в Соловецком монастыре, составляет партия вятских крестьян и мещан, которая ныне взяла в свои руки и архимандрита Мелетия, и он старается всячески заискивать расположение этой партии.”¹²⁶

Заискивал арх.Мелетий или нет, сказать трудно, но , в целом, Серафим правильно отметил натянутые отношения между членами Собора и настоятелем. Как писал П.Ф.Федоров, “если ему (настоятелю - Т.С.) нужно на что-нибудь согласие Соборных, то он сначала ласкою и угощением начинает склонять их, затем угрозою, а потом уж, видя, что они не поддаются ему, распоряжается самовольно, нахрапом”.¹²⁷ Отсутствие согласия между Собором и настоятелем подтверждают и данные послужных списков.

Так, в послужных списках за 1882 год¹²⁸, Мелетий дал членам Собора следующие характеристики: наместник Питирим - “занимается делом, но малоопытен, по гордости к настоятелю непослушлив”; казначей Варлаам - “занимается делом, но скрытен неблагонамеренно, против настоятеля вооружается”; благочинный Сисой - “честен, кроток и послушлив”; ризничий Никандр - “честен и занимается делом”. В послужных списках за следующий, 1883 год, характеристики членов Собора уже более положительные, по мнению Мелетия, Соборные стали “исправляться”: наместник Питирим - “начинает себя вести исправнее, но по временам высказывает дерзости настоятелю”; казначей Варлаам - “начинает вести себя исправнее, но скрытен в неблагонамеренности к настоятелю”; благочинный Сисой - “честен и кроток, но мало занимается своей обязанностью”; ризничий Никандр - “наруже свиреп, но честен и занимается делом усердно”.¹²⁹ Однако, если и было подобное “исправление” членов Собора, то длилось оно недолго. Судя по их характеристике за 1885 год, отношения

¹²⁶ РГИА, ф. 796, оп. 160, д. 128, лл. 259, 260.

¹²⁷ Федоров П.Ф. Соловки, с. 308.

¹²⁸ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 863, лл. 1-4 об.

ар.Мелетия с Соборными накалились до предела. Наместник Питирим, с точки зрения Мелетия, “постоянно высказывал дерзости и занимался кляузными доносами на настоятеля”; казначей Варлаам был “по-прежнему скрытен в неблагонамеренности к настоятелю и занимался кляузными ложными доносами”; ризничий Никандр “выписывал и занимался чтением бесполезных газет, как “Луч” с приложением романов и других газет, и занимался с первыми двумя кляузными доносами”; благочинный Сисой “мало занимался послушанием и был увлечен с первыми к кляузным доносам”.¹³⁰

“Кляузные доносы” члены Собора посылали Синодальной конторе в 1882 году, а также передавали в 1885 году прошение на имя митрополита Московского с проводившим расследование казначеем Заиконоспасского монастыря иеромонахом Димитрием.¹³¹ Члены Собора, прежде всего, были недовольны стеснением их свободы в обсуждении монастырских дел, которые решались по указаниям Мелетия. Синодальная контора предписала Мелетию “неуклонно руководствоваться всеми правилами, начертанными в инструкции Учрежденному Собору”.¹³² Мелетий, приняв к сведению предписания Синодальной конторы, в свою очередь, решил заменить “наиболее неблагонамеренных” Соборных старцев: Варлаам в сентябре 1886 года был назначен (не без участия Мелетия) настоятелем Онежского крестного монастыря, Сисой в июле 1886 года уволен от должности благочинного, а Никандр в марте 1886 года переведен строителем Трифоно-Печенгского монастыря.¹³³

Но обновленный Собор не меньше прежнего стал высказывать свое несогласие с действиями настоятеля. Исполняющий должность казначея иеромонах Иоанникий, ссылаясь на вступление в должность 1 апреля 1888 года, даже отказался подписывать годовую отчетность за 1887 год из-за перерасхода 30 тысяч рублей на покупку парохода во имя “Михаила Архангела” и расхода монастырских ценных бумаг, заложенных в Архангельской конторе государственного банка на сумму 26 тысяч рублей.¹³⁴ Более того, члены Собора направили донесение в Синодальную контору и обер-прокурору Синода

---

¹²⁹ Там же, д. 868, лл. 1-5 об.

¹³⁰ Там же, д. 871, лл. 158-162 об.

¹³¹ Там же, ф. 1183, оп.5, д. 828, л. 189.

¹³² Там же, л. 191.

¹³³ Там же, ф. 1201, оп.4, д. 880, л. 158 об.

К.П.Победоносцеву, где обвиняли Мелетия в “самовольном расходовании монастырских сумм, затратах по отлитою нового колокола, в богопротивной деятельности по укреплению берега Святого озера, из-за которой был вырублен ценный лес, в доведении до угрожающего разрушения училищного и чернорабочего корпусов, в постоянной брани в церкви и деспотическом обращении с братией”.¹³⁵

Синодальная контора, озабоченная не столько раздорами внутри братии, сколько расстройством бюджета обители, потребовала у Мелетия объяснений, дала конкретные указания, какие ценные бумаги нужно выкупить, донесла о положении дел Синоду, который поручил секретарю Синода действительному статскому советнику Керскому провести обозрение дел и хозяйственной части Соловецкого монастыря.¹³⁶

Летом 1889 года члены Собора еще раз донесли Синодальной конторе о трудном финансовом положении обители, где в 1887 году даже не хватило наличных сумм для закупки необходимых продуктов и материалов, главным образом, вследствие “преждевременной и крайне неосмотрительной покупки парохода “Михаил Архангел”.¹³⁷

Проведенное Керским обозрение хозяйственной части монастыря подтвердило многие хозяйственные упущения, в которых обвиняли настоятеля члены Собора. В течение длительного времени неправильно показывались в приходе процентные бумаги, на самом деле находившиеся в залоге в Архангельской конторе госбанка. Синод не одобрил расходов на отливку нового колокола (хотя Мелетий внес свои две тысячи рублей), затягивания работ по укреплению берега Святого озера, единоличного утверждения метеорологической станции. Как показало обозрение, Мелетий вел дела без обсуждения в Соборе, и даже “в обращении с братией не стеснялся наносить недостойные укоризны и побои”.¹³⁸ Принимая все это во внимание, а также преклонность лет и слабость здоровья арх.Мелетия, Синод признал образ действия Мелетия не соответствующим ни инструкции, данной в 1865 году

---

¹³⁴ Там же, ф. 1183, оп.1, 1888, д. 125, л. 9.

¹³⁵ Там же, лл. 48-50.

¹³⁶ Там же, л. 14.

¹³⁷ Там же, л. 110.

¹³⁸ Там же, оп.1, 1891, д. 64, л.4.

Учрежденному собору, ни “пользам и нуждам обители”. Указом от 5 апреля 1891 года уволил Мелетия от должности настоятеля Соловецкого монастыря с правом избрать для места жительства другой монастырь.¹³⁹

Итак, уже второй настоятель Соловецкой обители был уволен с этой должности. Но, в отличие от архимандрита Феофана, Мелетия нельзя обвинить в стремлении нажиться за счет монастыря. Ошибка Мелетия была в том, что многие хозяйственные начинания он предпринимал единолично, не заручившись поддержкой членов Собора, а иногда и наперекор его мнению. Мелетий считал, что в обители “полная чаша всего доброго”, как в духовном, так и в материальном отношении, поэтому, возможно, при распределении монастырских денежных сумм им не были учтены все необходимые расходы, которые привели в конечном счете к дефициту бюджета обители. В то же время в настоятельство Мелетия монастырь получил два новых парохода, была открыта иконописная школа, начала свои исследования фауны Белого моря биологическая станция. Несомненно, Мелетию удалось бы сделать для обители гораздо больше полезного, если бы был найден общий язык с членами Собора и всей братией. После увольнения с должности Мелетий выехал из Соловецкого монастыря в Троице-Сергиеву лавру, где и скончался в апреле 1893 года.¹⁴⁰

Следующим настоятелем Соловецкой обители 26 мая 1891 г. был избран настоятель Онежского Крестного монастыря игумен Варлаам, бывший прежде казначеем и наместником на Соловках. В отличие от прежних настоятелей Варлаам не был назначен Синодальной конторой, а занял настоятельское место после голосования старшей братии, в результате которого получил 32 голоса “за” и 2 голоса “против”.¹⁴¹

Варлаам стал настоятелем в 51 год и возглавлял обитель неполных четыре года. Родился он в семье архангельского мещанина, в миру носил имя Василия Федоровича Горбачева; никаких учебных заведений не кончал, а грамоте обучался в доме родителей. В 24 года Варлаам стал послушником Соловецкого монастыря, в 32 года постригся в монашество, в 1874 году был рукоположен в сан иеромонаха. С 1872 по 1877 гг. Варлаам был библиотекарем монастыря,

---

¹³⁹ Там же, л. 5

¹⁴⁰ Там же, лл.33-34.

¹⁴¹ Там же, л 9 об.

затем казначеем и наместником; в 1886 году его назначили настоятелем Онежского Крестного второклассного монастыря. В 1887 г. стал благочинным Пертоминского и Кожеозерского монастырей, где через год удостоился сана игумена.¹⁴² По избрании Варлаама настоятелем Соловецкого монастыря, в начале 1892 года он был возведен в сан архимандрита.¹⁴³ Как видно, почти вся сознательная жизнь Варлаама была связана с Соловками, что дало ему преимущество перед своими предшественниками в знании хозяйства монастыря, обычаев и нравов братии. За время настоятельства Варлаама на него не поступало в Синодальную контору и Синод никаких жалоб и “кляузных доносов”, не было оппозиции со стороны старшей братии.

При Варлааме в обители возобновила работу литография, закончилось строительство гранитной набережной, были устроены новые корпуса для богомольцев-трудников.¹⁴⁴ В целом же, в настоятельство Варлаама обитель не обременяла себя денежными расходами на различные постройки и нововведения. Так, к предложению Архангельского губернского распорядительного комитета устроить телеграфную линию между Соловками и Кемью Собор монастыря и настоятель отнеслись весьма осторожно. Варлаам написал в Синодальную контору, что “хотя Соловецкий монастырь сознает всю пользу проведения Кемско-Соловецкой телеграфной линии, но на такое грандиозное предприятие Собор не может согласиться самовластно, без сношения с непосредственным своим начальством”.¹⁴⁵ На предварительные изыскания монастырь счел нужным выделить только 200 рублей, на чем дело и кончилось. Телеграфная линия же была проведена лишь в 1916 году.¹⁴⁶

16 октября 1894 года после тяжелой болезни архимандрит Варлаам “тихо отошел в вечность”.¹⁴⁷ По словам членов Собора монастыря, “Соловецкая

¹⁴² Там же, ф. 1201, оп. 4, д. 881., л. 2.

¹⁴³ Там же, ф. 1183, оп. 1, 1891, д. 64, л. 23 об.

¹⁴⁴ История первоклассного Старопигиального Соловецкого монастыря, с. 180.

¹⁴⁵ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1893, д. 133, л. 3.

¹⁴⁶ В некоторых популярных очерках о Соловецком монастыре (например, в статье С.В.Воейкова “Соловецкий монастырь, опубликованной в журнале “Нева” за 1911 год) об устройстве телеграфа говорится как о предприятии, на которое обитель сразу же откликнулась и предложила правительству свои услуги, не упоминая, что тянулось это устройство с 1893 года из-за нежелания монастыря расходовать на него свои денежные средства.

¹⁴⁷ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1893, д. 133, л. 13.

обитель понесла горестную утрату в кончине уважаемого всею братией настоятеля своего”.¹⁴⁸

В марте 1895 года на выборах соловецкого настоятеля большинство голосов получил наместник монастыря иеромонах Иоанникий. Как и его предшественник, Иоанникий лучше знал жизнь Соловецкой обители, хотя был менее образован, нежели назначенные Синодальной конторой настоятели из других монастырей.

В 19 веке ни одному настоятелю не удавалось такое длительное управление монастырем, как Иоанникию, причем настоятельство его пришлось на годы мощных социальных и политических потрясений. В миру - Иван Филиппович Юсов, он происходил из крестьян Онежского уезда Архангельской губернии. Родился Иоанникий в 1849 году, в 1871г. стал послушником Соловецкого монастыря, в монастырском училище обучился чистописанию и русскому языку. В 31 год постригся в монашество, исполнял клиросное послушание, затем заведовал архивом в монастырской канцелярии. В 1888 году Иоанникий был рукоположен в сан иеромонаха и назначен исполняющим должность казначея, в 1892 г. - исполняющим должность наместника монастыря. С избранием на должность настоятеля Иоанникий в августе 1895 года возведен в сан игумена.¹⁴⁹

За время настоятельства Иоанникия в монастыре были устроены электростанция, радиотелеграфная станция, турбинная мельница, конный и рыбопроизводный заводы, расширен птичник, переделан пароход “Вера”, построен скит на отведенном в 1891 году в надел монастыря о.Кондостров. Члены Собора, волновавшиеся всегда за каждый перерасходованный рубль, часто подобные нововведения воспринимали весьма настороженно. И если первую половину настоятельства Иоанникия серьезных конфликтов между братией и настоятелем не возникало, то во вторую половину они практически не прекращались и к 1913 году переросли в открытую оппозицию.

Первой ласточкой этого раздора стал рапорт в Синодальную контору наместника Феодота в 1907 году, в котором Феодот выступал против планов настоятеля приобрести для монастыря турбинную мельницу, и предлагал

---

¹⁴⁸ Там же, л. 17.

“предназначенный на покупку мельницы капитал преобразить на ремонт монастырских зданий”.¹⁵⁰ Кроме этого, Феодот писал о “бесцельных работах”, ведущихся по указаниям Иоанникия, в то время, как “неотложные нужды требуют иных построек: нужно поправить парходную пристань, переустроить дом в Сумском посаде, построить новую баню”.¹⁵¹ Для проверки изложенных в рапорте фактов, а также для общего обревизования состояния Соловецкого монастыря, Синодальная контора командировала на Соловки благочинного ставропигиальных монастырей Новоспасского архимандрита Бориса.

В результате обозрения обители арх.Борис “вполне определенно и несомненно выяснил, что возбужденные Феодотом вопросы были не более как преднамеренной жалобой на настоятеля”.¹⁵² По мнению Бориса, иеромонах Феодот совершенно не соответствовал занимаемой им должности “ближайшего сотрудника и проводника взглядов и распоряжений настоятеля”, как из-за неосведомленности в хозяйственных вопросах, так и “агитации сосланных на Соловки монашествующих московских монастырей, каковым всегда на руку ссора и несогласие в среде братства, как повод выразить протест якобы за незаслуженное угнетение”.¹⁵³ Вообще, как считал арх.Борис, ссыльные монашествующие, имеющие конечной целью нанесение оскорбления настоятелю и вреда приютившей их обители, были главной причиной всякого недовольства и протеста в монастыре”.

Прислушавшись к словам арх.Бориса, Синодальная контора уволила Феодота от должности наместника монастыря и одобрила хозяйственную деятельность настоятеля. Но с увольнением Феодота жалобы на арх.Иоанникия не прекратились. В 1908 году в Синод поступили донесения иеромонаха Илиодора о “злоупотреблениях” арх.Иоанникия, который якобы “построил у себя на родине дом родным на средства обители, не берег монастырский лес, завел кобыл, от которых монастырю один убыток”¹⁵⁴ и т.д.. Далее Илиодор сообщал, что в монастыре “ни одна постройка не делается сразу, а по приказанию и личному вкусу Иоанникия переделывается по несколько раз, члены же Собора

---

¹⁴⁹ Там же, ф. 1201, оп. 4, д. 886, лл. 1-5.

¹⁵⁰ Там же, ф. 1183, оп. 1, 1907, д. 122, л. 5.

¹⁵¹ Там же, л. 6.

¹⁵² Там же, л. 10.

¹⁵³ Там же, л. 10.

помалкивают и не смеют подать голос по совести, получая от настоятеля достаточно сливок, молока, свежей рыбы и других утешительных припасов”¹⁵⁵. Илиодор выставлял себя как невинно пострадавшего от бесчиний Иоанникия, который сослал его в Голгофский скит якобы за то, что Илиодор, прося об отпуске для лечения зубов, напомнил при том о настоятельских привилегиях и о подарках арх.Борису, когда тот проводил обозрение монастыря.

Если некоторые пункты этих донесений и носили характер личной обиды, то обвинения в нерациональной хозяйственной деятельности Иоанникия в дальнейшем были подхвачены более серьезной оппозицией в лице части старшей братии и членов Собора.¹⁵⁶

В 1911 году бывший преподаватель богословских наук в Соловецком братском училище иеродьякон Вениамин обвинил Иоанникия в ... нигилизме! “Он, соловецкий настоятель, - доносил Вениамин обер-прокурору Синода, - нигилист, но только не интеллигентный, а нигилист мужицкий, практически безбожник, ибо он никогда не ошибается, решая все абсолютно как папа, и разрушая, уничтожая все ему противное..., архимандрит Иоанникий - первый злодей-преступник и подлее всякого находящего самого подлого человека.”¹⁵⁷ Сам иеродьякон Вениамин приехал на Соловки в 1909 году по приглашению арх.Иоанникия преподавать в братском училище. Прожив на Соловках зиму 1909-1910 гг., Вениамин уехал из обители, оставив свои документы. На его место нашли другого преподавателя, а Вениамину дали знать, что вакансия уже занята. Но он все равно приехал в монастырь и, обнаружив, что здесь его совсем не ждали и даже отослали его документы, подал прошение в Синод о привлечении Иоанникия к юридической ответственности “за дикое самоуправство, самовольную отсылку документов, личное оскорбление и публичное осмеяние

---

¹⁵⁴ Там же, ф. 1183, оп. 1, 1908, д. 131, л.18.

¹⁵⁵ Там же, л. 18.

¹⁵⁶ Илиодор же сурово поплатился за свои откровения: за повторение жалоб указом Синодальной конторы осенью 1909 года ему было запрещено священнослужение. Несколько смягчил это решение указ Синода от 7 октября 1910 года, которым поручалось Синодальной конторе сделать распоряжение по Соловецкому монастырю о том, чтобы монастырское начальство приняло меры к оказанию Илиодору необходимой в его тяжелой болезни медицинской помощи, поместив его на время лечения на монастырское подворье в Архангельске.// РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1908, д. 131, л.47.

¹⁵⁷ РГИА, ф. 796, оп. 193, д. 985, л. 22.

Вениамина”.¹⁵⁸ Вряд ли это прошение восприняли серьезно в Синоде, тем более по мнению знавших Вениамина людей, например, архиепископа курского Питирима, он по всем признакам стоял на пути к психическому расстройству.¹⁵⁹ Но несмотря на то, что донесение Вениамина было основано, главным образом, на эмоциях и личной неприязни к Иоанникию, в адрес настоятеля опять прозвучало обвинение в самоуправстве и оскорблении монашествующих. Вполне возможно, что длительное настоятельство определенным образом повлияло на самого Иоанникия: привыкнув к власти, почувствовав себя “хозяйном” обители, архимандрит стал в первую очередь руководствоваться своим собственным мнением, не прислушиваясь к старшей братии и Собору.

Как бы то ни было, но к 1913 году “соловецкая братия потеряла терпение и начала подумывать, как остановить разрушение духовно-нравственного и хозяйственного строя монастыря”.¹⁶⁰ Способ “спасения” был известен и неоднократно проверен - послать донесение вышестоящему начальству. Так и поступили. Пока настоятель находился в отпуске, 23 июля 1913 г. в Синодальную контору было направлено донесение братии Соловецкого монастыря за подписью 25 иеромонахов, 8 иеродьяконов и 6 монахов. До сведения Синодальной конторы доводились следующие факты:

- настоятель редко посещает богослужения, чем подает дурной пример братии, не доводит до сведения братии и членов Собора состояние монастырского бюджета,

- нерационально переделал пароход “Вера”, построил турбинную мельницу, требующую массу воды и денег на постоянный ремонт и неудовлетворяющую насущные нужды монастыря,

- строит Кондостровский скит, не вызванный никакой нуждой и пользой для братии,

- единоличной властью устроил конный завод для выращивания рысаков¹⁶¹ (существование которого не только неуместно при иноческой

---

¹⁵⁸ Там же, л. 1 об.

¹⁵⁹ Там же, л. 29.

¹⁶⁰ РГАДА, ф. 1183, оп.1, 1913, д. 192, л. 6.

¹⁶¹ Как отмечал арх.Борис, проводивший в 1907 году обозрение Соловецкого монастыря, “конный завод служит вовсе не для выращивания рысаков, а лишь для улучшения пород рабочих и выездных лошадей” // РГАДА, , 1183, оп.1. 1907, д. 122, л. 12.

обители, но и приносит громадный материальный убыток, кроме того, прибрежные жители прекратили пожертвования коней),

- устроенное братское училище, роняя нравственность, отнимает время от необходимых послушаний и богослужений, развивает пустое самомнение и даже гордость в учащихся,

- в обители не совершаются поминовения за литургиями и проскомидиями за присылаемые деньги,

- пьянство и другие пороки совершаются скрытно, а явные не наказываются.¹⁶²

Как видно, наряду с хозяйственными начинаниями Иоанникия критике подверглось и созданное братское училище, как якобы “развивающее пустое самомнение”, хотя такое недоверие к училищу можно объяснить только консерватизмом части монашествующих и, возможно, некоторым предубеждением против образованных людей. Оставшиеся обвинения, в принципе, можно разделить на две группы: губительное ведение хозяйства и злоупотребление властью с притеснением братии.

Синодальная контора рассмотрела это донесение на своем заседании 10 сентября 1913 года, отметив “ничем не оправданную и не вызванную торопливость, с которой братии хотелось бы, чтобы их жалоба была рассмотрена”, и назначила расследование на весну 1914 года.¹⁶³

Тем временем, вернувшийся в монастырь Иоанникий “начал гнуть в бараний рог” всех подписавших донесение иноков: как виновников возмущения, с разрешения Синодальной конторы он временно отстранил от должностей казначея Анатолия и ризничего Аверкия.¹⁶⁴ В знак протеста против подобного смещения духовник иеромонах Геронтий и делопроизводитель Собора иеродьякон Виктор подали прошения об увольнении со своих должностей. Убеденный, что против него составлен заговор, Арх.Иоанникий стал прилагать все усилия для его раскрытия. В руки Иоанникия попали письма, адресованные делопроизводителю иеромонаху Маркиану и иеромонаху Анатолию, весьма любопытного содержания.

---

¹⁶² РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1913, д. 192, лл. 6-10.

¹⁶³ Там же, л. 22.

¹⁶⁴ Там же, л. 30.

Письмо Маркиану пришло от некоего киевского иеромонаха Валентина (хотя на конверте отправителем значилась послушница Аполинария Феофилова), и было следующего содержания: “Покорное несение наложенной эпитимии послужит доказательством власти вашего Бисмарка, когда будет ревизия, а она будет непременно весной... Братия чтобы знала, о чем был донесение в контору и чтобы каждый был подготовлен к фактическим показаниям. Чтобы никто не соглашался подписывать бумаги. Заготовленные к оправданию настоятеля. Вообще, следует держаться справедливости и не бояться жирных кулаков вашего настоятеля...”¹⁶⁵

Письмо, адресованное иеромонаху Анатолию, от почетного гражданина Н.Ф.Королькова было не менее интригующим: “Не пугайтесь шуму из пустой бочки, отольются волку овечьи слезы... Контора не склонна поощрять затей и никаких особых новшеств, и вы поэтому не бойтесь, ... Крепитесь и утвердите братию”.¹⁶⁶

Судя по этим письмам, против Иоанникия действительно был организован заговор: под очередным донесением в Синодальную контору было собрано значительное число подписей, заговорщикам давали советы со стороны, как лучше справиться с настоятелем (не подписывать бумаг, уведомить всю братию о донесении, подготовить ее к показаниям), изменялись имена при переписке.¹⁶⁷

Несмотря на “раскрытие” заговора, арх. Иоанникий чувствовал себя весьма тревожно в сложившейся ситуации и не был уверен, что результаты ревизии монастыря, отложенной до весны 1914 года, будут в его пользу. Пытаясь заручиться поддержкой начальства, Иоанникий просил епископа Дмитревского Трифона и прокурора Синодальной конторы Ф.П.Степанова оказать содействие при рассмотрении его объяснений на донесение братии от 23 июля 1913 г. в благоприятную сторону. Иоанникий даже решился послать прошение на имя великой княгини Елизаветы Федоровны с ходатайством о “защите его в возведенных на него братией обвинениях, когда дело будет рассматриваться в Синодальной конторе и Синоде”, видимо, надеясь на хорошее отношение к нему

---

¹⁶⁵ Там же, лл. 51-51 об.

¹⁶⁶ Там же, лл. 49-50.

¹⁶⁷ 23 октября в келью послушника П.Титова, помогавшего настоятелю, в окно было брошено чугунное ядро с запиской: “Если так будешь делать, так убьем тебя вместе с настоятелем”.

Елизаветы Федоровны после её посещения летом 1913 года Соловецкого монастыря.¹⁶⁸

Свои объяснения арх.Иоанникий представил Синодальной конторе в июне 1914 года, где назвал имена главных “заговорщиков”: казначей Анатолий, ризничий Аверкий, делопроизводитель Маркиан и другие.¹⁶⁹ Принимая все это к сведению, Синод назначил ревизию Соловецкого монастыря, но ввиду военного положения она была отложена до особого распоряжения Синода. Синодальная контора пыталась по мере сил разрешить конфликт в обители, давая указания той и другой стороне, но, находясь слишком далеко от монастыря, не могла оперативно вникать во все детали этой необычной ситуации. Таким образом, братии и настоятелю пришлось самостоятельно решать возникшие между ними проблемы.

В монастыре же сложилась довольно активная группа недовольных настоятелем монашествующих, забрасывающая жалобами Синодальную контору, и в конце концов даже переставшая подчиняться Иоанникию. Синодальная контора предписывала Иоанникию “не озлоблять недовольных”, а жалобщикам объявляла выговоры за “дерзкое отношение к настоятелю и непослушании начальству”.¹⁷⁰ Однако, эти меры не изменили обстановку в обители к лучшему, и Иоанникий даже стал добиваться удаления мятежных монахов из монастыря как опасных в военное время.

Тем временем в прессе стали появляться статьи о “соловецкой революции”. Например, газета “Утро России” в № 199 за 1915 год писала: “В то время, как внимание общества отвлечено военными событиями, в Соловецком монастыре происходят страшные распри, вплоть до насилия, между братией и архимандритом Иоанникием... Монастырская жизнь пала, хозяйство трещит по всем швам и происходит, по истине, что-то вроде дневного грабежа. Храмы всегда пустуют, разврат происходит совершенно открыто, деньги крадутся самым ужасным образом... Архимандрит Иоанникий окружил себя людьми лишь верными. Монахи подали донесение в Синод. Архимандрит принял все меры и

Арх.Иоанникий был уверен, что записка - дело рук заговорщиков, последние же объявили это провокацией со стороны настоятеля.// Там же, л. 44 об.

¹⁶⁸ Там же, л. 65-66.

¹⁶⁹ Там же, лл. 62, 62 об.

¹⁷⁰ Там же, лл. 106-109.

монахов, дерзнувших подать это донесение, рассылает по самым отдаленным скитам”. Нетрудно догадаться, с чьих слов писалась эта статья, ставившая целью возбудить общественное мнение против арх.Иоанникия.

Наконец, летом 1916 года епископом Вельским Антонием и обер-секретарем Синода П.П. Смердынским в Соловецком монастыре была проведена ревизия. Преосвященный Антоний допрашивал авторов жалоб, а П.П.Смердынский обозревал канцелярские книги и бумаги. По словам Иоанникия, “ревизия не оставила убеждения ни в правоте, ни в виновности той или другой из спорящих сторон: так и разошлись в полной неизвестности будущего синодального решения”.¹⁷¹ Настоятель остался “с безупречной совестью в своем управлении, а враждебная партия подбодрилась духом”.

Иоанникий по-прежнему настаивал на удаление “мятежных монахов” из монастыря, т.к. в противном случае “опять пойдут жалобу, газетная молва, которые неминуемо будут волновать общество и наводить страх и опасения на всю мирную братию со стороны враждебной партии, а последняя примет еще большую дерзость”.¹⁷² Так и случилось. Кроме возобновившихся жалоб в Синод, “враждебная партия” подала прошение о назначении нового следствия по всем частям монастырского хозяйства и стала оказывать открытое неповиновение настоятелю и Собору обители.¹⁷³

К весне 1917 года Синод рассмотрел отчет Преосвященного Антония о ревизии Соловецкого монастыря и признал, что в обители “не соблюдались правила церковного устава о неопустительном посещении богослужений настоятелем и братией, чувствовался недостаток духовного руководства иноков и богомольцев, был устранен от деятельного участия в управлении монастырский Собор”.¹⁷⁴ Синод предписал Иоанникию “озаботиться о неотложном устранении вышеозначенных непорядков и представить свои объяснения.

Отчет епископа Антония был отослан в монастырь и вызвал бурю негодования со стороны настоятеля. “В отчете, - заявил Иоанникий, - с начала до конца ясно сквозит мысль ревизоров удалить меня с настоятельства. Весь отчет -

---

¹⁷¹ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1914, д. 178, л. 2.

¹⁷² Там же, л. 5.

¹⁷³ Там же, л. 6 об.

ложь, клевета, злоба. Всё представлено в самом извращенном виде: выставлены на вид мелочи, не заслуживающие внимания, а о преступлениях мятежников умолчано - явно принята их сторона.”¹⁷⁵ Пока Иоанникий готовил свои объяснения на этот “ложный” отчет, интерес к делам в Соловецком монастыре проявил прокурор Архангельского окружного суда. После появления в газете “Архангельск” от 9 апреля 1917 года заявления о расхищении ризницы монастыря, прокурор запросил у Синодальной конторы донесение братии от 23 июля 1913 года и результаты ревизии 1916 года для производства предварительного следствия. Однако, Синодальная контора весьма сдержанно отнеслась к этому запросу, сообщив прокурору, что “не находит основания производить расследование, и все дальнейшие распоряжения должны исходить от высшего духовного начальства - Синода”.¹⁷⁶

Несмотря на свою удаленность и обособленность от мира, инокам Соловецкой обители не удалось избежать влияния происходивших в 1917 году в России перемен. И надо сказать, что это влияние вылилось в весьма необычную для монастыря форму: часть братии стала выступать за изменения в хозяйстве и управлении обители. 17 июня 1917 года “уполномоченные от лица братии” предъявили настоятелю и Собору следующие требования:

- “продать всех кобылиц конного завода, вместо них купить рогатого скота, чтобы каждому для трапезы получать молоко по бутылке в неделю,
- прекратить на молочной ферме работу сепаратора, виновника брюшных болезней многих из братии, и продать его в Архангельск,
- остановить на время покоса действие электростанции, всех монастырских двигателей,
- уничтожить навсегда курятник, не выгодный для монастырского хозяйства,
- уравнивать братию жалованьем,
- увеличить число соборных членов тремя лицами из числа старшей братии, которые будут составлять братский комитет для того, чтобы точно следить за всеми действиями настоятеля и решать их общим советом в

---

¹⁷⁴ Там же, л. 7.

¹⁷⁵ Там же, л. 13.

¹⁷⁶ Там же, лл. 14-16.

присутствии Собора, удерживая настоятеля от издевательства над братией и неблагоприятных действий”.¹⁷⁷

Подписавшие требования иноки предупреждали Собор, что в случае невыполнения вышеизложенных требований, братия не приступит к покосу и “будет вынуждена послать в Петроград депутатов для блага обители и для водворения мира и любви среди братства”.

Как видно, если хозяйственные требования братии вряд ли могли способствовать прогрессу в экономике монастыря, то “политические” - уравнивание жалования братии и избрании братского комитета - претендовали на создание нового, более демократического, типа иноческой обители.

22 июня 1917 года “собрание братии” вынесло резолюцию “смирно просить отца настоятеля и соборных членов уволить иеромонахов Аверкия, Викториана и монаха Викентия в Петроград для выяснения дел монастыря и выдать им билеты и деньги на проезд по 100 рублей каждому”.¹⁷⁸ Собор, рассмотрев требования братии, отметил, во-первых, что предъявление подобных требований к настоятелю и Собору “представляется явлением новым, никогда ранее не бывалым, не свойственным правам и обычаям монастырской жизни и нарушающим установленный издревне порядок”, и, во-вторых, установление какого-то “комитета” для наблюдения за всеми действиями настоятеля не предусматривается ни инструкциями Синода, ни правилами Собора.¹⁷⁹ Не решаясь рассматривать требования братии самостоятельно, арх.Иоанникий с Собором послали донесение о случившемся в Синодальную контору.

На заседании в сентябре 1917 года, обсудив донесение арх.Иоанникия и жалобы от уполномоченных монахов, Синодальная контора решила “суждение о требованиях братии отложить до избрания нового настоятеля Соловецкого монастыря, от которого и потребовать сведения по содержанию донесения”.¹⁸⁰ Видимо, в этой ситуации, по мнению Синодальной конторы, наиболее безболезненным решением было увольнение настоятеля, нежели удовлетворение требований “братского комитета”.

---

¹⁷⁷ РГАДА, ф. 1183, оп.1, 1913, д. 192, лл. 180-183.

¹⁷⁸ Там же, л. 185.

¹⁷⁹ Там же, л. 181.

¹⁸⁰ Там же, л. 179.

Настоятелем Соловецкого монастыря, еще до заседания Синодальной конторы, 6 сентября под руководством викария Ярославской епархии Иосифа братия избрала настоятеля Антониева-Сийского монастыря архимандрита Вениамина.¹⁸¹ Он возглавлял обитель до 1920 года, когда после свержения правительства Н.В.Чайковского в Архангельске оказавший ему поддержку Соловецкий монастырь был упразднен.

Пока же, в 1917 году, соловецкая братия достигла своих первоначальных целей - смещение арх.Иоанникия, проявив при этом такое неповиновение начальству, какое было немыслимо даже в конце 19 века. Впрочем, братию не устраивал не только настоятель, но и существующий порядок управления монастырем. Монашествующие требовали увеличения своих прав в обители, установления более демократического монастырского правления.

Итак, как видно, жизнь в стенах Соловецкого монастыря не всегда текла тихо и спокойно. Подчас взаимоотношения как внутри братии, так и между братией и настоятелем достигали такого накала страстей, который, казалось бы, невозможно представить в иноческой обители. Как правило, большинство конфликтов возникало из-за нерационального, по мнению соловецкой братии, использования монастырских сумм. Братия живо интересовалась денежными и хозяйственными делами монастыря и ко всем неправильным действиям в этом отношении - непрактичным или ненужным постройкам и приобретениям - относилась крайне чувствительно и настороженно. Причина этого, по словам П.Ф.Федорова, крылась в "личных интересах каждого инока: каждому члену соловецкой общины приятно, радостно, когда обитель богатеет, и число членов её и трехдневных богомольцев-паломников увеличивается, если же обитель будет беднеть, то, пожалуй, жалованья лишат, пищу ухудшат, народу будет меньше и, значит, скучнее и хуже будет жить".¹⁸² Богатство и известность обители привлекало и новых иноков в соловецкую братию. По мнению современников, "в разных пустынных местах обширной Архангельской губернии и в Онежском заливе Белого моря были монастыри нисколько не менее удобные

---

¹⁸¹ ГААО, ф. 29, оп.1, т. 2, д. 1096, л. 7.

¹⁸² Федоров П.Ф. Соловки, с. 288.

для аскетической жизни, чем Соловки, но миряне не шли туда в монахи потому, что эти монастыри бедны, малолюдны и не посещаются народом”.¹⁸³

Настоятели обители, приезжавшие на Соловки, как правило, из других мест, не знали всех тонкостей и особенностей ведения монастырского хозяйства и уклада жизни на Соловках. Как считали соловецкие иноки, “экономические расчеты братии им (настоятелям - Т.С.) недоступны и необъяснимы, потому что рождаются они в человеке от более продолжительного пребывания в обители и к тому же в человеке, прошедшем много послушаний”.¹⁸⁴ Настоятели же стремились проявить свою деятельность, оставить след в истории обители (а может, и выслужиться перед высшим начальством) в виде полезных, по их мнению, построек или нововведений. Но, зачастую, настоятели приступали к этому, когда еще были мало или совсем незнакомы с духом братии, особенностями хозяйства и действительными потребностями мужицкой обители. При этом не всегда настоятели воздерживались и от искушения воспользоваться богатствами обители для своих нужд. Все это приводило к конфликтам внутри братии, которая подчас заведомо отрицательно относилась к преобразовательной деятельности своих настоятелей, направленной на благо обители. Хорошими настоятелями в обители считались те, которые не “затевали излишних построек и покупок, а делали только то, что требовалось текущим хозяйственным ходом дел, не тормозя дел отрыванием рабочих людей для исполнения своих прихотей и затей”.¹⁸⁵ В идеале, братия хотела бы видеть настоятеля только как лицо, которое бы осуществляло только общий контроль за управлением в обители и не вмешивалось в хозяйственные дела.

Второй причиной конфликтных ситуаций в Соловецкой обители была борьба за власть. В соответствии с указом Синода 1862 г. настоятель общежительного монастыря избирался преимущественно из братии того же монастыря или из другого, также общежительного. Поэтому недовольные настоятелем иноки могли рассчитывать на то, что освободившее место будет занято их единомышленниками. Нужно отметить, что изолированность монастыря, удаленность его от высшего начальства, смиренное послушание

---

¹⁸³ Пудовкин С.А. Наше путешествие на Север в 1901 году. Юрьев, 1905, с. 23.

¹⁸⁴ Федоров П.Ф. Соловки, с. 277.

¹⁸⁵ Там же, с. 294.

иноков (которые при пострижении в монашество давали обет “отдать всего себя во власть настоятеля”) создавали благоприятные условия для развития в настоятелях “деспотических” начал. Однако, братия довольно остро реагировала на притеснения, случавшиеся со стороны настоятеля, и на любое умаление ее прав. Соловецкие иноки предпочитали не смиренно и послушно исполнять все распоряжения настоятеля, а доказывать свою правоту, когда считали действия и предписания настоятеля необоснованными и неправомерными.

Непосредственное духовное начальство Соловецкого монастыря, Московская Синодальная контора, находилась слишком далеко от Соловков и не имела возможности напрямую следить за внутренней жизнью братии монастыря. Синодальная контора проводила ревизии или обзрения обители лишь тогда, когда до нее доходили сведения о конфликтах и раздорах между настоятелем и братией. Как правило, подобные конфликты до общественного мнения не доводились, дабы не подорвать авторитет древней иноческой обители среди верующих.

В целом же, можно сказать, что все эти факты свидетельствуют об упадке монашеской жизни в конце 19 - начале 20 века, проявившемся в том, что иноки стали скорее заботиться о получении материальных благ, нежели о возвышении монашеской жизни и осуществлении аскетических идеалов.

ХОЗЯЙСТВО СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ.

1. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

К середине 19 века основными монастырскими владениями были острова Соловецкого архипелага: Соловецкий, Большая Муксалма, Анзерский, Большой и Малый Заяцкие, Малая Муксалма (последние два практически необитаемы) и несколько мелких островов. На материке монастырю принадлежали довольно обширное подворье в Архангельске и два небольших в Сумах и Кеми. Подворья служили, во-первых, местом сбора паломников-богомольцев, особенно в Архангельске, где они ожидали прибытия монастырских пароходов, и, во-вторых, выполняли роль складских помещений для хранения продуктов и материалов, закупаемых на материке, перед отправлением в монастырь. Но это было только в летнее время. С октября по май сообщение с монастырем фактически прекращалось. Большую часть года Соловецкая обитель была изолирована от мира, что самым непосредственным образом влияло на образ жизни, духовную обстановку и хозяйство монастыря.

Поскольку хозяйственная деятельность обители ограничивалась, главным образом, территорией островов, то следует обратить внимание, что же собственно эти острова собой представляли.

Общая площадь островов равнялась приблизительно 66-ти тысячам десятин (что делало Соловецкий монастырь крупнейшим землевладельцем среди других российских монастырей).¹⁸⁶ По таксации 1892 года на Соловецких островах было занято лесами около 17700 десятин, болотами - 3371 десятина 200 кв.саженей, озерами - 2410 десятин 250 кв.саженей, сенокосами - 1200 десятин и 105 десятин 2100 кв.саженей занимали пустопорожные места.¹⁸⁷ Большая часть островов была покрыта лесом с суховатыми, низкорослыми деревьями, почти непригодными для построек. Для дров монастырь использовал, как правило, сухой лес и валежник, растущие же деревья рубил крайне редко, только по особой надобности. В основном, бревна для построек и поделок привозились с материка, для чего обитель брала "лесорубочный билет"

¹⁸⁶ Ростиславов Д.И. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей, с. 80.

¹⁸⁷ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1894, д. 165, л. 4.

с уплатой казенных пошлин.¹⁸⁸ Холодный климат, долгая зима, короткое лето, бедные почвы требовали от населения обители немалых сил, чтобы получить с соловецких земель какие-либо плоды трудов своих.

По описанию архимандрита Досифея в 30-х годах 19 века, “земля, составляющая почву Соловецких островов, есть дресва, то есть, как бы полупережженный одресвелый песок, смешанный с множеством различной величины гранитных камней, как на поверхности, так и внутри оной находящихся”.¹⁸⁹ Как отмечалось в трудах Соловецкого общества краеведения, “земельная структура островов представляет весьма малую питательную ценность и имеет лишь относительную годность, требуя большого ухода за собой и приспособления культурных растений. Будучи весьма бедны питательными веществами, почвы требуют усиленного навозного и минерального удобрения, с применением водо-воздушного режима.”¹⁹⁰

При таком климате и почвах все попытки создания на островах зернового хозяйства (неоднократные пробы посева ячменя и ржи монахами) были обречены на провал. Наиболее реальным в этих условиях было использование части земель под луга и развитие огородничества, что и являлось основными отраслями соловецкого земледелия во второй половине 19 - начале 20 века. Остановимся подробнее на этих отраслях монастырского хозяйства.

К сожалению, сведения о размерах земель, находившихся под лугами и огородами, равно как и сведения об урожайности лугов и огородов, не нашли отражения в монастырских приходо-расходных книгах и сохранившихся хозяйственных документах. Единственным указанием в монастырской документации на площадь земель, занятых под покосами, являются материалы таксации 1892 года. Как уже указывалось, площадь лугов по ней равнялась 1200 десятинам. Распределялись они следующим образом: на Соловецком острове - 865 десятин 600 кв. сажений, на Анзерском - 300 десятин, на Б.Муксалме - 50 десятин 600 кв.саженей, на Заяцком -16 десятин 300 кв.саженей.¹⁹¹ Близки к этим показателям и данные А.Барановского из Соловецкого общества краеведения -

---

¹⁸⁸ Там же, оп. 5, д. 1780, л. 123.

¹⁸⁹ Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального Соловецкого монастыря. М., 1836, с. 26.

¹⁹⁰ Барановский А. Научно-опытные элементы в практике Соловецкого сельского хозяйства. //Материалы соловецкого общества краеведения. Вып. 1. Соловки, 1927, с. 130.

900 десятин.¹⁹² Несколько большие цифры называет П.Ф.Федоров (посещавший обитель, напомним, в середине 80-х годов) - 2000 десятин.¹⁹³ Однако, его сведения основываются на собственных наблюдениях, что не исключает возможности ошибок, поскольку определить “на глаз” количество десятин довольно трудно. И уж совсем вызывают удивление данные энциклопедического словаря, изданного Брокгаузом и Ефроном, где площадь лугов на Соловках указывается в 20 тысяч десятин.¹⁹⁴ Вряд ли можно предположить, что площадь сенокосных угодий могла колебаться от 900 десятин до 20000 тысяч в течение всего лишь нескольких десятков лет. Такое увеличение лугов потребовало бы больших трудовых затрат, что обязательно бы отразилось в хозяйственных документах. И, наоборот, значительное сокращение сенокосов было бы связаны с какими-то серьезными изменениями в структуре монастырского хозяйства. Но подобных изменений по документам не наблюдается, поэтому наиболее достоверными являются данные таксации и Соловецкого общества краеведения, которые были получены либо при замерах земельных участков, либо из более надежных источников, нежели чисто визуальные наблюдения. Скорее всего, величина сенокосных угодий равнялась приблизительно 1000 десятин, незначительно увеличиваясь или уменьшаясь.

Сенокосные угодья на Соловках сильно различались по урожайности. Наиболее урожайными были приморско-береговые, укосы с которых составляли почти 35-40% от общей массы сенных урожаев или до 200 пудов на десятину.¹⁹⁵ Причем, эти луга почти не требовали никакой надобности в уходе. Затем шли суходольные, низинные и болотные. Суходольные луга занимали 30-40% сенокосных угодьев и давали весьма скудный урожай.¹⁹⁶ Средняя плодородность центральных лугов составляла 40 пудов малоценного сена на десятину. Малую плодородность соловецких лугов отмечал и П.Ф.Федоров, причисляя к хорошим только 50 десятин, “остальные же давали сено плохого качества”.¹⁹⁷ Вследствие неблагоприятных условий климата и почвы, трава росла скудная, низкая,

---

¹⁹¹ РГАДА, ф. 1183, оп.1, 1894, д. 165, л. 4.

¹⁹² Барановский А. Указ. соч., с. 131.

¹⁹³ Федоров П.Ф. Соловки, с. 19.

¹⁹⁴ Энциклопедический словарь. Ф.А.Брокгауз-И.А.Ефрон. Т.60. Спб, 1992, с. 782.

¹⁹⁵ Барановский А. Указ.соч., с. 132.

¹⁹⁶ Там же, с. 132.

¹⁹⁷ Федоров П.Ф. Указ.соч., с. 20.

несочная, и поспевала лишь в конце июля или начале августа. В целом, урожайность соловецких лугов была наполовину меньше, нежели урожайность лугов в северных и центральных губерниях, где в среднем накашивалось по 100 пудов с десятины.¹⁹⁸ Однако, монахам удавалось сохранять состояние и плодородие лугов, собирая до 80 и более пудов с десятины. Стараясь не допустить снижения плодородности и без того малоурожайных лугов, монастырь уваживал сенокосные угодья. Как отмечалось в “Известиях Архангельского Общества изучения Севера” в 1910 году, на монастырские луга вывозилось до 1400 пудов навоза на десятину.¹⁹⁹ Правда, такое интенсивное унавоживание применялось при мелиорации, т.е. при коренном улучшении луговых угодий, к которому прибегал не каждый год, а по мере сил и смотря по состоянию лугов. В начале 20 века монастырь также пользовался руководством и работой специально выписанного луговода.²⁰⁰ Луга теребились, уваживались, просушивались, освобождались от камней.

В своем труде П.Ф.Федоров приводит данные урожаев сена за 1882-1885 годы: со всех лугов в среднем накашивалось до 63 тысяч пудов.²⁰¹ Хватало ли этого количества для содержания монастырских лошадей и крупного рогатого скота и какова была реальная потребность в кормах?

В 30-х годах 19 века монастырь держал 120 коров и 120 “доброезжих” лошадей и молодых жеребят “средней породы”.²⁰² В конце 1863 года было 67 коров и телят, 13 быков, 140 ездовых лошадей и 5 жеребят, т.е. всего 225 голов.²⁰³ Весь скот в монастыре, со слов П.Ф.Федорова, “был жертвенный, только самая незначительная часть коров родилась в монастыре, лошади - одни самцы, все овцы осенью убивались, так что их на зиму не оставалось ни одной”.²⁰⁴ Эти сведения, в частности, относительно пожертвований скота, подтверждают и хозяйственные документы: опись крупного рогатого скота и лошадей за 1863 год и приходо-расходные книги. В приходо-расходных книгах

¹⁹⁸ Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989, с. 328.

¹⁹⁹ Цит. по; Матвеев Д.Н. Земледелие на Соловках. // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. XIV. Соловки, 1927, с. 15.

²⁰⁰ Барановский А. Указ.соч., с. 133.

²⁰¹ Федоров П.Ф. Указ.соч., с. 318.

²⁰² Досифей. Указ.соч., с. 29.

²⁰³ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 787, л. 185-186.

²⁰⁴ Федоров П.Ф. Указ.соч., с. 318.

за этот год нет никаких записей о покупке монастырем лошадей, а также крупного и мелкого рогатого скота. Согласно описи²⁰⁵, от 1862 года оставалось 144 лошади и 11 жеребят, в течение года было приведено еще 5 жеребят, 11 жеребят поступило в ездовые, 15 лошадей за год было убито и пало, затем к 1864 году осталось 140 ездовых лошадей и 5 жеребят. Быков к 1863 году было 19 голов, поступило вновь 13, из этих 32 было убито 19, осталось к следующему году 13 голов. И, наконец, коров насчитывалось 55 голов, нетелей и телят - 14, в течение 1863 года было убито и пало 10 коров и 44 телят и нетелей, и к 1864 г. на скотном дворе на Б.Муксалме состояло 53 коровы и 14 нетелей. Таким образом, 8 коров и 44 теленка и нетелей вполне могли быть пожертвованы в обитель (хотя, конечно, часть их могла родиться и в самом монастыре).

В обитель отдавали в основном телят и нетелей, большая часть которых шла, как правило, на убой. Убой домашнего скота обычно производился осенью, когда выяснялось, сколько получено сена, и приблизительно сколько на это сено можно прокормить разного скота. Мясо убитого скота обычно засаливалось и шло на пищу наемным рабочим, шкуры - на выделку кож для обуви. Поздней осенью сетями ловили диких лапландских оленей, ежегодно до 50 штук, шерстью которых набивали тюфяки и подушки в монастыре.²⁰⁶ К примеру, в 1863 году в рухольной палате было 180 звероловных сеток и 90 подушек с оленьей шерстью.²⁰⁷ Тем не менее, шкур собственного скота не хватало для удовлетворения потребностей обители. Ежегодно немалое количество шкур и овчин закупалось на материке.

Посмотрим теперь, сколько требовалось кормов для содержания монастырского стада. Вегетационный период на Соловках длился около 5 месяцев, следовательно, в течение года приблизительно 200 дней скот проводил в стойле. Если, согласно данным В.А.Чаянова, при 180 днях содержания в стойле нужно 125 сена на голову крупного рогатого скота или лошадь²⁰⁸, то при 200 днях постоя - около 140 пудов. Для содержания в стойле в течение 200 дней 225 голов скота требовалось 31500 пудов сена. При среднем урожае лугов в 100 пудов такое количество сена можно было получить с 315 десятин. Учитывая

²⁰⁵ РГАДА, ф. 1201, оп.4, д. 787, л. 185-186.

²⁰⁶ Федоров П.Ф. Указ.соч., с. 319.

²⁰⁷ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 787, л. 169.

низкую урожайность соловецких лугов (наполовину меньше, чем в северных и центральных губерниях²⁰⁹) и малую питательность сена, увеличим эту цифру в два раза и получим 630 десятин, т.е. монастырю нужно было иметь не менее 630 десятин лугов, чтобы накосить сена для содержания в стойле 225 голов скота.

Если исходить из более высоких норм, 1 пуд сена в день на голову скота²¹⁰, то для зимнего содержания монастырского стада было необходимо не менее 45000 пудов сена. В таком случае, площадь сенокосных угодий на Соловках не должна была опускаться ниже 900 десятин. Таким образом, даже если площадь лугов на Соловках не превышала 900 десятин, тем не менее сена с этих лугов должно было хватать для зимнего содержания монастырского стада. Лошадей, помимо сена, кормили и овсом. Овес обычно закупался на материке. Так, в 1863 году обитель купила около 5000 пудов овса²¹¹, в 1900 г. - уже свыше 11 тысяч пудов²¹² (к сожалению, количество монастырских лошадей в этом году неизвестно). По-видимому, в монастыре старались иметь и некоторый запас овса. Например, к январю 1864 года в хлебном амбаре налицо было 670 четвертей овса (около 3700 пудов), из которых, как отмечал амбарный монах, 100 четвертей (примерно 550 пудов) - "лишку".²¹³

Таким образом, на развитие монастырского животноводства влияло, во-первых, состояние сенокосных угодий на Соловках, площадь которых составляла около 1000 десятин и от урожайности которых зависело поголовье коров и лошадей, и, во-вторых, потребность монастыря в тягловой рабочей силе и молочных продуктах.²¹⁴

Остановимся теперь на другой отрасли монастырского сельского хозяйства - огородничестве. Огородничеством на Соловках занимались чуть ли не с основания монастыря. В начале 17 века на Соловецком острове, в Анзерах и других островах на летне-осенний сезон для работы на огородах монастырь

---

²⁰⁸ Чаянов В.А. Указ.соч., с. 328.

²⁰⁹ Барановский А. Указ. соч., с. 134.

²¹⁰ Очерки русской культуры 18 века. Ч.1. М., 1985, с. 109.

²¹¹ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 788, л. 59.

²¹² Там же, ф. 1183, оп.1, 1901, д. 126, л. 138.

²¹³ Там же, ф. 1201, оп.4, д. 787, л. 167.

²¹⁴ Молочное хозяйство лишь частично удовлетворяло потребности монастыря, в основном в молоке и твороге. Сливочное же масло ежегодно закупалось в Архангельске в объеме от 100 до 200 пудов.

нанимал “казаков” от 220 до 250 человек за плату, с предоставлением питания, обуви и жилья.²¹⁵

Сведения о монастырском огородничестве во второй половине 19 - начале 20 века ограничиваются, в основном, воспоминаниями современников. Монастырская же документация о количестве земель под огородами, способах возделывания, урожайности, выращиваемых культурах и т.п. фактически отсутствует. В приходо-расходных книгах (довольно полно представленных за этот период) количество собранного с огородов урожая не записывалось, Синодальная контора сведения об огородничестве не требовала. Поэтому, если и присутствует какие-то косвенные данные об огородах, то они ограничиваются либо записями о покупке семян для монаха-огородника (как правило, статьями расхода типа ”семян разных на такую-то сумму”, зачастую без указания количества и вида семян), либо отсутствием в списке закупаемых продуктов тех или иных овощей, которые, как правило, включались в монастырский рацион, из чего можно сделать вывод, что они выращивались в самом монастыре.

Некоторую надежду получить более или менее реальную картину состояния монастырского огородничества во второй половине 19-начале 20 века дают материалы Соловецкого общества краеведения (С.О.К). В распоряжении С.О.К. были “Книги для записывания и начинания огородных работ” с 1901 года и записи, которые вели монахи-огородники в 90-х годах 19 века. По этим записям можно установить примерный размер огородов, методы их удобрения, основные выращиваемые культуры и урожайность.

Отдельную группу источников, как уже говорилось, составляют описания монастырских огородов, оставленные очевидцами. Наиболее известные описания оставили В.Немирович-Данченко, Ф.П.Федоров, архимандрит Досифей. В “Описании Соловецкого монастыря” арх.Досифей приводит следующие данные об огородах: “Вблизи монастыря с давнего времени, и в расстоянии от онога на одну с половиной версту, заведены огороды, возделанные и скотским навозом удобренные, на коих в благорастворенные теплою погодою года во изобилии родится: репа, брюква, редька, морковь, свекла, картофель, лук, чеснок, хрен, чабер и зеленая капуста. В сих же огородах

---

²¹⁵ Борисов А.М. Указ.соч., с. 153.

растет сельдерей, петрушка, пастернак и в парниках огурцы; но при всем успехе разведения всех упомянутых овощей надобно признаться, что вкус оных весьма уступает тем, которые под благорастворенным небом в других местах растут в изобилии”.²¹⁶

Но наиболее впечатляющие сведения (полученные, правда, только из разговора с монахом-богомольцем) оставил В.И.Немирович-Данченко. В обители, по его словам, превосходно росли не только разнообразные овощи, но и арбузы, дыни, персики и “разная нежная ягода” в теплицах.²¹⁷ Такие успехи в развитии огородничества могли поразить воображение не только современников Немировича-Данченко, но и читателей в 20 веке. К сожалению, какие-то конкретные данные об огородах на Соловках у автора отсутствуют, описание носит лишь мимолетный характер, малопригодный для освещения этой отрасли монастырского хозяйства.

Более обстоятельное описание огородов дает П.Ф.Федоров. “Близ монастыря, - пишет он, - на месте, защищенном лесом от северных ветров, имеется большой хорошо содержимый огород, почва которого создана искусственно и ежегодно удобряется навозом. Небольшие огороды также есть и при некоторых скитах, так что площадь всех огородов не менее 30 десятин. В этих огородах сеют картофель, капусту, лук, чеснок, хрен, редьку, морковь, репу, брюкву, свеклу, кроме того, в парниках растут огурцы, салат, сельдерей. В урожайные годы всех этих овощей бывает вполне достаточно для потребностей монастыря, кроме огурцов, всегда прикупаемых”.²¹⁸

Как видно, и в 30-х годах 19 века (“Описание” арх.Досифея) и в 80-х (П.Ф.Федоров) на монастырских огородах выращивались одни и те же культуры: картофель, капуста, лук, чеснок, хрен, редька, морковь, репа, брюква, свекла и различная зелень. Вероятно, характер культур почти не менялся на протяжении 19-начала 20 века.

По данным П.Ф.Федорова, с огородов близ монастыря в начале сентября убиралось около 6 тыс. пудов картофеля, около 9 чанов готовой рубленой

---

²¹⁶ Досифей. Указ.соч., с. 28.

²¹⁷ Немирович-Данченко В.И. Указ.соч., с. 518.

²¹⁸ Федоров П.Ф. Указ.соч., с. 20.

капусты, т.е. около 225 ведер, и редьки около 150 двуручных корзин.²¹⁹ Если считать, что средний урожай соловецкого картофеля в начале 20 века равнялся 800-850 пудов с десятины (по записям монахов-огородников) и был на таком же уровне в 80-е годы, то картофель занимал площадь размером 7 - 7,5 десятин.²²⁰ Согласно сделанных Д.Н.Матвеевым расчетам (Материалы С.О.К.), видно, что 9 кочанов готовой рубленой капусты может получиться из урожая в 3000 пудов.²²¹ Учитывая средний урожай капусты на огородах в конце 19 века в 2000 пудов с десятины, находим, что площадь под капустой равнялась 1,5 десятинам. Если же принять несколько меньший средний урожай, то размер площади может быть повышен до 2 десятин.

Другие культуры, состоявшие из лука, чеснока, моркови, репы, брюквы, свеклы, на чрезмерное употребление которых в монастырской пища указаний не имеется, могли занимать не более 2,5 - 3 десятин.²²² Судя по монастырской трапезе, эти овощи использовались в гораздо меньшей степени, чем капуста и картофель. Так, примерное обеденное меню состояло из холодного (вареная треска с квасом, хреном, луком и перцем), щей (капуста, палтус, овсяная и ячменная крупы и подболтка), “сушихи” (суп из сухой трески с картофелем, подболткой и небольшим количеством костей палтуса) и каши. Ужин состоял из первых трех блюд, только без каши, в скоромные дни в ужин на третье давали творог с молоком.²²³ Вслед за картофелем и капустой неизменным монастырским блюдом был хрен, из которого готовили жидкую закуску. И если собственного урожая хрена оказывалось недостаточно для трапезы, то закупали на материке. В 1863 году, например, закупили больше 2-х пудов. Довольно часто, как показывают приходо-расходные книги, монастырь покупал и капусту, которая, видимо, не всегда созревала на Соловках.²²⁴

---

²¹⁹ Там же, с. 321.

²²⁰ Матвеев Д.Н. Указ.соч., с. 11.

²²¹ Там же.

²²² Там же.

²²³ Федоров П.Ф. Указ.соч., с. 227.

²²⁴ Так, в сентябре 1864 г. монастырю пришлось срочно закупить до 15 тыс. кочанов капусты, поскольку “при убории с огородов капусты урожай оказался недостаточным и большей частью капуста зеленая”.// РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 790, л. 79.

Таблица № 2. Объемы закупок капусты в 1868-1880 гг.²²⁵

год	Объем (пудов)	сумма
1868	1 462.50	351.00 р.
1870	693.75	140.50 р.
1873	1 312.50	420.00 р.
1874	1 181.25	454.00 р.
1875	1 518.75	511.65 р.
1876	1 425.00	504.50 р.
1877	675.00	198.00 р.
1878	1 550.63	415.36 р.
1880	1 462.50	420.00 р.

Остального количества овощей, судя по количеству занятой под них площади и по отсутствию записей в приходо-расходных книгах о покупке оных, даже при “не хорошо содержимом огороде” должно было хватать на небогатую овощами (кроме капусты, картофеля и хрена) монастырскую пищу.

Итак, общая площадь огородов “близ монастыря” равнялась 12 десятинам, даже если прибавить к этому площадь небольших огородиков в скитах, то все равно она будет составлять не более 15 десятин. Это в два раза меньше площадей, указанных П.Ф.Федоровым, а также в некоторых более современных исследованиях (например, в книге Зыбковца, где площадь земли под огородами в 1900 г. определяется в 40 десятин²²⁶). Площадь огородов на Соловках в 15 десятин подтверждается и размерами огородов, имевшихся в хозяйстве к моменту их изъятия из монастырского ведения (не более 11-12 десятин).²²⁷ Возможно, площадь огородов после 1913 года несколько снизилась, поскольку снизилось число даровых рабочих-трудников, число паломников, да и вообще весь заведенный ход жизни в монастыре мог измениться. К примеру, в 1916 году монастырь даже закупил 1100 пудов картофеля, 30 пудов лука и 280 пудов капусты.²²⁸

Картофель и капуста были бессменными соловецкими культурами, длительность которых определялась “не десятками лет, а веками”. Обработка картофельных площадей издавна производилась конным способом, сначала при

²²⁵ РГАДА, ф. 1201, оп. 5, ч. 2, д. 5549, 5554, 5573, 5577, 5580, 5581, 5585, 5590, 5598.

²²⁶ Зыбковец В.П. Национализация монастырских имуществ в Советской России. 1917-1921, с. 38.

²²⁷ Матвеев Д.Н. Указ. соч., с. 12.

²²⁸ РГАДА, ф. 1201, оп. 5, ч. II, д. 5630, л. 3, 49.

помощи сохи, а затем плуга. Из монастырских записей видно, что огороды начинали пахать приблизительно с 10 мая, посадка картофеля в среднем производилась в 20 числах мая (29 апреля - 5 июня), а уборка - между 30 августа и 20 сентября.²²⁹ Промежуточные работы на картофеле заключались в производившимся два раза окучивании и полке, что являлось вполне типичной обработкой картофеля.

Такой же была обработка земли и под капусту. Капусту разводили рассадой в 8 летних парниках, высадка рассады рекомендовалась монахами-огородниками "по вечерам", что и исполнялось.²³⁰ Вообще, монахи старались быть в курсе последних достижений по части огородничества. С этой целью приобреталась различная литература. В 1863 году, например, из С.-Петербурга были выписаны такие издания, как "Полное опытное русское огородничество", "Новейший способ возделывания картофеля", "Домашняя справочная книга" и другие.²³¹

Помимо способов обработки земли, записи монахов-огородников дают некоторые сведения и об удобрении соловецких огородов. Удобрением служил исключительно навоз. Зная поголовье скота, в частности в 1863 году, можно вычислить количество навоза, отвозимого на соловецкие огороды. На Соловецком острове содержались только лошади, остальной скот - на Б.Муксалме и Анзерском острове. Постоянно в конюшне находилась треть лошадей, остальная - около 7 месяцев. Если средняя голова крупного рогатого скота, постоянно находившаяся в стойле, дает 500 пудов в год, а находившаяся летом на пастбище - 200²³², то со 145 лошадей в 1863 году получалось более 43 тысяч пудов. Таким образом, на десятину огородов в 12 десятин на Соловецком острове приходилось 3500 пудов навоза. С 73 коров и быков на Б.Муксалме получалось около 15 тысяч пудов навоза, которые могли идти на удобрение небольших огородов и лугов. С увеличением количества лошадей и рогатого скота, увеличивалось и количество удобрений. Утомленные бессменной

---

²²⁹ Матвеев Д.Н. Указ.соч., с. 14.

²³⁰ Там же.

²³¹ РГАДА, ф. 1201, оп.5 ч. II, д. 5551. л. 127.

²³² Матвеев Д.Н. Указ.соч., с. 15.

культурой соловецкие почвы требовали большой размер удобрений, и порой отдельные огородные участки получали до 6000 пудов на десятину.²³³

По записям монахов-огородников можно судить об урожае отдельных культур. Так, с 90 пудов лука получали урожай в 500 пудов. Урожаи брюквы(в среднем за 12 лет) - в 1000 пудов, редьки - 750 пуд., моркови - 200 пуд. и репы - до 1000 пудов.²³⁴ Кстати, репа и капуста были выведены в местных условиях и, как по своим вкусовым качествам, так и по своей устойчивости к северному климату, получили известность и распространение в ближайших местностях материка.

Что же касается арбузов, дынь и персиков, о которых писал В.Немирович-Данченко, то, возможно, опыты их выращивания и были в монастыре. Так, в Макарьевской пустыни на основе воскобелильного завода были оборудованы оранжереи и парники с подземным подогревом почвы²³⁵, в которых возможно было посадить экзотические для Севера растения. В закупной приходо-расходной книге за 1880 год есть запись о закупках, помимо травяных и овощных семян, и арбузных.²³⁶ Впрочем, если посадки экзотических растений и были в монастыре, то они могли носить только чисто экспериментальный характер, дабы показать, что в принципе на Соловках можно вырастить и персики с арбузами.

Итак, как показывают данные о соловецком огородничестве, площадь огородов в рассматриваемый период практически не менялась (до 15 десятин) и видимо была оптимальной, поскольку обитель имела необходимое для обработки число рабочих рук, а урожаев с огородов в основном хватало (за исключением капусты) для удовлетворения потребностей обители. Указания же современников на более обширные огородные площади являются некоторым преувеличением, связанным с тем общим впечатлением, которое могло сложиться у них под влиянием значительных достижений огородничества в плане выведения разнообразных культур и содержания огородов.

---

²³³ Там же, с. 16.

²³⁴ Там же, с. 17.

²³⁵ Скопин В.В. На соловецких островах, с. 140.

²³⁶ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 855, л. 47.

2. Хозяйственные заведения.

К середине прошлого века Соловецкий монастырь представлял собой обширный хозяйственный комплекс, включавший многочисленные мастерские, несколько заводов, собственные пароходы и различные “службы быта”. Все эти заведения были нацелены, в первую очередь, на удовлетворение собственных нужд обители, хотя продукция и услуги некоторых выходили и за её пределы. Многие хозяйственные заведения вели свое начало с настоятельства игумена Филиппа (Колычева), этого “Петра Великого Соловецких островов”²³⁷, управлявшего монастырем с 1548 по 1566 год. Со временем число мастерских и заводов росло, и к началу 20 века при монастыре действовали салотопенный, гончарный, свечной, кирпичный, лесопильный, кожевенный заводы, мукомольная мельница, а также мастерские: сапожная, портняжная, малярная, столярная, слесарная, серебряных дел, переплетная, корзинная, санная, колесная, экипажная, кузница, литейное и механическое заведения, литография и другие.

Глядя на эти многочисленные хозяйственные заведения, многие современники считали, что в монастыре производится почти все необходимое для жизни, а если что-то и покупается, то в весьма незначительных количествах. Так, посетивший Соловки в 1910 г. преподаватель одной из московских женских гимназий В.Уланов писал, что “в монастыре сохранился строй средневекового натурального хозяйства, где угоды и мастерские удовлетворяют внутренние потребности, а извне получает только то, что не производит собственная земля”. “Основные черты самоудовлетворяющегося хозяйственного центра, - продолжал он, - здесь налицо: налицо архимандрит - хозяин, стоящий во главе освобожденной от черной работы группы рыцарства “воинствующей церкви”, живущего даровым подневольным трудом, правда, - не в силу юридического крепостного состояния “трудников”, а по добровольному временному закабалению их, но все же “закабалению”, т.к. почти не бывало случаев отказа “трудников” от “послушания” монастырю.”²³⁸

²³⁷ Дунаев Б.И. Соловецкая обитель. М., 1902, с. 12.

²³⁸ Уланов В. Из экскурсионных впечатлений. // Вестник воспитания. 1910. № 1, с. 184.

И В.И.Немирович-Данченко, побывавший в Соловецком монастыре в 1872 году, отзывался о нем как о “самом производительном месте на нашем севере”. По его словам, “Соловецкий монастырь, отрезанный в течение 8 месяцев от всего остального мира, ни в ком не нуждается и ничего нигде не покупает, а все, что ему необходимо, производит сам, кроме хлеба, крупы и каменного угля”.²³⁹

Чтобы определить, насколько справедлива такая оценка монастырского хозяйства, рассмотрим, как работали мастерские и заводы, и в какой мере удовлетворяли они те или иные потребности обитатели. Начнем с тех из них, которые использовали при производстве или обработке местные ресурсы. Это, в первую очередь, салотопенный, кирпичный, кожевенный и гончарный заводы.

Производством сала из морских животных в Соловецком монастыре занимались с давних пор. В 1834 г. Синод подтвердил право монастыря вести звериный промысел, причем “без заключения письменных условий и без ведома Московской Синодальной конторы”,²⁴⁰ т.е. Конторе предоставлялись сведения только о суммах с купли-продажи сала, без посвящения её в детали этого промысла. В середине 19 века в обители вытапливали сало как из нерп собственного улова, так и из купленных у поморов. В 1863 году для ловли нерп в обители имелось шесть карбасов и более 200 сетей; занимались этим промыслом, в основном зимой, 3-4 послушника и 8-10 богомольцев; и кроме них работали на салотопне 1-2 человека.²⁴¹ Построенный в 1842 г. салотопенный завод представлял собой “скромное здание, внутри которого была устроена больших размеров печь с горном, в которой помещался котел для варки тюленьего сала”.²⁴² К сожалению, не сохранилось сведений о том, сколько именно добывалось ластиногих самим монастырем, но за некоторые годы есть данные о количестве купленных у поморов нерп и чистого “звериного сала”. Поскольку звериное, или ворванное, сало отправлялось на продажу в Архангельск, то в закупную книгу записывалось, кто, сколько и по какой цене покупал монастырское сало. Эти записи позволяют проследить ежегодные

²³⁹ Немирович-Данченко В.И. Соловки. //Вестник Европы. 1874. Кн. 8, с.520.

²⁴⁰ РГАДА, ф.1201, оп.4, д.786, л.75об.

²⁴¹ Там же, д. 787, л. 175, 177.

²⁴² Скопин В.В. На Соловецких островах. М. 1990, с.100.

объемы продажи звериного сала, а также определить место этого вида дохода в монастырском бюджете.

Морской промысел зачастую зависел от “приходу зверей”, поэтому размеры улова могли значительно меняться в разные годы. Из морских зверей добывали нерпу, морского зайца, иногда детенышей гренландских тюленей (обычно их называли “белек” или “серка”). Промысел начинался, как правило, в середине осени, когда “зверь бывал особенно жирен”.²⁴³ С морских зверей снимали кожу вместе с салом, а мясо выбрасывали обратно в море. Из-за дороговизны звероловной снасти поморские жители ловили ластоногих в основном монастырскими неводами и сетями, а иногда и на монастырских карбасах, отдавая при этом часть улова в пользу обители.

Благодаря сохранившейся казначейской книге за 1863 год²⁴⁴, куда вносились суммы за купленное звериное сало, можно узнать, сколько сала и нерп было приобретено обителью у поморов, по какой цене и сколько сала монастырь получил бесплатно как долю с улова за предоставленные снасти. Представим эти данные в виде следующей таблицы:

Таблица № 3. Объемы закупок ворванного сала Соловецким монастырем в 1863 году.

Месяц	Куплено сала у поморов	Доля монастыря с улова	Цена за пуд, руб.	Выдано за сало, руб.
Март	73п.35ф.	2п.32ф. ²⁴⁵	1.60	105.58 ²⁴⁶
Апрель	107п.30ф.	-	1.60	164.84
Май	22п.6ф.	2п.5ф.(25%)	1.60	35.44
	6п.17ф.		1.60	10.26
	4п.8ф.		2.00	8.40
Июнь	18п.33ф.	39п.13ф.(33%)	1.60	30.12
	18п.		1.70	30.60
	7п.31ф.		1.70	13.22
	7п.20ф.		1.70	12.75
	5п.5ф.		1.70	8.70
	1п.10ф.		1.70	2.12
Июль	78п.27ф.	9п.5ф.(33%)	1.70	133.00
	1п.34ф.		1.70	3.14
	18п.7ф.		1.70	31.00
	1п.24ф.		2.00	3.20

²⁴³ Жилинский А. А. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. Пг. 1917, с. 70.

²⁴⁴ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 787, л. 1-97.

²⁴⁵ Были пожертвованы в пользу обители.

²⁴⁶ Из этой суммы высчитали 21 руб. 20 коп. за купленные поморами в монастыре продукты.

Август	60п.18ф.	60п.18ф.(50%)	2.00	120.90
Сентябрь	1п.2ф.		1.60	1.68
	6п.27ф.		2.00	13.35
Октябрь	2п.10ф.	1п.(30%)	1.60	3.60
	49п.3ф.	24п.21ф.(33%)	1.60	78.53
	145п.26ф.	72п.33ф.(33.%)	1.70	247.62
	44п.16ф.	14п.32ф.(25%)	1.60	71.00
	18п.3ф.	9п.2ф.(33%)	1.70	29.88
	3п.12ф.	1п.4ф.(25%)	1.70	5.61
	16п.10ф.	5п.16ф.(25%)	1.60	16.10

В январе, феврале, ноябре и декабре сала у поморов не покупали.

Как видно из таблицы, монастырь закупал как необработанное, или чистое, сало (по 1руб.60коп и по 1руб.70коп.), так и топленое, т.н. гретое, сало или сверотек (по 2руб.). В 1863 г. у поморов было приобретено 846 пуд. 36 фун. чистого сала и 133 пуд. 17 фун. гретого, всего на сумму 1180 рублей. При этом в пользу монастыря поступило около 30% сала: 267 пудов чистого и 60 пуд. 18 фун. гретого. Скорее всего, чем больше монастырь давал необходимого для промысла оснащения, тем большая часть улова ему причиталась. Если поморы сдавали чистое сало, то “в пользу обители” обычно шла четвертая или третья часть улова. Чистое сало затем перетапливалось на салотопенном заводе в гретое.²⁴⁷ Значительно меньше закупалось гретого сала, при этом в пользу обители либо ничего не поступало, либо же “промышленники” отдавали монастырю половину всей партии. В последнем случае, возможно, сало вытапливалось в самом монастыре, отчего его доля и возрастала до 50%.

Большая часть гретого сала шла на продажу в Архангельске. У обители были постоянные покупатели, с которыми поддерживались связи в течение многих лет. Например, одними из таких постоянных партнеров были архангельские купцы Дес-Фонтейнесы, которые покупали монастырское сало в 60-е и 70-е гг., поставляя в свою очередь в обитель конопляное масло, пеньку и другие товары. При этом расчеты зачастую производились путем взаимозачетов.

Часть сала могла идти и на внутренние потребности обители. Как отмечалось в одном из донесений настоятеля монастыря арх.Феофана в Синодальную контору, звериное сало использовалось главным образом, “чтобы

²⁴⁷ Из чистого сала вытапливали 70-75% гретого.

в зимнее время освещать в монастыре братские коридоры”.²⁴⁸ Донесение, правда, было написано с целью избежать уплаты пошлин, которые требовала от монастыря Архангельская Казенная Палата, поэтому и подчеркивалось, что салотопенный завод работает только для удовлетворения потребностей обители в сале, а если оно и продается, то лишь в случае излишка, “причем продается без прибыли для монастыря”.²⁴⁹

Однако, в действительности в монастыре были далеко не безразличны к “прибыли от продажи”, и в частности, от продажи сала. Возьмем, к примеру, тот же 1863 год и рассмотрим, сколько сала монастырь продал в Архангельске, на какую сумму, какая часть оно было получена из ластроногих собственного улова, а сколько перетоплено из чистого сала, купленного у поморских жителей.

Из сохранившейся переписки закупных монахов с монастырем за 1863 год видно²⁵⁰, что 6 июля и 3 августа из монастыря отправили в Архангельск для продажи соответственно 53 и 13 бочек гретого сала общим весом 1440 пудов. Поскольку больше прямых указаний на отправку сала в Архангельск нет, то будем считать, что в 1863 г. обитель продала 1440 пудов гретого сала. Хотя вполне возможно, эта цифра была и несколько выше, т.к. в накладных закупщиков значится, что обратно в монастырь 11 августа и 18 сентября они отправили соответственно 56 и 17 порожних сальных бочек, т.е. на 7 бочек больше, чем получили из обители. Если считать, что в одной бочке было 20 пудов сала, то в 7 получается не менее 140 пудов. Не исключено, что сало предназначалось и для внутренних потребностей подворья или для пароходов. Но если часть его, всё-таки, была продана, то общее количество проданного ворванного сала могло подняться до 1580 пудов.

К сожалению, точно не известно по какой цене было продано сало в Архангельске, поэтому придется довольствоваться на этот счет только косвенными данными. В начале июня закупные монахи доносили в обитель, что купец А.И.Дес-Фонтейнес “желает получить наше сало и за которое назначает цену 3 руб. 10 коп. за пуд”.²⁵¹ Монастырское начальство, отметив, что цена Дес-

²⁴⁸ РГАДА, ф. 1183, оп.4, д. 423, л. 4об.

²⁴⁹ Там же, л. 2.

²⁵⁰ Закупная книга, куда записывались деньги за продаваемое сало, за 1863 год не сохранилась, поэтому воспользуемся косвенными источниками. РГАДА, ф. 1201, оп.4, д. 788, л. 55, 89.

²⁵¹ Там же, л. 50, 52об.

Фонтейнеса умеренная, предписало закупным монахам “иметь в виду покупателей с повышением этой цены, в противном случае сдать за эту цену”. По-видимому, в дальнейшем Дес-Фонтейнес повысил цену, поскольку закупные монахи доносили, что “сало ворванное благополучно сдали Дес-Фонтейнесу на высшую цену”. Поскольку “высшая цена“ неизвестна, можно только сказать, что сала сдали на сумму не менее 4500 рублей.

Итак, имея за 1863 год данные об объемах продажи ворванного сала и подробную роспись закупок оного у поморов, посмотрим, сколько сала было вытоплено с ластроногих, пойманных монастырскими послушниками и трудниками.

Согласно таблице с января по июнь, т.е. к отправлению 1180 пудов в Архангельск, монастырь закупил 408 пуд. 32 фун. чистого и 4 пуд. 8 фун. гретого сала. Из этого количество могли вытопить приблизительно 290 пудов гретого сала. За июль и начало августа, до отгрузки 3 августа, из купленного у поморов сала (29 пуд. 7 фун. чистого и 122 пуд. 21 фун. гретого) получили еще 142 пуда гретого. Таким образом, из проданных 1440 пудов ворванного сала 432 пуда могли вытопить (или просто перепродать) из покупаемого у поморских жителей. После этого остается немногим более 1000 пудов, часть которых, вероятно, осталась от закупок осенью 1862 года, а часть была вытоплена из монастырского улова. Скорее всего, это количество сала не накапливалось в течение двух или трех лет, поскольку и в 1862, и в 1861 году монастырь сало в Архангельск продавал: в 1861 г. - на сумму 2050 руб.,²⁵² в 1862 г. - на 1249 руб. (462 пуда).²⁵³

Если исходить из того, что и осенью 1862 года купили столько же сала, как и осенью 1863 года²⁵⁴ (в пересчете на гретое сало около трехсот пудов), то получается, что около 700 пудов, т.е. половина, из проданных в 1863 г. 1440 пудов были вытоплены из собственно монастырского улова.

Полученные результаты несколько расходятся с данными П.Ф.Федорова, утверждавшего, что “из ластроногих, которые убивают на своих тонях монастырские даровые трудники, вытапливают 80-90 пудов сала, остальные 820-

²⁵² Там же, д. 786, л. 32.

²⁵³ Там же, оп. 5, ч. II, д. 5549, л. 5.

810 пуд. вместе со шкурами скупаются за дешевую плату у поморов”. В этом случае на долю монастыря приходится меньше 10%. Возможно, количество покупаемого обителю у поморов сала действительно сильно менялось в разные годы, тем не менее маловероятно, чтобы монастырь почему-то сильно уменьшил добычу ластоногих, да и число послушников и трудников, занятых ловлей морских зверей, в 60-е и 80-е годы было примерно одинаковым.

Данные за другой, 1864 год, также показывают, что половина проданного в этом году гретого сала была вытоплена из монастырского улова. В частности, в 1864 г. обитель закупила у поморов 188 пудов чистого и 74 пуд. 12 фун. гретого сала: с января по июнь - 70 пуд. 23 фун. чистого, и с августа по ноябрь - 74 пуд. 12 фун. гретого и 118 пуд. чистого.²⁵⁵ В июле того же года закупные монахи продали в Архангельске Дес-Фонтейнесу 652 пуда сала. Следовательно, к июлю из купленного у поморов чистого сала могли вытопить около 50 пудов гретого. Если прибавить к этому количеству оставшиеся с осени 1863 года 292 пуда, то получится, что примерно 342 пуд. из проданных обителю 652 пуд. вытопили из “поморского” сала, а 320 пуд. - из монастырского. Таким образом, в 1864 г. также почти половина предназначенного для продажи гретого сала была произведена из ластоногих монастырского улова.

Поэтому с утверждением П.Ф.Федорова, что большую часть сала обитель скупала у поморов, вряд ли можно безоговорочно согласиться. А если учесть, что часть сала действительно шла на освещение братских коридоров, то с ластоногих своего улова монастырь вытапливал гораздо больше сала, нежели покупал у поморов.

К сожалению, сведения об объемах закупок и продаж монастырем ворванного сала имеются далеко не за все годы рассматриваемого в работе периода, сохранившиеся же закупные и главные приходо-расходные книги позволяют восстановить более менее полную картину “по салу” только с 1862 по 1880 год. Но поскольку, судя по источникам, во второй половине 19 - начале 20 века производство сала в монастыре не претерпело сильных изменений ни в качественном, ни в количественном отношении, то данные за 60-е и 70-е годы

---

²⁵⁴ Точные сведения о закупках сала осенью 1862 года не сохранились. Известно лишь, что в 1862 г. монастырь купил сала на сумму 1067 рублей. // Там же..

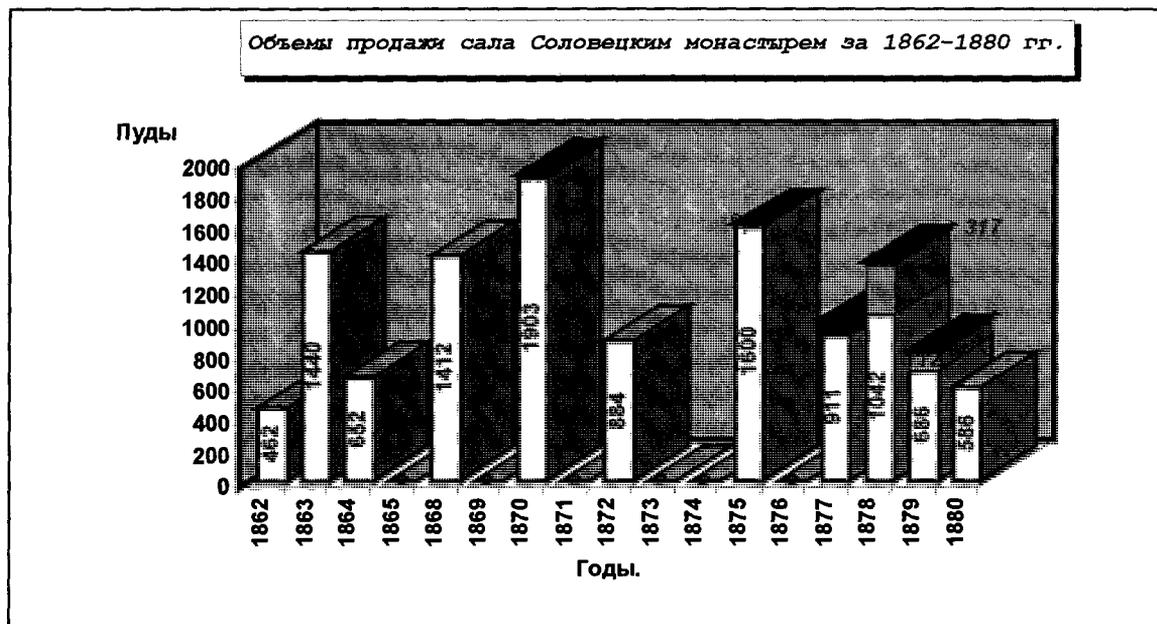
²⁵⁵ Там же, д. 5554, л. 1-32.

вполне можно отнести и ко всему периоду. Итак, объемы продаж сала в эти годы выглядели следующим образом²⁵⁶:

Таблица № 4. Объемы продаж ворванного сала Соловецким монастырем в 1862-1916 годах.

Год	Вес, пуд.	Цена, руб.	Сумма, руб.	Год	Вес, пуд.	Цена, руб.	Сумма, руб.
1862	462	2,70	1 249	1873	*	*	*
1863	1440	3,40	4 896	1874	*	*	*
1864	652	3,00	1 956	1875	1600 9,60	2,55 1,00	4 080 9,60
1865	*	*	*	1876	*	*	*
1866	1126	3,16	3 565				
1868	1412 20	2,70 1,00	3 813 20	1877	911 102	2,82 1,50	2 569 153
1869	*	*	*	1878	1042 20 317	2,95 1,50 0,60	3 075 30 190
1870	1903 20	3,30 2,00	6 280 40	1879	686 19 112	2,75 2,50 1,70	1 888 47 190
1871	*	*	*	1880	586	2,70 р.	1 582 р.
1872	884	3,00 р.	2 652 р.	1916	505	18,00 р.	10 185 р.

Для большей наглядности представим данные таблицы в виде гистограммы:

²⁵⁶ Данные таблицы: РГАДА, ф. 1183, оп.1, 1867г., д.177; ф. 1201, оп.4, д.788; оп.5, ч.2, д. 5549, 5554, 5562, 5569, 5566, 5573, 5577, 5580, 5581, 5585, 5590, 5592, 5598, 5604. В годы, отмеченные

Итак, обитель, как правило, продавала обработанное, т.е. гретое сало, хотя иногда в продажу шло и чистое сало, и даже выварки (317 пуд. в 1878 г.). Так, больше всего чистого сала было реализовано в 1877 и 1879 гг. - 102 и 112 пудов соответственно, причем по довольно умеренным ценам - 1 руб. 50 коп. и 1 руб. 70 коп. за пуд (обычно по таким ценам обитель покупала сало у поморов). Возможно, для этого сложились какие-то особенные обстоятельства, которые побудили обитель продать необработанное сало - финансовые соображения или спрос именно на такое сало - тем не менее, это было скорее исключение, чем правило.

Вообще, монастырь стремился продавать сало с наибольшей для себя выгодой: искали покупателей, которые могли предложить наивысшую цену, если цены на сало сильно падали, то ждали их повышения, придерживая сало в обители. Например, в августе 1865 года закупные монахи доносили в монастырь: "Сало стало еще дешевле, очень много в приходе от поморов по 2 руб. 50 коп., не лучше ли оставить до будущего года, чтобы не пришлось оставить на подворье на зиму"²⁵⁷.

Таким образом, объемы продаж ворванного сала зависели, прежде всего, от рыночной конъюнктуры и от того, насколько удачен был улов ластоногих. Нередко сало скапливалось в монастыре год или два (сало в эти годы обычно совсем не продавали), после чего объемы его продаж значительно увеличивались, как, например, в 1870, 1875 и 1877 годах. В среднем, ежегодно обитель продавала примерно 800 пудов ворванного сала на сумму более двух тысяч рублей. В целом, объемы продаваемого сала оставались довольно стабильными, т.е. монастырь не старался увеличить или уменьшить размеры салотопенного производства.

Посмотрим теперь, сколько обитель тратила, чтобы получить эти 800 пудов сала. Прежде всего, следует определить, сколько сала покупал монастырь у поморов, и сколько добывал из пойманных собственными силами ластоногих.

---

*, обитель сало 1916 г. не продавала.

²⁵⁷ РГАДА, ф.1201, оп. 4, д. 791, л. 108.

Для удобства анализа, представим данные о закупках сала у поморов в виде таблицы.²⁵⁸

Таблица № 5. Объемы закупок ворванного сала Соловецким монастырем в 1862-1916 гг.

Год	Вес, пуд.	Цена, руб.	Сумма, руб.	Год	Вес, пуд.	Цена, руб.	Сумма, руб.
1862	667	1,60	1067	1876	291	1,60	465
1863	847	1,65	1035	1877	270	1,60	432
	133	2	146				
1864	189	1,60	276	1878	288	1,60	459
	74	2,30	171				
1869	667	1,55	947	1879	235	1,60	376
1870	226	1,50	338	1880	342	1,60	548
1871	219	1,60	350	1895	202	1,60	323
1872	349	1,60	558	1906	364	1,60	582
	8	2,25	19		157	1,50	235
1873	129	1,60	207	1915	308	2,50	772
	22	2,70	60				
1874	448	1,60	716	1916	461	4,50-7	2305
					57	7-8,50	456

Как видно из приведенных данных, монастырь покупал в основном необработанное нерпичье сало, причем закупочные цены за весь период практически не изменились (не учитывая 1915 и 1916 гг., когда цены возросли на 100-150%²⁵⁹). Гретье, то есть перетопленное, сало составляло в среднем всего 4,5% от закупок, но его уже не требовалось дополнительно обрабатывать, а можно было сразу отправлять на продажу в Архангельск. Разница цен при такой перепродаже достигала 25-40%. Объем среднегодовых закупок обоих видов сала приближался к 380 пудам, хотя эту цифру можно и несколько увеличить. Дело в том, что с конца 60-х годов в приходо-расходных книгах перестали указывать, какую часть улова отдавали поморы обители за пользование монастырскими снастями при зверином промысле. Вряд ли монастырь отошел от практики предоставления сетей и карбасов “звериным промышленникам”, а поскольку доля обители составляла (как показали закупки в 1863 г.) четвертую и третью часть улова, то вполне можно увеличить объем купленного сала, по крайней

²⁵⁸ Данные таблицы взяты из следующих источников: РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1896, д. 121; 1907, д. 110; оп. 5, д. 1723, 1738, 1759, 1780, 1803, 1842, 1854, 1871, 1883, 1893, 2209; ф. 1201, оп. 4, д. 787; оп. 5, ч. II, д. 5549, 5554, 5622, 5565,

мере с 1870 года, на 30%. В таком случае, ежегодно монастырь покупал у поморов и получал как долю от промысла около 450 пудов чистого сала, из которого при вытопке получалось 320-340 пудов гретого, в среднем 330 пудов.

Итак, из 800 пудов ворванного сала, которые монастырь продавал в Архангельске, приблизительно 330 пудов вытапливалось из купленного сала, а около 470 пудов, почти 60%,- с собственного улова. Определим теперь, много ли обитель тратила, чтобы получить эти 470 пудов гретого сала. Поскольку рассчитать расходы как на ловлю ластоногих (снасти, карбасы), так и на вытопку из них сала, путем подсчетов прямых затрат довольно затруднительно, применим другой способ. В августе 1863 г. поморы сдали в монастырь 120 пудов гретого сала, из которых 60 пудов отошли обители бесплатно, как доля с промысла. Как уже говорилось выше, увеличение доли монастыря - которая обычно составляла 25 и 33%, если сдавалось чистое сало - можно объяснить тем, что, кроме предоставления снастей для промысла, монастырь еще и перетопил сало на своем заводе. Исходя из этого, предположим, что затраты обители на получение 1 пуда гретого сала из ластоногих собственного улова (т.е. затраты на снасти, карбасы и перетопку) равнялись менее 50% цены, по которой монастырь покупал гретое сало у поморов. Средняя закупочная цена топленого сала составляла 2 руб. 20 коп., следовательно, для получения 470 пудов гретого сала обитель тратила менее 525 рублей. Но сюда не вошла стоимость труда братии и трудников, необходимого для ловли соответствующего количества ластоногих. Доля поморов при сдаче в обитель гретого сала составляла 50%, т.е. представляла собой как бы плату за труд поморов, затраченный на ловлю ластоногих. Аналогичный труд братии и трудников обходился обители дешевле (см. ниже) примерно на 40%. Соединив расходы монастыря на снасти, карбасы и перетопку сала со стоимостью труда братии и трудников, получим, что на получение 470 пудов гретого сала из ластоногих собственного улова обитель тратила не более 840 рублей.

Чистое сало, купленное у поморов, монастырь перетапливал в гретое, что, естественно, требовало определенных материальных затрат. Сколько это стоило монастырю определим следующим образом: доля обители составляла 25

---

²⁵⁹ Лященко Л.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1956, с. 645.

или 33%, когда поморы сдавали чистое сало, и 50%, когда гретое; вероятно, разница в размерах доли и приближается к затратам на вытопку сала, т.е. 17% (доля монастыря в 25 и 33% не зависела от перетопки сала). Но, скорее всего, когда монастырь вытапливал сало в доле с поморами (и поморы получали 50%), то включал в затраты со своей стороны и полную стоимость труда братии и даровых богомольцев на салотопенном заводе. Если же сало вытапливалось “для себя”, т.е. на продажу в Архангельск, то труд братии и богомольцев обходился обители дешевле. Следовательно, затраты на вытопку сала составляли менее 17%. Поэтому на приобретение 450 пудов чистого сала и переработку его в гретое обитель расходовала также не более 840 рублей.

В итоге получается, что 800 пудов гретого сала обходились монастырю не более 1680 рублей. Прибыль в таком случае (требовались еще транспортные расходы, чтобы доставить сало в Архангельск) могла колебаться в размерах 20-30%. Для получения этой прибыли монастырь вкладывал немало средств и трудов, не занимаясь, как считали некоторые современники, в основном, перепродажей купленного у поморов сала в Архангельск. Поскольку источники не позволяют получить более точные результаты, сделанные расчеты носят оценочный характер, определяя лишь возможные рамки размеров прибыли монастыря.

Кроме салотопенного завода, на местном сырье работали также кирпичный, гончарный, смолокурный, кожевенный и лесопильный заводы. Анализ производства этих заводов довольно затруднен из-за скудости источниковой базы. Продукция кирпичного, смолокурного и лесопильного заводов практически не продавалась, а шла только на удовлетворение внутренних нужд обители, и поэтому в приходе-расходных книгах не учитывалась. Другие же источники, помимо приходе-расходных книг, или крайне малочисленны, или довольно субъективны и ненадежны. С гончарным и кожевенным заводами, которые продавали часть своих изделий паломникам и населению монастыря, ситуация не лучше: в приходе-расходных книгах суммы, полученные от продажи гончарных или кожаных изделий, записывались не отдельно, а присоединялись к статьям “от расходчика” или “с монастырских послушаний”, поэтому вычислить выручку только от продажи изделий с этих

заводов практически нельзя. Ввиду вышеуказанных причин возможно дать лишь общее описание работы этих заводов.

Для кирпичного и гончарного производства использовалась имевшаяся на Соловках довольно разнообразная по качеству и количеству глина. Правда, как отмечалось в “Материалах Соловецкого общества краеведения”, “все глины относились к довольно молодой геологической формации, что говорит об их невысоком качестве”.²⁶⁰ Тем не менее, по качеству глина вполне подходила как для производства гончарных изделий, так и кирпича. Кирпичный завод удовлетворял основные потребности обитатели в этом строительном материале, хотя если требовался какой-то особый кирпич, например, огнеупорный (для печ и т.п.), то часто такой кирпич покупался.²⁶¹ За пределы монастыря кирпич продавался крайне редко и лишь когда имелись на это особые причины. Так, осенью 1916 года по просьбе администрации по постройке Мурманской железной дороги монастырь продал 65 тыс. кирпичей на сумму 9766 руб. (включая стоимость фрахта шаланды - 2900 рублей). Причем, для отпуска кирпича из монастырских запасов было испрашено разрешение Московской Синодальной конторы и Хозяйственного управления при Синоде.²⁶² Если же не было таких чрезвычайных причин для продажи на сторону большого количества кирпича, то, как правило, за год в обители продавалось не более 50-100 кирпичей.

По словам настоятеля монастыря арх.Феофана, кирпичный завод “часто по году и по два не имел действия”, а работал лишь тогда, когда обители требовался кирпич для починки и постройки различных зданий. Вероятно, так оно и было, поскольку для продажи кирпич не предназначался, а для себя изготавливали его по мере надобности. Если среди братии не было мастеров по выделке кирпича, то приглашали со стороны. Зимой завод не работал, а летом под руководством мастера из монахов или послушников трудилось от 6 до 40 даровых богомольцев.

Поскольку запасы годной для выделки кирпича глины на Соловецком острове к началу 20 века значительно истощились, возникла идея устроить

---

²⁶⁰ Иванов В. Полезные ископаемые Соловецких островов. // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. 1. Соловки, 1927, с. 73.

²⁶¹ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1896, д. 121, л. 96.

кирпичный завод (а также смолокуренный и угольный) на о.Кондостров, который отошел в надел монастырю в 1897 году.²⁶³ Однако, этот план реализован не был, и до 1920 г. обители действовал кирпичный завод, устроенный еще игуменом Филиппом в середине 16 века.

Использовали глину и для производства гончарных изделий. Обычно зимой 4-5 человек делали столовые и чайные чашки, чайники, кружки, тарелки и т.п., которые предназначались как для собственных хозяйственных нужд, так и для продажи паломникам. По отзывам современников, гончарные изделия были лучшего достоинства, чем у крестьян в Архангельске, но значительно дороже. В 80-е гг. изделий продавали приблизительно на сумму от 200 до 500 рублей. Несмотря на собственное производство, обитель закупала различную посуду в Архангельске и в других местах. Как правило, это была фаянсовая, фарфоровая или даже серебряная посуда, которая предназначалась для приема высоких гостей, торжественных случаев или для продажи в расходческой лавке.

В 1818 году на одном из каналов Святого озера близ обители был устроен лесопильный завод, приготавливающий тес для монастырских построек. Строевого леса на Соловках было крайне мало (в 1894 г. - около 3000 деревьев²⁶⁴), поэтому для построек и починок использовался не свой, а привозной лес. Часть лесоматериалов обитель покупала, часть отпускалась ей из "казённых береговых дач"²⁶⁵, а в начале 20 века лес стали вывозить с о.Кондостров (ежегодно более 300 деревьев).²⁶⁶ Лесопильный завод работал несколько недель в году, в основном, весной, когда в озере было достаточно воды. Трудилось на нем не более десяти человек: 1-2 монаха или послушника и 8-9 трудников.

Смолокуренный завод вырабатывал для монастырских судов и пароходов, а также для других хозяйственных заведений, смолу и скипидар. Осенью и зимой выкорчевывали и свозили на завод пни, из которых гнали смолу. По данным П.Ф.Федорова, в год получали около 50 бочек смолы и около 3 бочек скипидару.

---

²⁶² Там же, ф. 1201, оп. 5, ч. 2, д. 5622, л. 237, 274; ф. 1803, оп. 1, 1916, д. 139, л. 1-3.

²⁶³ Там же, ф. 1183, оп. 1, 1907, д. 122, л. 14.

²⁶⁴ Там же, 1894, д. 165, л. 4.

²⁶⁵ Ежегодно по лесорубочному билету обитель заготавливала в Онежском лесничестве 400-500 бревен. Вырубка и вывозка деревьев, а также уплата пошлин казне, обходились монастырю в 300-400 рублей.

²⁶⁶ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1907, д. 122, л. 13.

По-видимому, продукции смолокурного завода не всегда хватало для удовлетворения нужд обители, поэтому нередко в Архангельске для судов и пароходов покупали еще и пек (в 1863 г. купили 3 бочки пеку, т.е. 66 пудов). Скипидар и другие продукты смолокурного завода обитель продавала лишь в исключительных случаях, как, например, в 1916 г., когда трудности военного времени не обошли стороной и Соловки. Как и на лесопильном заводе, в смолокурне работали 1-2 монаха или послушника и 6-10 даровых богомольцев.

На кожевенном заводе занимались выделкой кож из оленьих, нерпичных шкур и из шкур домашнего скота. Оленьи шкуры шли на выделку кожи для обуви, домашнего скота - для одежды, и нерпичьи - на пояса и обувь. Нерпичьи кожи, вместе со звериным салом, частично покупались у поморов. По данным за 1863 год, обитель купила 620 кож на сумму 296 рублей, а 288 штук отошли “в пользу монастыря” как часть от промысла.²⁶⁷ Выделанные в обители нерпичьи кожи, а равно и изделия из них, видимо, были довольно хорошего качества. Как отмечалось в “Истории первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря”, изданной в конце 19 в., кожи тюленей, представленные в 1855 г. на выставке в Москве, за их обработку были отмечены бронзовой медалью от Императорского Общества сельского хозяйства.²⁶⁸ Часто и современники, посещавшие Соловецкую обитель, в своих воспоминаниях отмечали хорошую выделку монастырских поясов и обуви из нерпичьей кожи.²⁶⁹

Как видно, свои потребности в изделиях из нерпичьей кожи обитель полностью удовлетворяла (каждому монаху выдавалось из рухлядной палаты по 2 нерпичьих пояса), причем оставалось еще и для продажи. Однако, другие виды кожи, как выделанной, так и нет, приходилось ежегодно докупать. Покупали, в основном, выделанные кожи или уже готовые изделия: полушубки, сапоги, рукавицы и тому подобное. В 1863 г., к примеру, в Архангельске закупные монахи и смотритель подворья приобрели для обители 620 шт. овчин, 300 пар кожаных рукавиц, 70 пар сапог, кож “деланых”: 30 передковых, 40 выростковых, 240 опойковых,²⁷⁰ - и “неделаных” бычьих - 58 штук, всего на

²⁶⁷ Там же, ф. 1201, оп. 4, д. 787, л. 1-142.

²⁶⁸ История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря”, с. 6.

²⁶⁹ Максимов С.В. Год на Севере, с. 127.

²⁷⁰ Выростковые и опойковые кожи использовались для шитья верха обуви,

сумму 1497 рублей.²⁷¹ С ростом числа братии увеличивались и потребности в кожаных изделиях. Так, в 1900 г. было куплено 200 дубленых шуб, 150 овчин, 650 конских и бараньих рукавиц, 200 пар кожаных сапог, кож “деланных”: 80 передковых, 100 выростковых, 10 подошвенных, - и 40 кож “сырых”, на сумму - 3874 рубля.²⁷² В этом же году “в задаток на изготовление шубного и кожевенного товара в г.Слободской Вятской губернии” отдали 500 руб., из чего следует, что обители было выгоднее и удобнее заказывать кожаные изделия на стороне, нежели приобретать “неделанные” кожи, обрабатывать их и шить те же шубы, полушубки, варежки и сапоги в своих портной и сапожной мастерских.

В книге В.В.Скопина “На Соловецких островах” при описании кожевенного завода указывается, что в конце 19 века ежегодно перерабатывалось до восьми тысяч кож.²⁷³ На наш взгляд, эта цифра преувеличена, по крайней мере, в два раза, поскольку нерпичьих кож обрабатывалось максимум 2000 штук, кож домашнего скота и оленей - не больше тысячи, т.е. всего около трех тысяч кож, а в отдельные годы, может быть, четыре тысячи.

Как и на остальных монастырских заводах, число послушников и трудников, работавших в кожевне, в основном, в зимнее время, не превышало 10 человек.

И, наконец, рассмотрим последний в нашем списке монастырский завод²⁷⁴ - свечной. Продукция свечного завода не только в значительных размерах ежегодно продавалась, но и удовлетворяла немалые потребности в свечах самой обители. Вообще, производство свеч было делом весьма прибыльным. По оценке Д.И.Ростиславова, “доход от свеч бывает гораздо более 100%”.²⁷⁵ “Там, где много зажигается свечей на одном подсвечнике или лампаде, - поясняет он, - их скоро тушат и заменяют новыми... Чтобы свечи долго не

²⁷¹ РГАДА, ф. 1201, оп.4, д.788, л.61.

²⁷² Там же, ф. 1183, оп.1, 1901, д. 126, л. 55об., 113.

²⁷³ Скопин В.В. Указ.соч., с.105.

²⁷⁴ В литературе можно встретить упоминание об алебастровом заводе, построенном в конце 19 в. на месте обжиговых печей для производства извести и алебаstra. Однако, кроме архитектурного описания здания завода, никаких сведений о его работе найти не удалось. Известно только, что обитель закупала известковый и алебастровый камень на материке: в 1863 г. - 24 саж. известкового камня, в 1897 г. - около 4000 пуд. известки. // РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1898, д. 149; ГААО, ф. 58, оп. 12, д. 1407.

²⁷⁵ Ростиславов Д.И. Указ.соч., с. 117.

застаивались, в монастырях, изобилующих богомольцами, назначается послушник или монах у подсвечника, на который ставится много свеч; специальная обязанность этого лица состоит в том, чтобы, чрез более или менее краткий промежуток, гасить и снимать свечи. Остатки несгоревших свеч или продаются торговцам, или обчищаются так, чтобы казались не горевшими и продаются по уменьшенной цене, а в монастырях, где есть свои свечные заводы, переливают в новые свечи.”²⁷⁶

Попытаемся теперь установить, какие доходы давали производство и продажа свеч в Соловецкой обители. К сожалению, данные о годовом расходе воска удалось обнаружить только за 1863 год, к тому же в приходо-расходных книгах этого года, как будет показано ниже, несколько уменьшены суммы, полученные от продажи богомольцам восковых свеч. Поэтому, чтобы определить, на какую сумму было продано свеч, воспользуемся данными по доходах от продажи восковых свеч за более ранние годы.

В 1863 г. на приходе значилось 142 пуда белого воска: 89 пудов осталось от 1862 г., 32 пуда было вновь выбелено из желтого воска и получено обратно изгару 20 пудов, - и 434 пуда желтого воска: остаток от 1862 г. - 175 п., купили в 1863 г. - 200 п., жертвованный воск - 3 пуда и изгар - 56 пудов. Израсходовали в этом году следующее количество воска: белого - 61 пуд (на продажу богомольцам пошло 41п. 27ф. и для “жжения в церкви” - 20п. 11ф.), желтого - 156 пудов (на продажу - 94п., в церковь - 29п. и для беления - 33 п.).²⁷⁷

Как видно, на продажу богомольцам в течение лета шло значительно больше воска (белого - в 2 раза, желтого - в 3,2), нежели на “жжение в церквах”. В целом, в 1863 г. продали 135п. 27ф. и сожгли в церквах 49п. 11ф., т.е. почти 185 пудов.²⁷⁸ В среднем, в это время пуд желтого воска стоил 25 рублей. Пуд свечей из желтого воска продавали в монастыре за 32 рубля.²⁷⁹ Следовательно, поступившие в расход 135 п.27 ф. стоили 4342 рубля. Но надо учесть, что часть свеч была из белого воска, который стоил дороже желтого, следовательно, цена этих 135 п. 27 ф. доходила до пяти тысяч рублей.

---

²⁷⁶ Там же, с. 118.

²⁷⁷ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 787, л. 152, 153.

²⁷⁸ В главной же приходо-расходной книге за 1863 г. говорилось, что использовался только воск, заготовленный в 1862 г., расход которого составил 100 пудов: 60 пудов пошло на продажу и 40пуд. сгорело “безденежно при богослужении”. // РГАДА, ф. 1201, оп. 5, ч. II, д. 5553, л. 25.

В предыдущие годы от продажи свеч в летнее время паломникам поступало около 10 тысяч рублей: в 1859 г. - 9647 руб., 1860 г. - 10000 руб., 1861 г. - 11046 руб.,²⁸⁰ - что составляло 21-23% кружечных сумм (т.е. церковных и братских доходов). В 1863 г. кружечных сумм было 34126 руб., соответственно, от продажи свеч должны были выручить приблизительно семь с половиной тысяч рублей. Кроме того, по казначейской книге от продажи свеч в течение года поступило 2200 рублей.²⁸¹ Таким образом, весь "свечной" приход мог равняться примерно 9700 рублям. При затратах в пять тысяч рублей, прибыль от выделки и продажи свеч составляла 94%. Но в эти расчеты нужно включить и те 49 п.11 ф., которые сгорали в монастыре "безденежно". В таком случае, расходы на покупку 185 пудов воска и изготовление свеч увеличиваются примерно до семи тысяч рублей, а чистая прибыль уменьшается до 39%.

Правда, принять это значение за конечный результат еще рано, т.к. следует учесть, что остававшийся свечной изгар вновь использовался для изготовления свеч. В 1863 г. из 185 пудов воска сгорело 40 п. 33 ф. белого и 70 п. 38 ф. желтого, всего 111 п. 31 ф.. Осталось изгару - 73 п. 9 ф.. Итак, сгорало только 60% воска, а 40% вновь шли на обработку. Поэтому можно предположить, что 60% свеч в монастыре делали из купленного воска, а 40% - из изгара. Себестоимость свеч, выделанных из изгара, должна была включать лишь затраты на изготовление и хранение. Следовательно, на покупку и выделку 60% проданных в 1863г. свеч (111 пудов) обитель потратила приблизительно 4 тысячи рублей, а на 40% свеч - 600 руб.. Получается, что при "свечных" расходах в 4600 руб., приход составлял 9710 руб., давая обители прибыль не менее 100%. Эти вычисления, конечно, не безупречны, но все-таки, дают представление о приблизительных размерах прибыли, которую получал монастырь о свечного завода.

Островное положение Соловецкого монастыря делало неизбежным развитие одной из важных отраслей хозяйства - судоходства. По описи 1863 г. у монастыря было два парохода, три шхуны, две 3-х мачтовые ладьи, судно для перевозки богомольцев в Суму, 68 карбасов различной величины, 14 катеров и

---

²⁷⁹ Там же, оп. 4, д. 787, л. 10.

²⁸⁰ РГАДА, ф.1201, оп.4, д.786, л.35.

²⁸¹ Там же, д.787, л.161.

шлюпок.²⁸² Суда и пароходы использовались как для хозяйственных нужд (доставке продуктов и материалов, для ловли рыбы и ластоногих и т.д.), так и для перевозки богомольцев с материка на Соловки и обратно.

В 1851 г. Министерство Внутренних дел по согласию с обер-прокурором Синода предоставило Соловецкой обители исключительное право перевозить на её судах из Архангельска в монастырь и обратно богомольцев. Это делалось для того, чтобы, во-первых, “не стеснять права монастыря”, а во-вторых, “не обращать посещение обители народом, предпринимаемое исключительно с религиозной целью, в частную промышленность”.²⁸³

В 60-е года “богомольческие“ суда были заменены пароходами, что решило многие проблемы сообщения с материком. До приобретения первого парохода в 1861 г. богомольцы иногда 2-3 недели добирались из Архангельска до Соловков. Как писал настоятель арх.Порфирий, “особенно замечателен частыми бурями и бедствиями мореплавателей был 1860 год, когда обитель потерпела урон через значительные повреждения двух своих судов. Суда были прибиты бурей к каменным берегам, ударились о них - и бедные богомольцы в страхе поспешили выйти из поврежденных судов на берег и другую половину пути доканчивали по берегу пешком до ближайших к монастырю береговых селений”.²⁸⁴ Ранее в 1856 г. монастырская ладья “провела зиму во льдах со всеми необходимыми для монастыря съестными припасами, которые, к большому горю обители, предалась порче и были выброшены в море”.²⁸⁵

В начале 1861 года в монастырском доке²⁸⁶ был переделан купленный за 13 тысяч рублей грузовой пароход “Волга” в пассажирский пароход “Вера” (дополнительные затраты на переделку составили 11479 рублей). По словам того же арх.Порфирия, “пароход “Вера”, не имея почти ни одного соперника в Белом море, начал носиться с сотнями поклонников между Архангельском и Соловецким монастырем быстро, 20-24 часа в один рейс, безопасно и благополучно. Обитель с удовольствием и постепенно стала одних гостей встречать у себя, других провожать, тогда как прежде приходилось принимать

---

²⁸² Там же, л. 171-176.

²⁸³ Там же, ф. 1183, оп. 4, д. 422, л. 3.

²⁸⁴ Пароходы Соловецкого монастыря “Вера” и “Надежда”. СПб., 1864, с. 6.

²⁸⁵ Там же, с. 7.

²⁸⁶ Док построен в 1843-1846 годах.

их при благоприятной погоде и попутном ветре целыми тысячами вдруг, а в ненастное время не видеть ни одного человека”.²⁸⁷ За три года, по мнению монастырского начальства, пароход “Вера” окупил потраченный на него капитал: за перевоз пассажиров поступило 24 415 руб. и плюс грузовые перевозки продовольствия и различных материалов в обитель и обратно.²⁸⁸

15 августа 1862 года сделал первый рейс монастырский пароход “Надежда”, деревянный корпус которого был построен на Соловках, а двигатель изготовлен в Глазго. “Надежда” обошлась обители в 70 346 рублей.²⁸⁹ За пять лет, с 1863 года, от пароходства в Соловецкий монастырь поступило 56 829 руб., на ремонт и покупку деталей было израсходовано 31 200 руб., таким образом, чистый доход составил 25629 рублей.²⁹⁰

Прослужив двенадцать навигаций, деревянный корпус парохода “Надежда” стал приходить в ветхость, и настоятель арх.Феодосий с Учрежденным Собором, имея свободный капитал в 80 тысяч рублей, решили купить или заказать другой пароход. С финским заводом “Крейтон и К” был заключен договор, и в сентябре 1881 г. пароход “Соловецкий” (стоимостью 94 тысячи рублей), прибыл в Архангельск.²⁹¹ Вскоре стал неисправен пароход “Вера”, который один раз уже подвергался капитальному ремонту в монастырском доке, после того как в 1873 году “попал на мель при густом тумане и от напора волн с открытого моря потерпел крушение”.²⁹² Обитель заключила контракт с заводом Мотальского акционерного общества в шведском городе Готенбурге о строительстве нового парохода за 11 тысяч фунтов стерлингов. Новый пароход был назван во имя Михаила Архангела и прибыл в монастырь в 1887 году.²⁹³

В 1895 году, все-таки, решено было произвести ремонт “Веры”, но оказалось, что ремонтировать его нецелесообразно, и к 1902 г. в Выборге Анонимным обществом судостроительных механических и литейных заводов

---

²⁸⁷ Там же, с. 10.

²⁸⁸ Там же, с. 12.

²⁸⁹ Там же, с. 16.

²⁹⁰ РГАДА, ф. 1183, оп. 4, д. 422, л. 6.

²⁹¹ Там же, оп. 1, 1911, д. 144, л. 17.

²⁹² Там же, оп. 1, 1873, д. 94, л. 7.

²⁹³ Там же, оп. 1, 1911, д. 144, л. 19.

был построен новый корпус для “Веры”.²⁹⁴ Как правило, покупка или ремонт пароходов требовали значительных средств, и зачастую мнение братии о необходимости подобных расходов не было однозначным. Подчас разногласия по финансовым вопросам приводили к довольно серьезным конфликтам, как среди монастырского начальства, так и среди братии. К примеру, арх.Мелетия обвиняли в перерасходе 30-ти тысяч рублей при покупке парохода “Михаил Архангел”, что привело к дефициту монастырского бюджета. К нерациональным финансовым расходам относилась, по мнению части братии, и перестройка при арх.Иоанникии парохода “Вера”, двигатель которого был слишком объемным для корпуса парохода.

Первые рейсы в Архангельск соловецкие пароходы совершали в двадцатых числах мая, последние - около 18 сентября. С 1910 годы были установлены срочные рейсы Соловецкого пароходства: монастырь - Архангельск и монастырь-Онега-Сумы.²⁹⁵ В “Губернских ведомостях” Вологодской, Вятской, Новгородской губ., а также в газете “Северное утро” печатались (за счет обители) расписания рейсов монастырских пароходов.²⁹⁶

По словам современников, монастырские пароходы были менее благоустроены, гораздо “скромнее”, чем, например, пароходы Мурманского общества, зато проезд на первых был примерно на 20% дешевле. Так, в 1885 г. проезд до обители на пароходе “Соловецкий” стоил (в оба конца): в первом классе - 7 руб., во втором - 5 руб., в третьем - 4 руб., в четвертом, т.е. на палубе - 3 руб., на кормовой палубе - 2 руб. и в носовом трюме - 1 руб. 50 коп.. Дешевле обходился проезд на пароходе “Вера”, прослуживший к тому времени уже 24 навигации: в общей каюте первого класса - 6 руб., второго - 4 руб., в общем среднем трюме - 3 руб., в носовом трюме - 2 руб. и на палубе - рубль.²⁹⁷ На пароходах имелись и отдельные семейные каюты на 3-4 человека, проезд в которых стоил от 12 до 32 рублей. Наиболее состоятельные паломники могли зафрахтовать даже весь пароход, но, как правило, такое случалось, когда уже

---

²⁹⁴ Там же, л. 20.

²⁹⁵ Там же, л. 21

²⁹⁶ Там же, оп. 5. Д. 2209, л. 240.

²⁹⁷ Там же, оп. 4, д. 481а, л. 10.

прекращались обычные рейсы (например, в сентябре 1863 г. за отвоз такого пассажира в Архангельск было взято 300 рублей).²⁹⁸

Как видно, цены на билеты, и, соответственно, условия, были рассчитаны на все слои населения. За один рейс перевозилось 400-450 пассажиров. Большая часть богомольцев, конечно, была из крестьян и мещан и довольствовалась каютами 3 и 4 классов, первым классом ехали 8-10 человек, вторым - до ста человек. Нередко обитель шла на уступки беднякам, перевозя их бесплатно. Так, в 1863 г. на пароходах "Вера" и "Надежда" из 4711 богомольцев перевезли "без платы по бедности" 268 человек.²⁹⁹

Иногда скромная обстановка на монастырских пароходах вызывала и нарекания со стороны так называемой "чистой публики", чиновников, купцов, учителей и т.д.. Один из современников так отзывался о пароходе "Соловецкий": "Тяжелое впечатление произвело на меня даже помещение первого класса этого парохода: несмотря на то, что все иллюминаторы в кают-компании были открыты, воздух в ней был пропитан смесью ладана, кислой капусты и ещё чего-то. Надо ли говорить, какая вонь, какая грязь была в помещении для простого люда. И, держа людей в таком хлеву, монашествующая братия вдобавок подвергает своих пассажиров невольному посту: монастырские пароходы не имеют кухонь... Соловецкая братия, получающая от богомольцев огромные деньги и огромную даровую работу, не желает взамен этого дать богомольцам даже самых примитивных удобств."³⁰⁰

Конечно, вышеизложенное мнение довольно субъективно, и хотя его автор, вероятно, имел основания так резко отзываться о монастырских пароходах, но не следует забывать, что Соловки в основном посещал народ простой и бедный, для которого важнее были дешевые билеты на этих пароходах, нежели "запах капусты и еще чего-то" в каютах и трюмах. В целом, подобные критические отзывы о монастырских пароходах, да и о самом монастыре, появлялись на страницах журналов довольно редко, в основном в печати преобладали положительные или даже восторженные отзывы о Соловецкой обители.

²⁹⁸ Там же, ф. 1201, оп. 4, д. 787, л. 76.

²⁹⁹ Там же, оп. 5, ч. II, д. 5553, л. 3-25; д. 5552, л. 1-8.

Посмотрим теперь, насколько экономически выгодным было монастырское пароходство. Для начала сравним ежегодные доходы от перевозки богомольцев и расходы на содержание пароходов с 1863 по 1913 годы³⁰¹:

Таблица № 6. Доходы и расходы по пароходству Соловецкого монастыря.

Год	Приход, руб.	Доходы с пароходства руб.	Доля доходов с пароходства %	Расход, руб.	Расходы на пароходств о руб.	Доля расходов на пароходств о %
1863	103276	10723	11	91968	7809	9
1865	99806	13580	13	99142	16244	16
1867	89180	11673	13	78808	868	1
1870	121262	18200	15	91051	1017	1
1877	126262	13633	11	114585	5405	5
1885	151491	25479	17	154170	13882	9
1890	163428	40294	25	141833	12803	9
1894	176402	34119	19	156396	10419	7
1897	190517	34579	18	173785	17734	10
1898	201497	42770	21	170675	9936	6
1899	213823	35656	17	201907	19019	9
1900	220549	45037	20	217292	28402	13
1904	171763	30221	18	202374	18936	9
1908	196189	48025	24	196983	16154	8
1909	186909	44128	24	203632	15436	8
1911	210711	49340	23	210556	15098	7
1912	237297	57084	24	230231	19496	9
1913	280285	67736	24	206536	17500	9

Как видно, в бюджете монастыря доля доходов от пароходства постепенно увеличивалась, с 10% в 1863 г. до 24% в 1913 году. Особенно значительные суммы стали поступать с пароходства в конце 19 - начале 20 веков, достигнув в 1913 г. почти 70 тысяч рублей. Такое увеличение доходов с пароходства объясняется, прежде всего, увеличением числа богомольцев, посещавших Соловецкий монастырь: около 6 тысяч в 1863 г. и 22 тысяч человек в 1900 г., - и, вероятно, увеличением цен за проезд на пароходах.

³⁰⁰ Фирсов А.И. По рекам Вологде, Сухоне и Северной Двине. // Исторический вестник. Т.110,1907, № 12, с.1012.

³⁰¹ Данные таблицы взяты из следующих источников: РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 787, 795, 856; оп. 5, ч. II, д. 5552, 5553, 5622. Там же, ф. 1183, оп. 1, 1900, д. 165; 1901, д. 126; 1905, д. 108. РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 242; ф. 834, оп. 3, д. 3202.

Надо сказать, что с заведением третьего парохода доля доходов с пароходства в бюджете монастыря возросла до 23-24% (уменьшение этого показателя в 1904 г., вероятно, объясняется тем, что обитель посетило значительно меньше богомольцев, и монастырю пришлось пополнять бюджет за счет доходов, независящих от числа паломников, например, продать некоторые процентные бумаги, излишки материалов и т.п.).

Что касается расходов на содержание пароходов, то они редко превышали 10% всех расходных сумм монастыря. Суммы, выделяемые на содержание пароходов, шли на покупку каменного угля (например, в 1900 г. на п/х "Соловецкий" израсходовали 21 138 пудов угля, а на "Михаиле Архангеле" - 20 424 пуда)³⁰², на ремонт и оснащение, на уплату лоцманских, тонных, футовых и других судовых сборов, за освидетельствование паровых котлов и за нагрузку и разгрузку пароходов. В среднем, ежегодные доходы с пароходства превышали расходы в 2-3 раза, хотя в отдельные годы расходы могли быть как довольно высокими, так и чрезвычайно низкими.

Итак, для определения прибыльности монастырского пароходства остается еще выяснить, в течение какого времени окупались суммы, израсходованные на приобретение и перестройку пароходов. Для определения окупаемости возьмем среднюю прибыль³⁰³ от пароходства в разные периоды времени и посмотрим, сколько лет требовалось на покрытие этой прибылью стоимости пароходов.³⁰⁴

Таблица № 7. Срок окупаемости монастырских пароходов.

Начало эксплуатации п/х	Название п/х	Начальная стоимость, руб.	Средняя прибыль, руб.	Срок окупаемости, гг.
1861	Вера	24479	5000	5
1863	Надежда	70346	8000	8
1881	Соловецкий	94000	12000	7
1887	Михаил Архангел	140000	19000	7
1902	Вера*	62300	22000	3

³⁰² РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1900, д. 165, л. 69.

³⁰³ Величина средней прибыли носит скорее оценочный характер, поскольку для точных расчетов кроме сведения о полученных за провоз паломников суммах, нужны и данные о стоимости провоза для монастыря.

³⁰⁴ При расчетах сроков окупаемости пароходов мы отошли от правил современной бухгалтерии, согласно которой окупаемость рассчитывается исходя из процента амортизации

*В стоимость нового парохода “Вера” вошла только стоимость паровой машины с котлами, корпус был сделан с монастырском доке и во сколько он обошелся обители в источниках не указывается.

Суммы, вырученные за провоз богомольцев в обитель, покрывали затраченный на покупку пароходов капитал в среднем через 7-8 лет, если же учесть, что пароходы предназначались не только для перевозки паломников, но и различных грузов для монастыря, то период окупаемости можно сократить до 6-7 лет. Когда часть работ по строительству или переустройству парохода выполнялась собственными силами, как, например, пароходов “Вера”, то период окупаемости сокращался (по причине уменьшения затрат за счет использования даровой рабочей силы). Данные расчеты, конечно, не претендуют на стопроцентную точность, но в целом позволяют составить представление о степени окупаемости монастырского пароходства.

Таким образом, около 30 лет за период с 1861 по 1913 гг. покрывалась общая стоимость всех монастырских пароходов. Эту цифру можно еще увеличить, т.к. обычно в статье расходов “на содержание пароходов” учитывался лишь их текущий ремонт, если же требовались замена или более крупный ремонт каких-либо механизмов, то относили это к “экстраординарным расходам”. К таким расходам справедливо отнести приобретение в 1901 г. двух котлов “с принадлежностями” для п/х “Соловецкий” стоимостью 16500 руб. и двумя годами позже котлов для п/х “Михаил Архангел” за 9600 рублей.³⁰⁵ С учетом этих расходов прибыль от пароходства (по таблице № 4 - 100-150%) уменьшится на 50-70%. Отдельной статьей проходила и плата вольнонаемным лицам в пароходной команде, что также увеличивает расходы на пароходство. И, наконец, труд даровых богомольцев, выполнявших различные работы по пароходству, не был совершенно бесплатным для обители: они питались, одевались за счет монастыря, жили в монастырских помещениях, - так что затраты обители на содержание трудников было никак не меньше, а скорее всего и больше, 50% стоимости их рабочей силы.

Таким образом, прибыль от монастырского пароходства скорее всего могла составлять от 30 до 40%. Как видно, монастырю действительно было

---

³⁰⁵ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1911, д. 144, л. 21.

выгодно развивать пароходство, поскольку решалась и проблема перевозки богомольцев на Соловки, и появлялся довольно устойчивый и прибыльный источник дохода.

Переходя к рассмотрению монастырских мастерских, остановимся в первую очередь на тех, продукция которых шла в основном на продажу, как богомольцам, так и населению обители. К ним можно отнести просфорную и кресторезную мастерские.

Выпечкой просфор в обители было занято 1-2 монаха или послушника и от 4 до 10 послушников. Продажа просфор, как и свеч, считалась довольно прибыльным делом. По некоторым оценкам, в монастырях каждая просфора продавалась “вдвое более нежели она обходится”, а выгода от выпечки и продажи просфор доходила до 127%.³⁰⁶ Каждый богомолец, посещая святые места, обязательно покупал и подавал на проскомидию хотя бы одну просфору. Большая же часть богомольцев покупала и также подавала на проскомидию по несколько просфор за здоровье своих родных и близких, а затем везла эти просфоры домой. Нередко из святых мест паломники везли по десять и более просфор.³⁰⁷

Соловецкий монастырь обычно закупал муку для просфор (крупчатка 1 сорта) в Архангельске. В 60-е годы покупалось от 1500 до 2000 пудов пшеничной муки в год, в начале 20 века - около 2500 пудов.³⁰⁸ Согласно “Ведомостям о наличии съестных и прочих припасов” за 1862, 1863 и 1864 гг., ежегодный расход муки для просфор составлял 1600-1700 пудов.³⁰⁹ Цена крупчатки в эти годы колебалась в пределах 2-2,35 рублей за пуд (в 1900 г. - 10 рублей за пуд). На покупку 1500 пудов муки в 1863 г. обитель израсходовала 3515 рублей. От продажи просфор в этом году поступило около 5 тысяч рублей, правда, сюда вошла и выручка от продажи пирогов и булок, которые также выпекались в просфорне. Пироги и булки готовили из крупчатки второго сорта, в 60-е гг. 19 века монастырь покупал 700-900 пудов этой муки, в начале 20 в. - 1700-1900 пудов. Цена на муку в 60-е годы по сравнению с концом 90-х годов

³⁰⁶ Ростиславов Д.И. Указ.соч.,с.126.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1901, д. 126; ф. 1201, оп. 4, д. 788.

³⁰⁹ Там же, ф. 1201, оп. 4, д. 788, 790.

сильно не изменились: в 1863 г. один пуд стоил 1 руб. 94 коп., в 1900 г. - 1 руб. 90 коп.³¹⁰

Итак, в 1863 году в обители было израсходовано 1600 пудов крупчатки первого сорта и 740 пудов второго сорта. На приобретение такого количества муки потребовалось приблизительно 5100 рублей. От продажи просфор и булок, выпеченных из этой муки, как уже говорилось, поступила сумма, близкая к пяти тысячам рублей (3538 руб. - по казначейской книге в течение всего года и около 1300 рублей от продажи богомольцам в течение лета). Получается, что выручка от продажи просфор и булок равнялась затратам на покупку муки, т.е. не давала никакой прибыли. Это вызывает определенные сомнения, принимая во внимание утверждения о высокой прибыльности, получаемой от продажи просфор. Поэтому остается предположить, что братия монастыря получала просфоры бесплатно, и также, что часть муки для булок и пирогов шла не только на продажу, но и на братскую трапезу, например, в праздничные дни.

Это предположение подтверждается приходо-расходными книгами за 1900 год. По главной книге значится, что обитель купила 500 мешков, т.е. 2500 пудов, крупчатки первого сорта. Из них 1000 пудов проходило по статье “на содержание церквей” и предназначалось для продажи паломникам, и 1500 пудов - по статье “на содержание столом монашествующей братии, вольнонаемных рабочих, богомольцев-трудников и поклонников”.³¹¹ Покупка крупчатки второго сорта, в размере 1750 пудов, значилась только в статье “на содержание столом”. Вероятно, часть муки, предназначенной для трапезы, шла и на выпечку пирогов, булок и т.п. для продажи. Вырученные с этого суммы учитывались по статье “от продажи разных товаров из расходческой лавки и с других послушаний”, что весьма затрудняет определение доходов с продажи мучных изделий. Зато в приходо-расходных книгах и отчетах отдельно показан доход от продажи просфор, т.е. приблизительно тысячи пудов крупчатки первого сорта., которые шли “на содержание церквей”

С 1897 по 1913 гг. от продажи просфор в обитель поступили следующие суммы:

³¹⁰ Там же, ф. 1183, оп. 1, 1901, д. 126; ф. 1201, оп. 4, д. 788.

³¹¹ Там же, ф. 1183, оп. 1, 1901, д. 126, л. 41, 54.

1897 г. - 4777 руб., 1904 г. - 3980 руб., 1912 г. - 5092 руб.,
1900 г. - 6024 руб., 1908 г. - 4769 руб., 1913 г. - 5882 руб.³¹²

На закупку муки для просфор в эти годы расходовалось от 2000 до 2200 рублей. При средней годовой выручки от продажи в 5087 рублей, прибыль равнялась 135%. Однако из этой прибыли нужно вычесть расходы на перевозку муки в обитель, на хранение, на сам процесс приготовления просфор и т.п.. Определить величину этих расходов вряд ли возможно, но, несомненно, за вычетом оных прибыль будет гораздо меньше указанной Ростиславовым (127%) в “Опыте исследования об имуществах и доходах наших монастырей”.

Традиционно шла на продажу паломникам и продукция кресторезной мастерской. Производством крестов и других изделий в мастерской занимались 10-15 трудников во главе с монахом-старостой.³¹³ Материал обычно покупался у казначея: кипарис в виде кусков, слюда, олово и т.д.. Сделанные кресты староста мастерской продавал казначею, который сдавал их в лавки для продажи богомольцам. По словам П.Ф.Федорова, “все изделия были самой простой работы, производимой ножом, стамеской и напильком; самое производство распадалось на множество мелких самых безыскусных действий, вполне доступных любому 14-17 летнему мальчику под руководством старосты: одни мальчики болванили, другие вырезали углубления для вставления слюды, третьи вставляли слюду, четвертые подчищали напильком, пятые писали молитвы, шестые накладывали лак и т.д.”³¹⁴

Некоторые иноки делали кресты, сердечки, трубки под картины, корзинки под просфоры, ложки и т.п. у себя в кельях, а затем также сдавали изделия казначею за плату. Все доходы от продажи этих изделий богомольцам получал монастырь. Самим же монахам продавать свои “рукоделия не дозволялось”, за чем следили настоятель и старшая братия.³¹⁵ Хозяйственная документация за 1863 год позволяет определить размеры прибыли, которую обитель получала от продажи братских изделий. В казначейской книге записывалось, какие изделия были куплены у иноков, по какой цене и на какую сумму. По этой же книге и

³¹² РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 242, л. 2, 39, 115; РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1905, д. 108, л. 74; 1901, д. 126, л. 172; 1900, д. 165, л. 2.

³¹³ Федоров П.Ф. Указ.соч., с.314.

³¹⁴ Там же, с. 315.

³¹⁵ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 788, л. 20об.

проходили суммы, вырученные от продажи изделий паломникам. И, наконец, по окончании года казначей составлял ведомость, где указывались, как приход, так и расход “братских рукоделий” за год.

Для наглядности расчетов представим данные по приходу и расходу братских изделий за 1863 год с указанием цен, по которым казначей покупал изделия у иноков.³¹⁶

Таблица № 8. Объемы покупки и продаж братских изделий за 1863 год.

Наименование изделий	Цена, руб.	Приход, шт.	Расход, шт.
КРЕСТЫ:			
облитые с резьбой и плотью	1,25	21	16
облитые без плоти	0,85	61	27
средние с резьбой	0,20	85	83
мелкие с резьбой	0,15	1131	223
мелкие с костями	0,10	175	142
большие без резьбы	5,00-5,50 (за сто штук)	5321	1476
средние без резьбы	3,00-3,50 (за сто)	9793	2694
односторонние	2,30 (за сто)	11781	2488
необлитые	1,20-1,40(за сто)	4456	1908
перламутровые	0,50	131	81
круглые с плотью	0,70	10	9
круглые без плоти	0,40-0,45	27	15
круглые малых	0,10	1154	105
СЕРДЕЧКИ:			
облитые с резьбой	5,00(за сто)	439	99
облитые без резьбы	2,50-3,00(за сто)	1122	884
с молитвой	1,80-2,30(за сто)	14818	4645
односторонние	1,50-2,00(за сто)	15116	4396
необлитые	1,00(за сто)	7698	2442
ЛОЖКИ:			
расписанные	6,50-7,00(за сто)	3497	2197
не расписанные	5.00(за сто)	447	129
МОЛИТВЫ:			
написанные по уставу в лист	0,06-0,08	1296	416
“ - “ в пол-листа	0,02-0,04	1547	658
Помянники	0,04	5301	1226
Трубки под картины	0,03	1343	258
Корзинки под просфоры	0,03	2218	523

Покупка братских изделий, проданных богомольцам в 1863 году, обошлась монастырю приблизительно в 1030 рублей. От продажи “рукоделий” в течение года было получено 2127 рублей.³¹⁷ Таким образом, прибыль составила около 100%. Хотя суммы, проходившие по этой статье, были, по сравнению с

³¹⁶ Там же, д. 787, л. 159об.

³¹⁷ Там же, л. 161.

другими видами доходов (например, с парходства), сравнительно небольшими, но и обитель затрачивала на их получение минимальное количество труда.

Остальные монастырские мастерские и хозяйственные заведения делали изделия, которые использовались исключительно в обители: ризошвейная, корзинная, сетная, купорная, санная, колесная и другие мастерские, - производили строительно-ремонтные работы: столярная, слесарная, малярная, плотницкая, - и удовлетворяли разнообразные бытовые потребности: хлебопекарня, квасная, прачечная, портная и т.д. и т.п..

Во главе мастерских и заводов обычно стояли мастера из монахов или послушников, под руководством которых работали трудники - даровые рабочие богомольцы, в большинстве своем поморы (76% из них - в возрасте до 30 лет).³¹⁸ Трудники по своему собственному желанию или по обету родителей "брали на себя подвиг поработать на монастырь год или больше бесплатно на содержание монастыря".³¹⁹ В 60-е годы число богомольцев-трудников равнялось 400-500 чел., а к 20 веку возросло до 800 и более человек: в 1898 г. - 662 чел., 1897 г. - 830 чел., 1898 г. - 800 человек.

Как отмечал П.Ф.Федоров, "основными причинами прихода трудников в обитель были стремление осуществить аскетические идеалы; бедность, экономическая несостоятельность, когда родители посылали сыновей в монастырь только "из-за хлеба"; болезнь, по выздоровлению от которой больной обещался сам поработать на преподобных Зосиму и Савватия или послать кого-то из родных".³²⁰ В популярной литературе о Соловецком монастыре часто встречались истории о несчастьях, преследующих тех, кто не выполнял данного преподобным обета, или же, наоборот, об особом покровительстве Зосимы и Савватия потрудившимся на пользу обители мирянам.

Для поступления в монастырь от богомольцев-трудников требовались только письменный вид и способность к труду.³²¹ Богомольцы несли в

³¹⁸ Федоров П.Ф. Указ.соч., с. 37.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Там же, с. 54.

³²¹ После появления в газете "Архангельск" в 1910 г. статьи о проживании в Соловецком монастыре женщины в качестве монаха в течение восемнадцати лет, в монастырь не стали принимать без предъявления паспорта и предварительного опроса желающих поступить, хотя эта статья оказалась не более, чем "уткой".

монастыре различные послушания, число которых доходило до восьмидесяти. При поступлении трудников опрашивали, какое ремесло им знакомо и направляли в соответствующую мастерскую или давали подходящую работу. В течение года обитель их кормила и одевала, а некоторые богомольцы получали и кружечное награждение вместе с братией. В большинстве своем богомольцы-трудники выполняли черные и подсобные работы, но могли заниматься и более квалифицированным трудом. Например, в 1900 г. трудники исполняли обязанности бухгалтера, письмоводителя в конторе, служили в качестве матросов, делали печные, штукатурные и другие работы.³²²

Личный труд в обители можно было заменить вкладом. В этом случае вкладчик мог не работать, жить в отдельной келье и трапезничать вместе с монашествующими. В 1863 г. величина такого вклада равнялась 75 руб., в 80-х годах - 120 рублей. Полными вкладчиками в основном были купцы и их сыновья, отставные старики-чиновники, богатые мещане и крестьяне числом от трех до шести человек. Можно было внести в обитель и половину вклада, но тогда уже нужно было работать на монастырских послушаниях. Число полувкладчиков достигало 15-20 человек.

По словам П.Ф.Федорова, “большинство трудников, по общему отзыву монахов, в первое время работало добросовестно и прилежно, а затем, по мере дальнейшего пребывания, старательность их все более и более уменьшалась, и все чаще и чаще замечалась склонность работать кое-как, “через пень колоду”. В последние месяцы перед отъездом большинство работало плохо.”³²³ В обители считалось, что с богомольцев нельзя много спрашивать, потому что они трудились не по найму, не за деньги, а по усердию, причем считалось, что трудники работали не на самих монахов, а на преподобных Зосиму и Савватия.

Несмотря на наличие даровых рабочих рук, монастырь вынужден был прибегать к труду наемных рабочих, в большинстве своем поморов. Недостаток рабочих рук чувствовался в обители в основном весной, когда трудники разъезжались по домам (на дорогу им выдавалось от одного до пяти рублей), а на их место приезжали новые, совершенно незнакомые с монастырем, “не

---

³²² РГАДА, ф. 1183, оп.1, 1901, д. 126, л. 46.

³²³ Федоров П.Ф. Указ.соч., с. 44.

свычные, не приспособленные к его работам, тогда как поморы жили здесь с малолетства и всё знали”³²⁴.

Рабочих обычно нанимали с мая по октябрь, когда нужно было проводить сельскохозяйственные работы, ремонтировать и строить монастырские здания. В мае начинали приезжать и паломники, для приема которых также требовались дополнительные рабочие руки. Численность наёмных рабочих летом колебалась от 120 до 240 человек, нанимали как на все лето (с мая по октябрь), так и ежемесячно, или поденно. В обители не поощряли прогульщиков, вычитывая у них из зарплаты за каждый пропущенный день. С октября по май также нанимали рабочих, но гораздо меньше, от 40 до 70 человек.

По монастырским приходо-расходным книгам можно определить размер зарплаты наемных рабочих. В казначейской книге за 1863 год³²⁵ значится, что с октября 1862 г. по май 1863г. и ежемесячно было нанято 69 работников, которым за сезон заплатили в мае 1496 рублей. Минимальная зарплата равнялась 5 руб., максимальная - 80 руб., большинство получило по 20 руб.. Но к этой зарплате нужно еще прибавить аванс, который выдавали в начале работы, поскольку, по словам казначея, “рабочих людей нельзя и нанять без задатка денежного”. С января по апрель “нанятым работникам в счет платы впредь до расчета денег” выдали 1876 рублей. Значит, всего обитель заплатила рабочим 3312 рублей, тогда величина средней зарплаты возрастает до 40 рублей.

Затем с мая по октябрь 1863 года наняли 187 человек. Обитель заплатила им 6093 руб., в том числе аванс - 2024 рубля. Минимальная зарплата составила 86 коп., максимальная - 170 руб., большинство получило 30 или 60 рублей. Как видно, летом заработки были выше, поскольку в это время работы в монастыре прибавлялось, причем более трудоемкой, чем зимой (сенокос, ремонт зданий и т.д.).

Мало изменилась по сравнению с 1863 годом зарплата наемных рабочих и в начале 20 века. Так, в 1900 г. летним рабочим, 115 чел., выдали 5954 рубля. Средняя зарплата составила приблизительно 50 рублей. В оплату труда рабочих входило и питание за счет обители. Исходя из данных по другим губерниям,

---

³²⁴ Там же, с. 168.

³²⁵ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 787, л. 1-145.

можно предположить, что в среднем стоимость продовольствия составляла от стоимости содержания рабочего (зарплата плюс харчи) около 45%.

Таблица № 9. Стоимость содержания годовых сельскохозяйственных рабочих Петербургской, Новгородской, Псковской губерний на хозяйственных харчах в 1881-1891 годах.³²⁶

Губерния	Зарплата		Стоимость продовольствия		Стоимость содержания	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%
Петербургская	72	52,5	65	47,5	137	100
Новгородская	75	60	50	40	125	100
Псковская	58	53,7	50	46	108	100

Если предположить, что в среднем наемные рабочие зарабатывали в Соловецком монастыре с мая по октябрь по 50 рублей, то годовая зарплата могла составить около 100 рублей (учитывая, что зимой платили меньше). Прибавив к зарплате стоимость продовольствия, получим, что стоимость содержания работника равнялась приблизительно 180 рублям в год. Следовательно, в среднем наемные рабочие получали не меньше сельскохозяйственных рабочих северо-западных губерний.

Монастырь нуждался не только в неквалифицированной рабочей силе, но и в услугах специалистов, которых нанимали за определенное жалованье. Из таких “вольнорабочих лиц” обычно были художники, врачи, инженеры, машинисты и штурманы на пароходах, кормщики, позолотчики, резчики, землемеры и т.д.. Однако нанимали этих специалистов только в том случае, если таковых не было среди братии и годовых богомольцев. Поэтому в монастыре старались “не упустить” из своих стен трудников, хорошо знающих какое-либо ремесло или получивших образование. И если такой “полезный” трудник оставался в обители, то его пострижение в монашество зачастую происходило быстрее, чем остальных послушников. Наиболее способных послушников могли обучать за счет обители. Так, например, в 1862 г. трое послушников были

³²⁶ Смольяникова Т.Е. Экономическое положение сельскохозяйственных рабочих накануне и в период первой русской революции. // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейской Севере. Вологда, 1985, с. 33.

посланы для изучения живописи в Свято-Троицкую Сергиеву лавру.³²⁷ Стремление обходиться своими кадрами проявилось и при решении вопроса о преподавателях в Соловецком братском училище. В 1914 г. в ответ на ходатайство монастыря Московская контора Синода разрешила выпускникам братского училища, закончившим обучение с отличием, преподавать в нем богословские и другие предметы.³²⁸

Теперь посмотрим, как использовала обитель имевшиеся в её распоряжении рабочие руки и какой порядок хозяйственных работ существовал в монастыре. В общем виде ход основных работ был следующим: зимой возили, пилили, кололи дрова, возили бревна для построек, пни для смолы, сено для скота, все мастерские и заводы (кроме лесопильного и кирпичного) работали при полном количестве народа. На дрова шли только высохшие деревья и валежник; деревья начинали рубить осенью, по окончанию летних работ, а валежник собирали осенью и весной. Заготовка и вывоз дров требовали значительного количества труда. Рубили деревья и собирали валежник в разных местах островов не менее 20 наемных рабочих и 60 трудников.³²⁹ Срубленные деревья и валежник распиливали в лесу на кряжи, которые всю зиму свозили к жилым и хозяйственным зданиям.

С апреля готовили пароходы к плаванию, поправляли дороги после таяния снега, вскапывали огороды, чистили сенокосные луга, пилили бревна на лесопильном заводе, собирали валежник. С началом навигации часть рабочих рук уходила на удовлетворение нужд трехдневных богомольцев. В июле начинался покос, продолжавшийся до конца августа, куда направлялись почти все свободные рабочие руки; работать в мастерских оставались либо одни монашествующие, либо монашествующие с несколькими наиболее опытными и знающими трудниками. По окончании сенокоса собирали урожай с огородов, после чего мастерские опять пополнялись даровыми богомольцами и начинали работать в полную силу. Кроме работ по хозяйству и в мастерских, почти каждое лето в обители производились и работы по починке и постройке различных

³²⁷ РГАДА, ф. 1201, оп. 5, ч. II, д. 5551, л. 140.

³²⁸ Там же, ф. 1183, 1915, д. 131, л. 2-6.

³²⁹ Федоров П.Ф. Указ.соч., с. 320.

зданий. С установлением санного пути снова начиналась возка сена, дров, пней и другие “зимние” работы.

Продолжительность рабочего дня у монашествующих и трудников равнялась 9-10 часам, у наемных рабочих - 11 часам. В действительности же, по словам П.Ф.Федорова, “работали то больше, то меньше, смотря по обстоятельствам и времени года - на сенокосе больше, зимой меньше. Да и счет рабочим часам был не так строг и точен, как на фабриках: трудникам позволялось уходить из мастерских пить чай, а летом, когда приходили пароходы, масса трудников сбегалась поглазеть на приезжавших богомольцев”³³⁰.

В середине 80-х годов из числа братии на разных ремесленных, хозяйственных и торговых послушаниях в монастыре работали 100-110 человек, в основном, послушники и монахи, реже - иеродьяконы. Вне монастыря в скитах и подворьях при церковных и “управляющих” обязанностях находилось 45-50 человек, и, наконец, около 70 человек “исправляли чреду Богослужения” в монастырских соборах и церквях.

Таким образом, в конце 19 в. на всех хозяйственных службах и заведениях Соловецкого монастыря работало не менее тысячи человек. В основном, этот труд шел на жизнеобеспечение обители. Большого количества рабочих рук требовала заготовка сена и дров на зиму, различные ремонтные и строительные работы. Островное положение обители и изолированность в течение 7-8 месяцев от материка вынуждало ее заводить многочисленные хозяйственные заведения. И если монастыри, расположенные на материке, могли воспользоваться услугами окрестного мирского населения, чтобы решить те или иные бытовые проблемы, то Соловецкий монастырь такой возможности не имел. Потому обители необходимо было иметь и кузницу, чтобы подковать лошадей, и различные ремонтные службы для починки инструментов (лопат, молотков, вил, топоров, кос, телег и т.п.), обуви, одежды, и разнообразные хозяйственные заведения.

Для большинства мастерских и некоторых заводов материалы привозились с материка, собственные ресурсы использовали только

---

³³⁰ Там же, с. 329.

салотопенный, кирпичный, кожевенный, и гончарный заводы. Хозяйственные заведения, услуги и продукция которых шли на удовлетворение нужд паломников или на продажу, приносили обители 20-30% прибыли, а если они были связаны с отправлением культа, то прибыль подчас достигала и 100%. Такой высокий процент прибыли монастырь получал благодаря использованию труда даровых богомольцев, число которых доходило в конце 19 в. до 800 человек. И хотя на содержание даровых богомольцев (питание, одежда, жилище) обители приходилось тратить немалые суммы, труд их обходился на 40-50% дешевле труда наемных рабочих. Располагая дешевой рабочей силой монастырю зачастую было выгоднее купить не готовый продукт, а только материалы, из которых затем силами братии и трудников производились необходимые изделия. Следовательно, обитель покупала готовое изделие, когда это было экономически выгодно (либо не было условий для его изготовления на Соловках, либо не хватало квалификации и не достигалось нужного качества), когда же можно было сэкономить на изготовлении какого-либо изделия в стенах монастыря, используя дешевую рабочую силу, то приобретался не готовый продукт, а только необходимые для его производства материалы.

В целом, можно сказать, что в монастыре существовали хозяйственные заведения, которые или были довольно прибыльны³³¹, или по техническим соображениям являлись незаменимым элементом хозяйства, а поскольку число последних было довольно значительно, то нередко создавалось впечатление “натуральности” монастырского хозяйства.

---

³³¹ Если доходы с этих заведений не относились к разряду церковных, то на устройство таких заведений требовалось разрешение вышестоящего начальства, Синодальной Конторы или Синода.

БЮДЖЕТ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ.

1. ВЕДЕНИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА.

Основные правила ведения монастырской бухгалтерии были изложены в общем “Счетном уставе” и “Счетном уставе мест и властей, подведомственных Святейшему Синоду”.³³² Согласно этим уставам в ведении Синода обращались суммы двух родов: по одним отчеты восходили на ревизию Государственного контроля, по другим ревизия оканчивалась в Синоде. К первому относились суммы, ассигнованные по штатам из Государственного казначейства на содержание Синода, Московской синодальной конторы, архиерейских домов, викарных епископов, кафедральных соборов, лавр, ставропигиальных монастырей и монастырей епархиального ведомства. К суммам второго рода, в частности, в монастырях, причислялись следующие доходы, (так называемые неокладные):

- 1) от продажи церковных свеч, венчиков и листов разрешительной молитвы³³³,
- 2) с недвижимых имений, экономических заведений и денежных капиталов,
- 3) от добротных дателей в пользу церквей и монастырей.³³⁴

Таким образом, Соловецкий монастырь должен был предоставлять отчет по расходу штатной суммы и по неокладным доходам.

На годовое содержание Соловецкого монастыря с Анзерским скитом выделялась штатная сумма в размере 1360 руб. 15 коп. Сумма отпускалась из Архангельского уездного казначейства. Определением Синода с 1839 года разрешалось ее получать “наряжаемым от монастыря для закупки годичных потребностей духовным лицам” - закупным монахам - по доверенности настоятеля и старшей братии.³³⁵ С 1834 по 1852 год о штатных суммах велась особая приходо-расходная книга, отчетность по которой ежегодно отсылалась

³³² Свод законов Российской империи. Т.8. Ч.2. СПб., 1857, кн. 1, 10.

³³³ Разрешительной молитвой отпускаются бывшие на умершем запрещения и грехи, в которых он покаялся или которые не мог вспомнить при покаянии, и умерший с миром отпускается в загробную жизнь. Текст этой молитвы полагается в правую руку умершего родными или близкими. На голову кладут венчик.

³³⁴ Свод законов Российской империи. Т.8 Ч.2, кн. 10 с.1-4.

³³⁵ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 786, л. 2 об.

на ревизию в Архангельскую казенную палату. С 1852 по 1856 гг. ведение этой книги было приостановлено ввиду отмены ревизования Казенными палатами. По указу Синода с 1856 году книга с отчетами о штатных суммах стала вновь отсылаться на ревизию, но уже в Московскую Синодальную контору.³³⁶

Несмотря на некоторые изменения, ведение отчетности по штатной сумме в Соловецком монастыре не вызывало затруднений. Настоящая путаница возникла в начале 60-х годов с неокладными доходами. До 1862 года никакой отчетности в неокладных суммах вышестоящему начальству, т.е. Синодальной конторе, на ревизию не представлялось.

Порядок денежной отчетности неокладных сумм по Соловецкому монастырю велся на основании инструкции, присланной при указе Синода от 15 сентября 1793 г. и подтвержденный указом в 1828 г. В инструкции говорилось следующее: “А что следует до получаемых от богомольцев и собираемых в кружки, также и других неокладных доходов, то оным порознь по каждой кружке иметь особые расходные и приходные книги, которые поруча казначею наблюдать, чтобы все приходы и расходы записываемы были без упущения”.³³⁷

Об этих суммах в монастыре велись приходо-расходные книги, которые поверялись монастырским начальством “ по установленному домашнему порядку”.

Первоначальное востребование о неокладных доходах последовало из Синодальной конторы в 1857 году, после донесений настоятеля арх.Порфирия, где объяснялось о книге и отчетах о штатных суммах, которые с 1853 по 1856 гг. не велись за отменой ревизии их в Архангельской казенной палате. В донесениях также указывалось, что “приходо-расходные книги ежегодно ведутся в Соловецком монастыре о всех вообще монастырских суммах, в числе которых заключается и штатные 1360 руб. 15 коп., и по окончании года поверяются соборной братией, хранятся в монастыре и никуда не были отсылаемы за нетребованием этой отчетности”.³³⁸

На требование Синодальной конторы объяснить, почему не представлялись на ревизию книги и отчеты в неокладных суммах, архимандрит

---

³³⁶ Там же, л. 1 об.

³³⁷ Там же, д. 789, л. 68.

³³⁸ Там же, д. 786, л. 76.

Порфирий донес весной 1861 года, что “неокладных сумм (по оброчным недвижимым имениям или наделам от казны) в Соловецком монастыре никаких не имеется, а потому и особой книги ведено не было. Имеется же особая сумма, собираемая частью с богомольцев за служение молебнов и другого, и частью от промысла рыбною ловлею, а иногда и зверями морскими. Вся эта сумма принадлежит братству и состоит в заведывании настоятеля с братиею”³³⁹.

Как видно, доходы, которые согласно “Счетному уставу” относились к неокладным (хотя прямо в уставе так не назывались), в Соловецком монастыре неокладными не считали и полагали, что поверять их должны настоятель с соборной братией. А так как до 1861 года особых указов о доставлении на ревизию Синодальной конторе отчетов в этих суммах не было, то в монастыре и не считали нужным такие отчеты предоставлять.

Осенью 1861 года последовал циркулярный указ Синода, который предписывал настоятелю с соборной братией “непрерменно вести на будущее время правильную отчетность в неокладных доходах, и по примеру других ставропигиальных монастырей иметь ежегодно от Московской синодальной конторы шнурующую, за скрепою и печатью книгу, в которую записывать все неокладные доходы (кроме поступающих в братскую кружку за служение молебнов и тому подобных), и книгу сию с надлежащим отчетом представлять на ревизию в Синодальную контору.”³⁴⁰ Этим же указом от настоятеля потребовали более обстоятельное объяснение, почему не исполнялась по постановлению (ст.133 Устава Духовных Консисторий) относительно отчетности в неокладных доходах.

В фонде Соловецкого монастыря в РГАДА сохранились черновики и варианты ответов настоятеля с соборной братией на указ Синода. Из них видно, что при составлении объяснения монастырское начальство старалось, насколько было возможно, преуменьшить сумму неокладных доходов обители, а о некоторых и совсем не докладывать Синодальной конторе.

В соответствии со “Счетным уставом мест и властей, подведомственных Святейшему Синоду” к неокладным в Соловецком монастыре относились следующие доходы: 1) от продажи церковных свеч, 2) поступающие от

---

³³⁹ Там же, л. 76 об.

доброхотных дателей в пользу монастыря, 3) постоянные с подворья в Архангельске, за провоз богомольцев на пароходах и парусных судах, и проценты по государственным 4% билетам.

Относительно первых двух видов доходов настоятель с братией донесли Синодальной конторе, что в монастыре эти доходы не разделяли, а присоединяли к общей сборной монастырской сумме. Эта сумма поступала в летнее время с богомольцев за служение для них молебнов, литургий, панихид, за водосвятие, поминовение, а также от продажи свеч, доброхотных подаяний и за перевоз богомольцев через море. Расходовалась она на закупки продовольствия и материалов для обители. В донесении монастырское начальство указывало, что закупным монахам выдавалось из этой суммы от 20 до 30 тысяч рублей.³⁴¹ Хотя, например, в 1861 году закупщики только из монастыря получили 40 тысяч руб., а весь приход по закупной книге за этот год оставил 54386 руб.³⁴²

Поскольку разделения сборной монастырской суммы на братскую и неокладную не было, то, как опасались настоятель с братией, ведение отчетности по неокладной сумме могло вызвать множество затруднений, в том числе и при ревизии. А это грозило поставить монастырь “в положение ответственности, из которого он никогда не может выйти без снисходительного к нему внимания Синода”.³⁴³

В монастырских документах с пометкою “для своего сведения” прямо говорилось, что если доход от продажи свеч и от подаяний “выкажутся правительству, то для монастырского начальства последует неминуемое стеснение в ведении правильной отчетности, за всякую малость противу замечаний потребуют объяснения; это доказывает ревизия о штатных суммах - монастырь с 1834 года и поныне не вышел из замечаний”.³⁴⁴

И годом позже, в 1863 году, монастырское начальство считало, что часть “кружечной” суммы должна оставаться “безгласной”. Если же вся сумма войдет в отчетность, то в случае надобности в деньгах на значительные расходы нужно

---

³⁴⁰ Там же, л. 65.

³⁴¹ Там же, л. 4 об.

³⁴² Там же, л. 32.

³⁴³ Там же, л. 66.

³⁴⁴ Там же, л. 37.

будет испрашивать разрешения у Синодальной конторы, а "оное получится не ранее как через полгода".³⁴⁵ Вероятно, в монастыре опасались, что Синодальная контора будет требовать объяснений по каждой статье прихода и расхода, вмешиваться в хозяйственные дела, делать ненужные предписания - и все это может отразиться и на хозяйстве. В обители же, как доносили Синоду настоятель с соборной братией, и "при существовавшем порядке отчетности благосостояние тем не менее постоянно улучшалось".

Что касается другого рода доходов - постоянных по подворью в Архангельске, то сведения о них тоже были "подкорректированы". В первом варианте донесения вместе с описанием сдаваемых помещений, говорилось, что "ранее по этому подворью сбор денег был самый малый - но до 1859 года бывшие ветхости при оном исправлены и произведены новые пристройки; посему и доходов получается ныне по более".³⁴⁶ В окончательном же варианте прежде всего подчеркивалось то, что подворье "служит пристанищем для безмездного упокоения многочисленных богомольцев в весенне-осеннее время", число которых доходит до 12 тысяч и более, а уж потом некоторые помещения при подворье сдаются внаем на зиму.

Зато с доходами в виде процентов с капитала произошло обратное. Первоначально, ссылаясь на указ Синода от 6 ноября 1859 года об обмене государственных билетов, монастырское начальство писало, что "по прежним билетам проценты не были браны, а новые государственные билеты еще не успели все получиться, равно и полного годового процента не производилось. А потому ранее особого по этой части дохода в виду не имелось".³⁴⁷

Может быть, до 1862 г. "полного годового процента" действительно не производилось, но, как видно из прихода-расходной ведомости за 1861 год³⁴⁸, "частичный" процент монастырь получил. Так, по конторской книге, проценты вместе со штатной суммой равнялись 4402 руб.. Кроме того, в закупную книгу из уездного казначейства поступило 4136 руб.. Хотя в ведомости прямо не говорится, но вероятнее всего, что эта сумма тоже представляла собой проценты

---

³⁴⁵ Там же, л. 71.

³⁴⁶ Там же, л. 57.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Там же, л. 32.

с капитала. Таким образом, в 1861 году обитель получила минимум 3041 руб., а максимум 7177 руб. в виде процентов с капитала.

В окончательном же варианте донесения отмечалось, что капиталы обители “дают в настоящее время ежегодно процента до 9200 рублей”(в 1862 году в виде процентов получили 9009 руб.³⁴⁹). Может возникнуть вопрос, почему при общем стремлении занизить доходы в данном случае они даже несколько завышаются. Объясняется это прежде всего стремлением монастырского начальства подчеркнуть “разумное хозяйствование и усердие братии”. Благодаря “строгому хозяйственному сбережению монастырской суммы” обитель смогла увеличить свой капитал и получать с него значительные проценты. В данном случае это был аргумент в пользу того, что хозяйство монастыря, несмотря на отсутствие правильной отчетности, ведется разумно, капитал увеличивается и состояние обители не вызывает никаких опасений. А если вышестоящему начальству и не предоставлялась какая-либо отчетность, то происходило это лишь по незнанию, а никак не по намерению скрывать те или иные доходы монастыря.

Благодаря “хозяйственному сбережению” обитель смогла завести в 1861 году железный пароход “Вера” и построить в монастырском доке деревянный корпус парохода “Надежда”, который в августе 1862 года сделал первый рейс. Пароходы предназначались как для перевозки богомольцев из Архангельска в монастырь и обратно, так и для доставки продуктов и материалов, закупаемых в летнее время. Как отмечали настоятель с соборной братией, сбор доходных денег за провоз богомольцев только начинается, “но и расходов на содержание парохода довольно требуется”.³⁵⁰ К тому же, за перевоз устанавливалась умеренная плата, а несостоятельные и бедные перевозились даром.

Кроме вышеуказанных доходов, к неокладным в Соловецком монастыре относились и суммы, получаемые от продажи звериного сала и сельдей. Эти доходы зачастую зависели от улова, но в благоприятные годы могли составить до 5000 рублей.

О таких доходах настоятель со старшей братией решили вообще не упоминать. В донесении лишь говорилось, что “хотя в летнее время послушники

---

³⁴⁹ Там же, л. 61.

под надзором монахов и занимаются морскими промыслами близ Соловецких островов, но этот промысел не всегда бывает удачен. В случае же удачной ловли, сало морских зверей исключительно употребляется в монастыре на хозяйственные нужды. Улов рыбы в море и в озерах так бывает скуден, что ежегодно прикупается трески до 4200 пудов и более на Мурманских промыслах.”³⁵¹

В первом варианте донесения еще упоминалось о покупке монастырем звериного сала у поморских жителей, которые “вели звериный промысел по бедности монастырскими неводами и снастями из половинного количества приобретенного лову.” В окончательном варианте это упоминание о поморских жителях отсутствовало.

Вообще, в донесении монастырское начальство неоднократно указывало на особенное положение обители среди других монастырей, на ее недоступность в течение 7-8 месяцев. И чтобы не испортить картину “недоступности”(т.к. зимнее почтовое сообщение с материком было установлено еще в 1856 г.³⁵²; притом по казначейской книге 1863 года в январе, марте, апреле, октябре, ноябре и декабре есть статья расходов “ крестьянам за провоз монастырской почты через море”³⁵³), в обители по указанию настоятеля несколько изменили дату получения указа Синода. Вместо 16 февраля написали, что указ Синода получили “ в апреле месяце при случившейся чрез море оказии”.³⁵⁴

Итак, отправив в мае донесение в Синод, настоятель со старшей братией стали приводить прежнюю монастырскую бухгалтерию в соответствие с новыми требованиями.

Смотрителю подворья в Архангельске выдали из монастыря шнуровую книгу, чтобы он и закупные монахи записывали приход и расход неокладных сумм: постоянных по подворью, процентов с капитала и провозных с богомольцев на пароходе “Вера”. По возвращению в сентябре закупщиков в монастырь, в эту книгу должны были еще записать доходы от добротных подаяний богомольцев и от продажи свеч.

---

³⁵⁰ Там же, л. 57 об.

³⁵¹ Там же, л. 4.

³⁵² Федоров Ф.П. Указ.соч., с. 17.

³⁵³ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 787, лл. 3, 17, 36, 95, 111, 141 об.

³⁵⁴ Там же, ф. 1183, оп.1, 1862, д. 230, л. 2.

Наряду с книгой о неокладных суммах остались и прежние приходо-расходные книги. Всего их было пять: конторская, казначейская, пароходная, закупная и тетрадь о постоях.

В конторскую книгу записывались все церковные доходы и все суммы, получаемые закупными монахами в Архангельске - за проданное сало и сельди, проценты по билетам, кормовые на содержание арестантов и штатная сумма. В конце года в конторскую книгу в приход вносились остаточные суммы из казначейской, пароходной и тетради о постоях, а затем в начале года - в расход, а по этим книгам - в приход.

В ведомости казначея была домохозяйственная книга, или казначейская, в которую вписывались суммы, получаемые ежемесячно с разных послушаний, за исправление братией различных требований богомольцев, за продажу братских изделий, вкладные, за свечи, просфоры, булки и т.п.. В этой книге велась запись, по какой цене и сколько монастырь покупал ворванного сала и других продуктов или изделий у поморских жителей. Приходящие суммы казначей употреблял на разные хозяйственные нужды и представлял в том отчет настоятелю.

В тетради о постоях, или домовой книге, смотритель подворья записывал доходы с отдаваемых в наем помещений при Соловецком подворье в Архангельске, а также различные расходы по подворью.

Пароходная книга также велась смотрителем подворья, и в нее вносились суммы, получаемые с богомольцев за провоз на пароходах и монастырских судах.

И, наконец, закупная книга выдавалась закупным монахам на время заготовки ими "годовой пропорции продуктов и материалов" для монастыря. С этой целью из монастырской суммы им выделялись деньги, которые записывались в расход по конторской книге и в приход по закупной. На приход в закупную книгу заносились и деньги, которые закупные монахи получали в Архангельске: штатная сумма, проценты по билетам, за проданные сало и сельди, на содержание арестантов. Эти суммы по возвращении закупных записывались на приход и расход по конторской книге. Таким образом, весь приход и расход закупной книги входили в конторскую.

Приходо-расходные книги и отчетность по ним ежемесячно проверялись настоятелем и братией “по установленному домашнему порядку”.

Таким образом, в книгу о неокладных суммах, ли как ее стали называть “главную”, должны были войти суммы, которые записывались в парходной, домовой и конторской книгах. Это могло вызвать некоторую путаницу в монастырской бухгалтерии. Дабы избежать этого, монастырское начальство дало закупным монахам и смотрителю подворья подробные наставления, каким образом вести отчетность.

По прибытию закупщиков в Архангельск, в книгу о неокладных суммах следовало записать на приход постоянные деньги с сентября 1861 года по 1 мая 1862 года (за сентябрьскую и январскую трети), а за майскую треть записать в августе. Расходы предписывалось производить не свыше прихода, причем не включая деньги за провоз покупок для монастыря из Москвы, С.-Петербурга и других городов, которые должны были значиться только по домовой книге. Расход сумм в виде процентов с капитала следовало показывать наряду с книгой о неокладных суммах и по закупной книге, но без расписок, только для общего сведения. Смотритель подворья и закупщики должны были подписываться под каждой приходной статьей и ежемесячно освидетельствовать приход и расход сумм. По окончании покупок в Архангельске шнуровую книгу следовало вернуть в монастырь, где в нее должны были внести суммы от продажи свеч и добротные вклады.

Книга о неокладных суммах была закончена в сентябре, после возвращения закупщиков в монастырь.³⁵⁵ В 1862 приход по ней составил 31116 рублей. Расход равнялся приходу. В приходе по шнуровой книге были следующие суммы: постоянные по подворью - 3250 руб., проценты с капитала - 9009 руб., провозные с богомольцев - 11810руб., добротные вклады - 2545руб., от продажи свеч - 4500 руб.. Наличных неокладных сумм к 1863 году не осталось, а на капитал в 232223 руб. в ризнице хранились 45 билетов.

За 1862 год из приходо-расходных книг сохранилась только конторская книга. Гораздо полнее представлены приходо-расходные книги за 1863 год. В фонде Соловецкого монастыря в РГАДА имеются книга о неокладных суммах,

³⁵⁵ Там же, ф. 1201, оп. 4, д. 786, л. 61.

книга о штатных суммах, казначейская книга, а также хозяйственная документация, среди которой переписка закупных монахов с монастырем, накладные и т.п.. На основании этих документов можно проследить, как в действительности велась монастырская бухгалтерия, как происходил переход к новой форме отчетности и какие проблемы при этом возникали.

На 1863 год для ведения отчетности по неокладным суммам из Московской конторы Синода была получена “шнуроприпечатанная белая” книга, которую по окончании года следовало отослать в Москву на ревизию. До мая 1863 года эта книга находилась в монастыре. За январь, февраль, март и апрель в ней было записано, что неокладных сумм в эти месяцы на приходе не было “по состоянию Соловецкого монастыря на морском положении и за прекращением в оный приезд поклонников с октября истекшего 1862 года и до будущего мая”(Приложение 2).

Однако это не означало, что наличных сумм в обители 7-8 месяцев не было. В ризнице хранились 23566 руб., которые значились по конторской книге, и считались братскими, а не неокладными доходами.³⁵⁶ Как правило, к братским причисляли суммы за служение для богомольцев молебнов и литургий, за синодичные поминовения, водосвятия и панихиды, а также суммы от продажи братских изделий (крестов, образцов, помянников и т.п.). До 1861 года в Соловецком монастыре к братским, кроме вышеуказанных, относились также все суммы, проходящие по казначейской и домово́й книгах, провозные с богомольцев и за продаваемые сельди и сало. Таким образом, братские доходы обычно превышали церковные в 2,5 - 4 раза. Но, как видно, часть этих братских доходов в действительности относилась к неокладным, и еще в 1861 г. должна была, но не вошла, в отчетность об оных.

По казначейской книге к 1863 г. осталось 5783 рубля, и за первые четыре месяца этого года приход по ней составил 4728 руб., а расход - 2251 рубль.³⁵⁷ Причем, по этой книге учитывались суммы, непосредственно относящиеся к неокладным, например, за свечи и звериное сало, которое монастырь покупал у поморов.

---

³⁵⁶ Там же, л. 63.

³⁵⁷ Там же, д. 787, л. 1об-24.

В конце июня 1863 года в на Соловки пришел указ из Святейшего Синода, согласно которому “Синод признал возможным разрешить монастырскому начальству, по вниманию к общежительному уставу Соловецкой обители, в выдаваемую из Синодальной конторы для неокладной суммы шнуровую книгу, наравне с неокладными доходами записывать на приход и расход и братскую сумму”.³⁵⁸ Это значило, что отчетность должна вестись о всех, без исключения, монастырских доходах. Вместо пяти приходо-расходных книг следовало вести главную приходо-расходную книгу, которая бы и включала весь бюджет монастыря.

К этому времени, т.е. в июне, книга о неокладных доходах находилась в Архангельске у смотрителя подворья и у закупных, которые также вели закупную книгу и штатных суммах. Покупки, которые делали закупные по неокладной книге (всего на 20 164 руб.), фиксировались и в закупной, но без расписок, только для общего расчета. Как следует из записей закупных монахов, перед отъездом в Архангельск в начале мая они получили из монастырской ризницы на первоначальные расходы 12 тысяч рублей. Затем 5 июня из Архангельского уездного казначейства им были выданы проценты с капитала в размере 9261 руб. и штатная сумма - 3445 рублей.³⁵⁹ Таким образом, к середине июня приход у закупщиков был равен 24704 рублям.

За май неокладные доходы составили 7912 рублей: в виде постоянных - 1769 руб. и провозные за май - 6142 руб.. Эти деньги находились у смотрителя и значились еще по домово́й и пароходной книгах. Из этой суммы было израсходовано 3354 руб., и к 1 июня оставалось 4558 рублей.

При анализе статей расходов по главной книге видно, что смотрителем было произведено расходов на 1218 рублей: на содержание братии при подворье и на закупку в Ярославле материалов для починки монастырских зданий и судов. Остальные 2134 руб. пошли на покупку закупщиками холста и различных круп. Но, как было показано выше, закупщики располагали в мае только братской суммой в 12 тысяч рублей и, следовательно, тратили не неокладные доходы, а братские, но записали их как неокладные, якобы полученные за провоз богомольцев на пароходах. Такая же ситуация была и в июне. Из

---

³⁵⁸ Там же, д. 786, л. 68.

неокладных сумм закупные монахи получили проценты с капитала 9301 руб., а израсходовали 11153 руб., следовательно, часть денег была взята из братской или из штатной сумм.

Как видно, в обители реального разделения неокладных и братских доходов не произошло. При составлении отчетности подсчитывались приходящие суммы, относящиеся к неокладным, и уже под них “подгонялся” и расход. Причем, каким должен быть приход по некоторым статьям, определили на заседании Конторы Соловецкого монастыря еще в конце апреля. Так, доходы от продажи свеч и добротные вклады не должны были превысить 7 тысяч рублей, а к 1864 году следовало оставить неизрасходованными до 5 тысяч рублей.³⁶⁰

После получения указа Синода о единой отчетности по братским и неокладным доходам, в главную книгу пришлось срочно включать и братские суммы. Книга о неокладных доходах была отослана из Архангельска в монастырь, а вместо нее прислана дополнительная книга, в которой следовало продолжать запись провозных и постоянных по подворью. С июля в главную книгу, кроме приносных вкладов и свечных, стали вносить доходы от продажи просфор и деревянного масла из лампад, братских изделий, кошелевый сбор, поступления за служение литургий, молебнов и за поминовения (все эти суммы назывались кружечными).

Хотя в главной книге эти доходы стали записываться ежемесячно, в монастыре на самом деле существовал другой порядок их подсчета. Общая высыпка из кружек производилась два раза - в июле и в начале октября. Назначенные “к продаже и сбору” иноки должны были хранить выручаемые в кружки деньги “за ключом и печатью без счета” до общей высыпки в июле, когда собиралась большая часть кружечных сумм, а накопившиеся после этого сборы подсчитывались осенью после выезда богомольцев.³⁶¹

При высыпке из кружек в июле наличных денег оказалось 34 126 рублей, на 9553 руб. меньше, чем в 1862 году.³⁶² Причиной такого уменьшения было то, что монастырь в 1863 г. посетило меньше богомольцев. Как отмечало

---

³⁵⁹ Там же, д. 788, л. 41.

³⁶⁰ Там же, д. 786, л. 64.

³⁶¹ Там же, д. 788, л. 19об.

монастырское начальство, “такое весьма нередко встречается независимо от обители”.³⁶³ Еще в мае 1863 г. закупные монахи доносили из Архангельска, что “богомольцев очень мало, а по слухам от вятских купцов нельзя ожидать много, потому что неурожаи были местами по Вятской губернии”.³⁶⁴ На монастырских пароходах с мая по сентябрь было перевезено около 5 тысяч паломников. Если даже увеличить эту цифру до 6-7 тысяч за счет тех богомольцев, которые попали в обитель другим путем, тем не менее по сравнению с упомянутыми настоятелем арх.Порфирием 12 тысячами паломников в 1861 г., это почти в два раза меньше.

В ризнице к июлю из 23 566 руб. братских сумм оставалось 9566 руб. (14 тысяч было передано закупным: 12 тысяч рублей - в мае, и 2 тысячи - в конце июня³⁶⁵). Поскольку о братских доходах надо было вести отчетность, то эти 9566 руб., наряду с неокладными доходами, следовало занести в главную книгу. Однако монастырское начальство посчитало, что “о сумме в 9566 руб. нельзя в отчетности за 1863 год упоминать, т.к. она считается запасною безгласною, и ее должны сберечь по здешнему удаленному местопребыванию; притом в главной книге оговаривалось, что наличных сумм к 1863 г. не осталось”.³⁶⁶

Высыпанные из кружек суммы по правилам отчетности следовало присоединить к братским 9566 рублям и записать на приход в главную книгу. Но настоятель с соборной братией определили отделить от кружечной суммы лишь около 18500 рублей, которые стали ежемесячно записываться в главной книге соответствующими статьями, а остальные 15626 руб. приписать к 9566 руб. по конторской книге и хранить в запасе. Из этих запасных сумм планировалось выдать закупщикам на недокупленные припасы до 5 тысяч рублей, выслать в Ярославль за купленный воск и железо для обители около 7 тысяч, и оставить для раздачи в декабре жалованья и кружечного награждения более 10 тысяч рублей.³⁶⁷ От “предусмотрительности таких расходов” и уделили на оные от высыпки более 15000 руб., которые могли расходоваться по усмотрению настоятеля и братии в любое время.

---

³⁶² Там же, д. 786, л. 70об.

³⁶³ Там же, д. 789, л. 71.

³⁶⁴ Там же, д. 788, л. 47.

³⁶⁵ Там же, л. 71об.

³⁶⁶ Там же, д. 786, л. 71.

Таким образом, в главной книге был показан далеко не весь приход и расход обителя, особенно что касается братских сумм. По главной книге (вместе с дополнительной, которую закупщики возвратили в монастырь в сентябре - Приложение 3.) годовой приход составил 42 598 рублей наличными и билетами на 250 рублей. Больше всего прихода по книге поступило от провоза богомольцев на пароходах "Вера" и "Надежда" - 22%, проценты с капитала составили 21%, постоянные по подворью в Архангельске - 8%, за исправление молебнов, панихид и поминовения - 20%, от продажи свеч, просфор, крестов и образов и добротные вклады - 23%.

Годовой расход был показан на сумму 29 327 рублей, к 1864 году оставалось 13 271 руб. наличными и по 46 билетам капитал на 232 473 руб.. Расход распределился следующим образом: на церковные потребности (на муку для просфор, починку зданий и судов и т.п.) - 14%, на содержание братии и богомольцев (продукты, холст, кожи, свечи) - 64%, на пароходы и суда (каменный уголь, масло, зарплата машинисту, шкиперу и матросам) - 13%, на нужды подворья в Архангельске - 6% и пожертвования - 1,5% .

Так был составлен монастырский бюджет по главной книге, посмотрим теперь, каков был денежный оборот по другим приходо-расходным книгам.

По сохранившейся казначейской книге³⁶⁸ приход составил 35 126 рублей, расход - 28 593 руб. Приходящие суммы были следующими:

- осталось от 1862 г. - 5783 руб.,
- за молебны и поминовения - 3218 руб.,
- за содержание богомольцев, вкладные суммы - 4177 руб.,
- от продажи материалов из казначейской палаты - 246 руб.,
- за свечи - 2200 руб.,
- из Анзерского и Голгофского скитов - 2026 руб.,
- из просфорни - 3538 руб.,
- от расходчика - 3758 руб.,
- от рухольного - 2535 руб.,
- от келаря - 723 руб.,

---

³⁶⁷ Там же, л. 71 об.

³⁶⁸ Там же, д. 787, л. 161.

- за сельди и рыбу - 1971 руб.,
- от амбарного - 2173 руб.,
- от продажи братских изделий - 2342 руб.,
- с конюшни - 377 руб.,
- от такелажного за пеньку - 158 руб.,
- из монастырского подворья в Сумах по домово́й книге - 120 руб.,
- от огородника за семена и овощи - 9 рублей.

Вышеуказанные доходы, за исключением некоторых, поступали в течение всего года, летом за счет наплыва богомольцев приходящие суммы увеличивались. Например, с мая по сентябрь было получено почти 80% годового прихода сумм, получаемых от продажи свеч, около 70% - “от рухального” и 50% - из просфорни.

Чтобы не возникало вопросов, какого рода были приходящие суммы у рухольного, амбарного, расходчика, келаря и других, опишем вкратце назначение этих послушаний.

Келарь заведовал братской и богомольческой трапезами с необходимыми для них съестными припасами и кухней. В ведении амбарного состояли хлебные амбары, откуда он выдавал муку, крупу и другие хлебные припасы для трапезы, в скиты, в квасную, хлебную (где под управлением одного из монашествующей братии трудниками приготавливался ржаной хлеб) и т.д..

Во главе рухлядной палаты стоял монах, называемый рухольным или рухлядным. В палате хранились одежда и обувь для братии и богомольцев, а также находились портная и сапожная мастерские.

Расходчик заведовал расходной мелочной лавкой, в которой торговали иконами, картинами, книгами и братскими изделиями - крестами, ложками, помянниками, а также, “по исключительным местным условиям”, некоторыми бакалейными и другими товарами (чай, сахар, кренделя, мед, мыло, свечи, бумага, карандаши, чашки, стаканы и т.п.).

В казначейской палате находились различные материалы и инструменты - доски, гвозди, медь, олово, железо, замки, краски, лак и т.п., - а также воск, ладан, книги и образа.

Все эти заведующие продавали в течение года из мастерских и палат братии, трудникам и богомольцам, кому что нужно.

Что касается продажи братских изделий богомольцам (крестов, четок, помянников, ложек), то торговать оными разрешалось только специально назначаемому для этого монаху. А старшей братии поручалось смотреть, чтобы никто больше изделий не продавал, “особенно во дворе солдаты и иноки по келиям”.³⁶⁹ Деньги от этой продажи поступали казначею и с “кружечными”, которые числились по конторской книге, не смешивались. И хотя в главной книге с мая по октябрь записывались на приход суммы от продажи братских изделий, это не были реальные поступления от продажи. Деньги на эту статью были выделены из “кружечных” сумм после общей высылки в июле. Как и остальные братские доходы, величина их была заранее определена и затем расписана по месяцам.

Основной расход по казначейской книге производился по следующим статьям³⁷⁰:

- оплата вольнонаемным лицам (рабочим, матросам, живописцу и т.д.) - 7430 руб., 26%,

- на покупку продовольствия (рыбы, соли, муки, масла) и звериного сала - 3109 руб., 10,5%,

- в закупную книгу - 3000 руб., 10%,

- в Питейно- акцизное управление за полугар 50 118 градусов - 2004 руб., 7%,

- за написание исторического, статистического и религиозного описания Соловецкого монастыря - 2000 руб., 7%,

- за купленные кресты в Архангельске и братские изделия - 1940 руб., 7%,

- отослано в Москву и Ростов за покупки - 1782 руб., 6%,

- куплено 26 билетов, которые сданы в ризную - 1313 руб., 4%,

- кружечное награждение послушникам и богомольцам - 960 руб., 3%,

- пожертвования - 702 руб., 2,5%.

Остальные расходы составляли небольшие суммы и представляли собой расходы на почту, на дорогу трудникам, за шитье крестьянами рубашек, порток и башмаков для братии и тому подобное. Итак, значительные суммы по казначейской книге шли на оплату вольнонаемным лицам и на закупки

---

³⁶⁹ Там же, д. 788, л. 20об.

продовольственных припасов у окрестного населения. Причем, за исключением соли и звериного сала, остальные продукты покупались в небольших количествах, видимо, либо из-за низких цен, либо из-за срочной потребности обители в каких-то продуктах.

В принципе, все доходы по казначейской книге можно было отнести к неокладным или братским и показать их приход и расход в главной книге. Однако, или в монастыре еще не успели усвоить новый порядок отчетности, или из-за возможной путаницы не решились менять порядок ведения приходо-расходных книг в середине года, или из-за каких-то других причин, но отчетность по этим суммам в Синодальную контору не предоставили.

Остановимся теперь подробнее на закупной книге. Сохранившаяся переписка закупщиков с монастырем позволяют почти полностью восстановить ее содержание. Книга велась с мая до середины сентября. В донесении соборной братии настоятелю Порфирию в октябре 1863 г. указывалось, что в “представленной закупными монахами по возвращении из Архангельска закупной книге в приходе 45 487 руб. серебром”.³⁷¹ Рассмотрим, сколько и откуда поступали деньги в эту книгу. Как уже говорилось выше, в мае перед отъездом в Архангельск закупщикам выделили из ризной суммы 12 тысяч рублей, затем в июне поступили проценты с капитала - 9261 руб., и штатная сумма³⁷² - 3445 руб.. В конце июня наличные деньги у закупщиков кончились. К этому времени было сделано покупок на 34820 руб., и оставалось еще недокупленных вещей на 16 тысяч рублей.³⁷³

В монастыре на заседании Конторы решено было выделить закупным 3 тысячи из ризной суммы, 2 тысячи - из казначейской, и 5500 руб. взять у смотрителя. В июле после высылки из кружек закупным было отправлено еще 5 тысяч рублей.³⁷⁴ Итак, по этим каналам закупные получили 40 184 руб.. А весь приход, как уже отмечалось, равнялся 45 487 руб.; остаются еще 5 303 руб., о происхождении которых имеются лишь косвенные указания.

---

³⁷⁰ Там же, д. 787, л. 1-141.

³⁷¹ Там же, д. 788, л. 138.

³⁷² В эту сумму вошли и кормовые деньги в размере 768 рублей, отпускаемые из Архангельского уездного казначейства на арестантов светского звания.

³⁷³ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 788, л. 66.

³⁷⁴ Там же, лл. 71об, 73, 76.

Во-первых, часть этих денег могла состоять на приходе по дворовой книге. Закупным монахам предписано было “осенью, при отправлении в монастырь, взять у смотрителя всю сумму, сколько прикопится, и записать на приход по закупной книге, т.к. при подворье она оставаться не должна, во избежании какой-либо непредвиденной опасности.”³⁷⁵ Однако такое предписание было сделано в общей инструкции закупщикам, которая без конкретного указания из монастыря могла и не исполняться. Так, например, инструкция предписывала смотрителю выдать закупщикам в мае все имеющиеся при подворье деньги, но деньги от него, в размере 5 500 руб., они получили только после того, как в июне смотрителю пришел ордер из монастыря с указанием отдать закупным монахам часть сумм из дворовой и пароходной книг.

Такая же ситуация могла сложиться и в сентябре, если смотрителю не прислали соответствующего распоряжения из монастыря. В архивных документах такого распоряжения не найдено, поэтому приходится оставить вышесказанное в качестве предположения. Чтобы определить, какая именно сумма могла остаться при подворье к отправлению закупщиков в Соловецкий монастырь, рассмотрим денежный оборот по домово́й и пароходной книгам. Хотя пароходная и дворовая книги за 1863 год не сохранились, можно попытаться восстановить годовой приход и расход, пользуясь косвенными источниками.

Когда в июне встал вопрос о необходимости выделить закупщикам деньги для продолжения закупок, то в обители стали выяснять, нельзя ли часть суммы взять у смотрителя, для чего потребовали от него сведения о наличии при подворье денежных сумм. Оказалось, что с 1 сентября 1862 г. по 1 июня 1863 г. приход по домово́й книге составил 10319 руб., по пароходной за май - 6142 руб., расход по обеим книгам равнялся 10947 руб., затем оставалось к 1 июня 5513 рубля.³⁷⁶ К сожалению, в источнике не указывается, с чего поступали деньги в домовую книгу до мая и на что они тратились. Частично приходные статьи можно восстановить по аналогии с данными за прежние годы³⁷⁷:

---

³⁷⁵ Там же, л. 32.

³⁷⁶ Там же, л. 71об.

³⁷⁷ Там же, д. 786, л. 34об,35.

Таблица № 10. Приход по домово́й книге Соловецкого монастыря за 1859-1861 гг.

Статьи прихода	1859 г. руб.	коп.	1860 г. руб.	коп.	1861 г. руб.	коп.
постоянные	3241	81	3362	10	3143	75
провозные с богомольцев	3925	63	3351	59	12937	49
присылаемые на помин	976	55	371	15	3282	50
в часовне за молебны, панихиды и прочее	2010	36	2056	6	1954	99
Итого	10154	35	9140	90	21318	73

*Как видно из таблицы, в два раза увеличился доход в 1861 г. по сравнению с предшествующими годами благодаря начатой перевозке богомольцев на пароходе “Вера”.

За 1863 год сумму провозных и постоянных можно вычислить по главной книге, куда они записывались, т.к. относились к неокладным доходам. Что касается доходов от служения молебнов и панихид в часовне при подворье, то, как показывает таблица, они не сильно менялись в течение трех лет, равняясь приблизительно двум тысячам рублей. Вероятно, и в 1863 г. эти доходы составили такую же сумму. Труднее определить, чему равнялись суммы, “присылаемые на помин”, поскольку величина их за три года сильно меняется (в 1861 году почти в 10 раз выше, чем в 1860) и определить среднее значение вряд ли возможно.

Хозяйственный год по домово́й книге начинался с сентября. К этому времени перевоз богомольцев в монастырь заканчивался, собирались постоянные деньги с мая по сентябрь, а остававшиеся при подворье суммы отсылались в обитель. Поскольку постоянная связь с монастырем с осени до весны прекращалась, то монастырское начальство в этот период не могло проверять домовую книгу, и делало это только в апреле или мае, когда начиналась навигация.

Итак, имея данные о приходе и расходе по домово́й книге с сентября 1862 г. по май 1863 и главную книгу, где наряду с постоянными и провозными указаны

расходы по подворью и пароходству, можно приблизительно составить баланс по домово́й и пароходной книгах.

ПРИХОД		РАСХОД	
с 1.09.1862 по 1.06.1863	- 8550 ³⁷⁸ ,	с 1.09.1862 по 1.06.1863	- 9729,
провозные с мая по сентябрь	- 10079,	в закупную книгу	- 5500,
постоянные	- 3699,	для подворья и паро-	
		ходов	- 5133,
Итого:	22328		20362.

Согласно этим расчетам ко времени отправления закупщиков в монастырь у смотрителя подворья могло остаться около 2 тысяч рублей.

Возвращаясь к закупной книге, вполне возможно предположить, что оставшиеся по домово́й книге деньги были занесены на приход в закупную, составив часть неизвестно откуда полученных 5 303 рублей.

Вторым источником поступления этих 5 303 руб. (или части их) могла быть продажа звериного сала и сельдей в Архангельске. Закупщики сдавали сало архангельскому купцу Дес-Фонтейнесу. За лето 1863 года ему было продано 1440 пудов на сумму более 4500 рублей.³⁷⁹ Дес-Фонтейнес рассчитывался с монастырем частично наличными, а частично товарами, т.е. существовал некий бартер между обителью и купцом. Монастырское начальство предписывало вносить деньги за проданное Дес-Фонтейнесу сало в закупную книгу, оговаривая, “сколько куплено по заказу для монастыря масла конопляного 400 пудов, пеньки 300 пудов”.³⁸⁰ Поскольку эти материалы предназначались для ремонта монастырских скитов и судов, то показать их следовало и в книге о неокладных суммах, по которой и взять расписку с Дес-Фонтейнеса.

В книге о неокладных суммах (см. Приложение 2) действительно было записано, что в августе приобретено 250 пудов пеньки, 305 пудов конопляного масла для трапезы и 100 пудов масла для окрашивания, всего на сумму 2981 рубль. Эти покупки подтверждаются и накладными, которые закупщики

³⁷⁸ В число 8550 руб. должны были войти деньги, присылаемые на помин, за литургии, панихиды, а также остаток от 1862 г. в размере 4023 руб., которые смотритель передал купцу Молво из С.-Петербурга за купленный у него чугунный балласт для парохода “Надежда”. // Там же, д. 789, л. 68.

³⁷⁹ Там же, д. 788, л. 52об, 58об, 92, 131.

³⁸⁰ Там же, л. 38.

присылали в монастырь на отправляемый груз, где обязательно указывались вес кладки, цена и общая сумма. В накладных от 11 и 27 июня записано, что от Дес-Фонтейнеса было принято 405 пудов конопляного масла и 250 пудов пеньки, причем о масле для окрашивания ни в этих, ни в других накладных ничего не говорится.³⁸¹ Поскольку накладные являются довольно надежным источником, то, скорее всего, указанное по главной книге масло для окрашивания в действительности было конопляным маслом, тем более цена масел по главной книге одинакова.

Так как в накладных на масло и пеньку не показаны ни цены, ни общая сумма, то, вероятно, наличными за эти товары не платили. Расчет за них с Дес-Фонтейнесом производился в августе, после того, как из монастыря отправили все предназначенное для продажи сало. Как уже говорилось, Дес-Фонтейнес получил из монастыря сала приблизительно на 4500 рублей. В переписке закупщиков с монастырем упоминается, что смотритель подворья выдал Дес-Фонтейнесу задаток в размере 1000 рублей³⁸², следовательно, монастырских сумм у него было на 5500 рублей. За вычетом стоимости пеньки и конопляного масла, 2981 руб., Дес-Фонтейнес оставался должным обители более 2500 рублей.

Итак, из состоящих на приходе по закупной книге 5 303 руб., происхождение которых точно не известно, более 2500 рублей вполне могли поступить от продажи сала. И хотя эту сумму, согласно Счетному уставу, можно было отнести к доходам от экономических заведений и причислить к неокладным, тем не менее в отчетность они не вошли и по главной книге показаны не были.

Что касается возможных доходов от продажи сельдей, то здесь есть только указание в инструкции (которая не всегда выполнялась без конкретного распоряжения), чтобы закупщики записывали, по какой цене продаются посылаемые из монастыря сельди.³⁸³ Можно предположить, что сельдей продали на сумму около трех тысяч (которые вместе с полученными за сало как раз и составили бы 5303 руб.), но поскольку никаких сведений о продаже

---

³⁸¹ Там же, л. 59, 74.

³⁸² Там же, л. 119об.

³⁸³ Там же, л. 35.

закупщиками сельдей нет, то и основания для такого предположения слишком слабы.

Действительный приход по закупной книге в 1863 году (не включая полученные из монастыря 22 тысячи и от смотрителя - 5 500 руб., всего 27 500 руб..) составил 17 987 рублей.

Рассмотрев источники поступления сумм в закупную книгу, остановимся теперь на ее расходной части. Все суммы по этой книге шли на покупку материалов и продовольствия для обители. Благодаря сохранившимся накладным на товары, которые закупщики отправляли в обитель, можно восстановить практически все расходные статьи по этой книге.

Общая сумма расхода по закупной составила 42 170 рублей: 41 475 руб. пошли “на покупку потребностей для послушаний”, и на разнородные предметы - 695 рублей.³⁸⁴ По десяти накладным закупные отправили грузов на 40 041 рубль.³⁸⁵ Разница в сумме по накладным и по закупной книге равняется 1434 рубля (без учета 695 руб. на разнородные предметы).

Вероятнее всего, на эти деньги была куплена ржаная мука, которую отправили в обитель отдельно от других товаров. Подтвердить это могут следующие факты. В донесении закупных от 3 июня говорится, что куплено до 6000 пудов ржаной муки по 95 копеек за пуд.³⁸⁶ Кроме того, согласно ведомости из Архангельской таможни “О количестве вывезенных принадлежащих Соловецкому монастырю товаров и материалов в навигацию 1863 года”, за лето в обитель отвезено 6100 пудов ржаной муки.³⁸⁷ Однако, по накладным закупщиков значится, что на монастырские пароходы в Архангельске 3 и 18 июня погрузили соответственно 270 и 200 кулей муки, т.е. всего 4700 пудов.³⁸⁸ Следовательно, в Архангельске должно было еще остаться около 1400 пудов.

В казначейской книге есть запись от 28 июля, что “за провоз пассажиров до Архангельска и муки ржаной до Соловецкого монастыря” получено 29 рублей.³⁸⁹ Скорее всего, именно эти 1400 пудов ржаной муки и были перевезены в монастырь (правда, по каким-то причинам, отдельным грузом). По цене 95

³⁸⁴ Там же, л. 138.

³⁸⁵ Там же, л. 83, 86об, 93, 101об.

³⁸⁶ Там же, л. 50.

³⁸⁷ ГААО, ф. 58, оп.12, д. 1407, л. 56.

³⁸⁸ РГАДА, ф. 1201, оп.4, д. 788, л. 54, 63.

коп. за пуд, 1400 пудов стоили 1330 руб.. Прибавив 1330 руб. к показанным в накладных 40 041 руб., получаем 41 371 руб.. Тогда расход по закупной книге, 41 475 руб., практически совпадает (за разницей около 100 руб.) с суммами по накладным и за ржаную муку.

Таким образом, хотя сама закупная книга и не сохранилась, косвенные источники позволяют почти полностью восстановить как приходную, так и расходную ее части.

Оставшиеся у закупных монахов деньги в размере 3317 рублей были переданы для хранения в ризницу и значились по двум книгам: о неокладных доходах в числе 2292 руб. и о штатных суммах - 1047 рублей. Последние предназначались для выдачи в декабре жалованья дроворубам и прочим рабочим людям. В 1863 году согласно указу Синода о замене в Соловецком монастыре уволенных штатных служителей на 24 наемных рабочих, из Архангельского уездного казначейства в первый раз выдали 1456 рублей, которые были присоединены к штатной сумме.³⁹⁰

Для определения годового бюджета Соловецкого монастыря осталось еще рассмотреть приход и расход по конторской книге, о которой уже частично упоминалось выше. Самой конторской книги не сохранилось, поэтому опять воспользуемся косвенными источниками.

Действительный приход должен был состоять из следующих статей:

Статьи прихода	Сумма, руб.
оставалось от 1862 года	23 566
кружечные	34 268 ³⁹¹
<hr/>	
Итого	57 834.

Как уже говорилось, кружечная сумма в размере 18 941 рубль была расписана в главной книге с мая по август. В сентябре церковные и братские доходы в этой книге показаны на 823 рубля. Но из этой суммы действительно высланных в сентябре из кружек было только 67 руб., остальные 756 руб.

³⁸⁹ Там же, д. 787, л. 57.

³⁹⁰ РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 681, л. 4.

добавили из других источников: 231 рубль внес монах Симеон (собиравший молебные и панихидные деньги), и из общей высылке в июле прибавили 524 рубля,³⁹² - после чего и получили указанные 823 рубля. Оставшаяся за вычетом 19 465 руб. (т.е. 18 941 руб. плюс 524 руб.) кружечная сумма считалась “безгласной” и хранилась в ризнице.

В конторскую книгу мы не стали заносить остатки из других приходо-расходных книг, как это делалась в монастыре, поскольку эти суммы уже указаны выше, и в противном случае только усложнят расчеты.

Остановимся теперь на расходной части конторской книги:

в закупную	- 19 000 руб.,
кружечное награждение братии	- 9 516 руб. ³⁹³ ,
за рыбу и церковное вино	- 1 140 руб..

Итого

29 656 руб..

Статья расходов “за рыбу и вино” вычислена по главной книге. Сделано это следующим образом. Как известно, с июля книга о неокладных доходах находилась в монастыре. На приход в нее записывались только высыпанные в июле кружечные деньги (точнее, часть из них). Следовательно, и расходы должны были производиться из кружечных сумм. С июля по октябрь было израсходовано 8526 руб., из которых 5 тысяч отправлено закупщикам, 1916 руб. пошли на закупку рыбы на мурманских промыслах, на зарплату машинисту, шкиперу и матросам - 830 руб., на покупку церковного вина в С.-Петербурге - 330 руб. и на пожертвования - 450 рублей.

Но все ли эти расходы были сделаны из кружечных сумм? Утвердительно на это вопрос можно ответить только относительно переданных закупщикам пяти тысяч рублей. Остальные расходы, как ни странно, частично проходят и по другим книгам.

Так, в казначейской книге в июле (как и в главной) записано, что духовенству Юго-Западных епархий пожертвовано 150 руб. и на открытие

---

³⁹¹ За три высылки из кружек: 34 126 руб. - в июле, 67 руб. - в сентябре, и 75 руб. - в ноябре. // РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 787, л. 145.

³⁹² Там же.

³⁹³ Там же, д. 789, л. 68.

училища в Архангельске - 300 рублей.³⁹⁴ Суммы, места назначения и числа в обеих книгах сходятся. Есть в казначейской книге и запись о выдаче в октябре годового жалования машинисту в размере пятисот рублей (в главной - 250 руб. за полгода), а также другим вольнонаемным рабочим.³⁹⁵

Относительно купленного в С.-Петербурге церковного вина никаких дополнительных указаний нет, а если бы и могли быть, то скорее всего в домово́й книге, т.к. многие покупки за пределами Архангельска осуществлял смотритель подворья. Поэтому будем считать, что вино купили на кружечные деньги.

Остается выяснить, на какие суммы приобрели рыбу на мурманском берегу. Здесь опять может помочь казначейская книга, по которой в августе на покупку трески израсходовано 1179 рублей (на эту сумму можно было купить приблизительно 2400 пудов).³⁹⁶ По главной же книге в августе было куплено 3325 пудов трески на 1624 рубля. На первый взгляд связи между этими покупками нет, поэтому, чтобы выяснить, не занесены ли деньги на покупку рыбы по казначейской книге и в главную, посмотрим, какими запасами рыбы располагал Соловецкий монастырь в 1863 году. Для этого воспользуемся “Ведомостью назначенных в покупку съестных припасов и материалов для Соловецкого монастыря на 1863 год”, в которой показано не только, сколько чего нужно купить, а также сколько материалов и продуктов было израсходовано в 1862 г. и какое количество оставалось к 1 апреля 1863 года, и “Ведомостью имеющимся в наличие к 1 января 1864 г. в кладовых и амбарах съестным припасам, материалам и разным вещам”.³⁹⁷

Таблица № 11. Объемы потребления трески в 1862-1863 гг.

Наименование	В расходе в 1862 г., пуд.	Осталось к 1.04.1863 г., пуд.	Купили в 1863г., пуд.	Осталось к 1.01.1864 г., пуд.
Треска соленая	3561	2303	3425 ³⁹⁸	2067

³⁹⁴ Там же, д. 787, л. 63.

³⁹⁵ Там же, л. 93об.

³⁹⁶ Там же, л. 70.

³⁹⁷ Там же, д. 788, л. 31, д. 787, л. 167.

³⁹⁸ По главной книге - 3325 пуд., по казначейской в сентябре - 100 пудов.

Как видно из таблицы, с 1 апреля 1863 г. по 1864 г. в приходе было 5728 пудов трески, за это время пошло в расход 3661 пудов, т.е. приблизительно как и в 1862 году, даже немного больше, поскольку в 1863 г. месяцы январь, февраль и март вошли в расход не за 1863 год, а за 1862. Если же предположить, что по казначейской книге купили еще около 2400 пудов трески, то получается, что с апреля по январь израсходовали более 6000 пудов. Но вряд ли можно объяснить, почему монастырю понадобилось такое количество соленой трески, т.к. число богомольцев в 1863 г. было меньше предыдущего года (значит, на трапезу богомольцам не должно было пойти больше трески) и на сторону ее из обители не продавали.

Скорее всего, в главную книгу записали деньги, проходящие по казначейской книге, и те 2400 пудов трески входят в число 3325 пудов, показанных в главной книге. Но в казначейской книге указана сумма 1179 руб., а в главной - 1916 рублей. Поэтому из кружечных могли взять только недостающие 737 рублей.

Получается, что из расходных статей, показанных в главной книге с июля по сентябрь, большая часть проходила по казначейской книге и производились они на казначейские суммы. А из кружечных было взято только около 1070 рублей на покупку церковного вина и рыбы.

Кстати, если на основании показанных выше статей расхода подсчитать остаток кружечных сумм, выделенных для записи в книге о неокладных доходах, то полученный результат почти совпадет с показанным в этой книге остатком к 1864 году. Покажем это непосредственно на цифрах. С июля по октябрь на приход в главной книге было записано 19 514 руб., из них 5 тысяч рублей передали закупным монахам и на 1067 руб. купили церковное вино и рыбу, после чего должно остаться 13 447 руб.. Данная сумма больше указанного в главной книге остатка наличных денег к 1864 году на 176 рублей, хотя вполне возможно, что эти 176 рублей были включены в выданную в сентябре зарплату парходной команде. Но, несмотря на эту небольшую разницу, действительный расход части кружечной суммы, которую монастырское начальство решило указать в главной книге, скорее всего производился вышеуказанным образом, а не как было показано по книге.

Это еще раз подтверждает тот факт, что порядок учета монастырских сумм не был изменен, как того требовали новые правила отчетности, и главная книга, куда частично вносились суммы из разных приходо-расходных книг, отнюдь не отражала реального бюджета обители.

Но вернемся к конторской книге. После отделения части кружечных денег в главную книгу по конторской должно было оставаться 24227 рублей.³⁹⁹ Из этой суммы выдали кружечное вознаграждение настоятелю и братии в размере 9 516 руб., после чего к 1864 году осталось 14 786 руб. (включая высыпанные из кружек в ноябре 75 рублей). К тому же в ризницу передали купленные по казначейской книге 26 билетов на сумму 1313 рублей.⁴⁰⁰ Итого наличными и билетами по конторской книге к 1864 году состояло 16 099 рублей. Если же присоединить сюда и остаток по книге о неокладных доходах, что вполне закономерно, т.к. расходовалась одна общая кружечная сумма, которая просто записывалась в разные книги, то остаток будет равен 27 857 руб. наличными и 1763 руб. билетами (на 1313 руб. - из казначейской и на 250 руб. - по главной), всего - 29 620 рублей.

Итак, все приходо-расходные книги за 1863 год выше рассмотрены и теперь в соответствии с ними можно составить годовой бюджет Соловецкого монастыря:

Таблица № 12. Бюджет Соловецкого монастыря в 1863 году.

Название книги	Осталось от 1862 г., руб.	Приход в 1863г., руб.	Расход в 1863г., руб.	Осталось к 1864г., руб.
Конторская	23566	34268	29656	28178
Казначейская	5783	29343	27280	7846 ⁴⁰¹
Закупная	---	17987	14670	3317
Домовая и пароходная	---	22328	20362	1966 ⁴⁰²
Всего*	29350	103926	91968	41307

³⁹⁹ Кружечные - 14 619 руб., оставшихся 9 566 руб. (из остатка от 1862 г., в размере 23 566 руб., 14 тысяч рублей отправили закупщикам).

⁴⁰⁰ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 789, л. 75.

⁴⁰¹ Сюда включены и 1313 руб., которые выменяли на 26 билетов.

⁴⁰² Остаток по домовая и пароходной мог войти в закупную книгу, в частности в сумму 3317 рублей.

*В таблицу не вошла книга о неокладных доходах, поскольку все приходо-расходные суммы по ней дублируются в других книгах, по которым здесь и проходят. Не показаны также недействительные приходы и расходы, т.е. те, которые передавались из одной книги в другую, и заносились соответственно по первой книге в расход, а по второй - в приход (например, в закупной книге).

Итак, согласно вышеприведенным расчетам действительный приход обители в 1863 году равнялся, вместе с оставшимися от 1862 г. суммами, 133 276 рублям. Это в три раза больше, чем показано в главной книге. Две трети всего прихода, таким образом, стало “негласным” капиталом, о наличии которого не было доведено до сведения Синодальной канцелярии, и которым распоряжались в обители по собственному усмотрению. Такая же ситуация и с расходом. Действительный расход составил 91 908 рублей, а по главной был показан только на 29 327 рублей (что в три раза меньше).

Поэтому к книге о неокладных доходах за 1863 год, как к источнику по хозяйству Соловецкого монастыря, следует относиться довольно осторожно. Экземпляры ее есть в фонде Соловецкого монастыря (РГАДА) и в фонде Канцелярии Синода (РГИА), но поскольку, например, в фонде монастыря хозяйственная документация за первую половину 19 века представлена очень скудно, а за 50-е годы вообще отсутствует, то главная книга является первым систематизированным документом по монастырскому хозяйству после более, чем десятилетнего пробела, что, несомненно, увеличивает ее привлекательность. Тем не менее, реальную финансовую картину можно восстановить только опираясь на так называемые “оправдательные” документы: накладные, ведомости, хозяйственную переписку, - которые на первый взгляд могут показаться просто разрозненными хозяйственными заметками.

При наличии такой значительной разницы между данными по главной книге и реальным бюджетом обители возникает естественный вопрос, что больше повлияло на “сокрытие” большей части доходов и расходов: то, что в монастыре не до конца разобрались в новых правилах ведения отчетности и показали не все суммы “по незнанию” (т.к. среди братии иноков с бухгалтерским образованием не было и приходилось учиться на собственном опыте), или же взяло верх преднамеренное желание утаить часть сумм, дабы не раскрывать начальству все источники дохода?

Ответить на этот вопрос поможет анализ событий, которые хотя и произошли в монастыре позже, в 1864 году, но непосредственно связаны с отчетностью за 1863 год.

В марте 1864 года в Синодальную контору поступило письмо от “ревнителей монашеской жизни братии Соловецкого монастыря”⁴⁰³, в котором архимандрита Порфирия обвиняли как в “разорительном хозяйствовании”, так и в плохом управлении обителью. По словам “ревнителей”, с самого вступления в должность арх.Порфирий “показался не пастырь, а волк в овечьей шкуре”. За время настоятельства он истратил более 300 тысяч рублей монастырских денег, ежегодно проживал 15 тысяч рублей серебром, начинал бесполезные постройки, вроде каменной гостиницы, общую трапезу сделал “самую скуднейшею, от чего происходит во всех ропот и всякое настроение”. “Вся жизнь его в том только и состоит, - сетовали авторы письма, - что ежедневно прогуливаться на четверке, и паче всего, всегда в нетрезвом виде.”

Такие подробности об архимандрите Порфирии весьма встревожили Синодальную контору и решено было провести в обители благочиннический осмотр. 23 июня 1863 г. вышел циркулярный указ Синодальной конторы, который предписывал “произвести по Соловецкому монастырю благочинническое обозрение по всем предметам, подлежащим надзору благочинного”⁴⁰⁴, поскольку из-за недоступности сообщения в монастыре такого осмотра никогда не было.⁴⁰⁵ Обозрение было возложено на синодального ризничего архимандрита Феодосия.

Феодосию была дана секретная инструкция, согласно которой при обозрении следовало обратить внимание на следующие моменты:

- исправно ли велись и ведутся монастырские прихода-расходные книги по неокладной сумме (по узаконенной ли форме; нет ли в них пометок, наводящих сомнение; целы ли в них листы, печати и т.п.);

⁴⁰³ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 789, л. 60-63об.

⁴⁰⁴ Из “Инструкции Благочинному монастырей”:

1. Благочинный монастырей есть лице избранное Епархиальным Архиереем, и употребляемое в посредство для надзора за монастырями и монашествующими.
2. Он избирается из монастырских настоятелей, дознанной способности и испытанного поведения.
3. Смотря по числу и расстоянию монастырей одной епархии, в епархии может быть один, два или более благочинных монастырей.
4. Главные предмета надзора благочинного монастырей суть Богослужение, благочиние, нравственность и хозяйство. // Барсов Т.Ф. Указ.соч., с. XLIV.

- согласно общежитию никакая часть из общей монастырской суммы не должна поступать в раздел настоятеля с братией; действительно ли это соблюдается;

- все ли доходы и расходы записываются, не покупаются ли предметы роскоши;

- куплено ли в 1862 г. 50 бочек вина, за которое заплачено акциза 2700 рублей; если по монастырским документам ничего подобного не окажется, то сделать о сем секретное дознание чрез заслуживающих доверия старцев и взять от них показания на бумаге;

- соблюдается ли Богослужение;

- не скудна ли трапеза, посещает ли ее настоятель;

- обозреть настоятельские кельи.⁴⁰⁶

Монастырское начальство заранее не предупредили об обозрении, и поэтому приезд на Соловки 13 июля архимандрита Феодосия с указом из Синодальной конторы был совершенной неожиданностью для братии. Указ о благочинническом осмотре, как деле небывалом в Соловецкой обители, весьма смутил архимандрита Порфирия и братию. Тем более, как считал Порфирий, “благодаря Господу в монастыре существовал должный порядок и благочестие во всем”.⁴⁰⁷

На следующий день после приезда Феодосий приступил к обозрению обители, попросив предоставить ему дополнительную приходо-расходную книгу по неокладным суммам за 1864 год, сведения об отдаваемых в наем помещениях и о количестве полученных сумм за провоз богомольцев, а также казначейские книги за 1860-1864 годы. Арх.Порфирий по слабости здоровья “нашел для себя затруднительным присутствовать при подобном обозрении”,⁴⁰⁸ а 28 июля, чувствуя усиление в болезни, уехал в Архангельск.

Затребованные Феодосием документы ему предоставили, за исключением казначейских книг. Еще дважды, 23 и 24 июля, Феодосий обращался к настоятелю с просьбой выдать казначейские книги, на что получил следующий ответ: “На Ваше требование казначейских книг честь имею уведомить, что книги

---

⁴⁰⁵ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 789, л. 3.

⁴⁰⁶ Там же, л. 4.

⁴⁰⁷ Там же, л. 11.

эти относятся к прежнему способу отчетности, который указом Синода от 7 июня 1863 г. признан неудобным”.⁴⁰⁹ Фактически это означало отказ. Тем не менее, Феодосий повторил свою просьбу. В конце концов, книги ему предоставили, но только после отъезда Порфирия в Архангельск.

При рассмотрении казначейских книг Феодосий обнаружил, что проходящие по ним суммы относились к неокладным, но не были своевременно внесены в главную книгу. Потому он предписал старшей братии записать остаток по казначейской книге в размере 7356 руб. на приход в главную книгу и вносить в нее все последующие неокладные суммы, а казначейскую книгу представить “на благоусмотрение Синодальной конторы”.⁴¹⁰

Из оставшейся по казначейской книге суммы большая часть была выдана в долг, а наличных состояло всего 2177 рублей. Среди долгов были и выданные братии в счет жалованья и кружечного вознаграждения 1003 рубля. Арх.Феодосий сильно усомнился в правомерности такой выдачи и указал старшей братии, что “из неокладных сумм уплата сия может быть произведена в таком только случае, если на выдачу братии будет испрошено и последует разрешение вышестоящего начальства”, а также и “показанные в долгах расходы на будущее время без разрешения начальства производимы быть недопустимы”.⁴¹¹

Все это должно было сильно огорчить соловецкую братию, поскольку для многих иноков кружечное вознаграждение являлось единственным источником наличных денег, на которые в расходческой лавке они покупали в свои кельи чай, сахар и всякие другие мелочи.

Заинтересовала Феодосия и конторская книга, но старшей братии удалось убедить его, что по получении указа из Синода от 7 июня 1863 года конторскую книгу признали ненужной и уничтожили, потому в 1863 г. такая книга не велась⁴¹². Итак, пробыв больше месяца в монастыре, арх.Феодосия 24 августа уехал обратно.

---

⁴⁰⁸ Там же, л. 22.

⁴⁰⁹ Там же, л. 18.

⁴¹⁰ Там же, л. 29.

⁴¹¹ Там же, л. 30.

⁴¹² Хотя конторская книга и не сохранилась, но есть точные указания на ее существование в 1863 г., например, высланные за октябрь кружечные деньги в размере 75 руб. значились по конторской книге на приходе под № 9, и т.п. // Там же, д. 787, л. 145.

В мае 1865 года вышел циркулярный указ Синода, в котором арх.Порфирий и старшая братия признавались ответственными за утверждение, что в монастыре с 1863 г никаких книг не имелось, кроме выдававшейся из Синодальной конторы, что у казначея в 1864 г. имелась только домохозяйственная книга, в которую он записывал мелочные доходы и расходы (оказалось, что у казначея были весьма значительные суммы, которые не вносились в главную книгу), и за неправильную отчетность (сокрытие братских сумм на 23 тысячи рублей, доходов по казначейской книге, раздел кружечных сумм, допущение долгов).⁴¹³ Синод предписал настоятелю и старшей братии представить обстоятельные объяснения по всем вышеизложенным пунктам указа.

В конце августа старшая братия (архимандрит Порфирий скончался 26 июня в Архангельске) направила донесение в Синод с объяснениями по отчетности в Соловецком монастыре. В фонде монастыря в РГАДА сохранились два варианта донесения в Синод: один с пометкой “оставлено” и второй - окончательный вариант, который и был отослан в Синод. Рассмотрим эти донесения.

При сравнении текстов донесений обнаруживаются существенные различия. В обоих вариантах донесения отмечалось, что “после получения указа Синода о приключении к неокладным и братских доходов встретилось затруднение от присоединения в один состав различных источников всех доходов, да и невозможно было на первый раз в один год привести оные в должный порядок подлежащий ревизии”.⁴¹⁴ По мнению старшей братии, указ предписывал вести отчетность о вновь поступаемых братских доходах, а не о прежних остатках. Поэтому оставшиеся от 1862 г. общерастворенные суммы, 23 566 руб., и не были показаны на приход в главную книгу. В 1863 г. к этой сумме присоединили приобретенные на братские доходы 42 билета и проценты по ним, 2320 рублей. Израсходованы эти деньги были, в основном, на кружечное награждение настоятеля и братии: по 9516 руб. - в 1863 и 1864 гг., 5561 руб. - в

---

⁴¹³ Там же, д. 789, л. 36.

⁴¹⁴ Там же, л. 70, 74,

1865 году, оставшиеся после этого деньги внесли в общую неокладную и братскую сумму и записаны на приход в главную книгу.⁴¹⁵

Как видно, кружечное награждение, несмотря на запрет архимандрита Феодосия, раздавалось в Соловецком монастыре и в 1864, и в 1865 годах. В доказательство правомерности такой расдачи старшая братия приводила указ Синода от 17 июля 1794 г., в котором говорилось, что “выдача братии как денежного жалованья, так и из доходов монастырских производится по рассмотрению архимандрита, применяясь тому, как до сего времени они содержаны были”.⁴¹⁶ На основании указа Синода от 7 декабря 1839 года это раздел вместе с жалованьем производился раз в году.

Приводя такие веские доказательства в подтверждение законности кружечного вознаграждения, старшая братия просила Синод и в дальнейшем “не отказывать соловецкому братству, обрекшему себя на все лишения Севера, в денежном вознаграждении на основании прежних обычаев из сумм, приобретаемых собственно трудами братии. Всякий немощный монах имеет в нем нужду: на чай, сахар, на дела богоугодные - лампадки, подаяния и прочее.”

Братия также просила Синод не запрещать продажу в обители водки и бакалейных товаров в таком размере, “которое необходимо по особенному положению Соловецкого монастыря на острове морском”. “Покупка чаю, сахара и т.п., - объяснялось в донесении, - вызвана совершенной необходимостью. Монастырь закупает их в Архангельске и передает расходчику, чтобы он отпускал эти вещи всем требующим, не требуя ни с кого лишней ценности. Кроме желания удовлетворения требованию и нуждам братии и богомольцев, монастырь никакой другой цели, особенно корыстной в своей перепродаже - вернее же передаче жизненных предметов, не имеет и никаких доходов от того не получает, да и сама продажа их производится в весьма ограниченной мере”.⁴¹⁷

Кстати, относительно покупки бакалейных товаров в 1863 г. у вышестоящего начальства возник вопрос, почему таких покупок по главной книге за этот год не значится. Ответы на этот вопрос в двух вариантах донесения

---

⁴¹⁵ Там же, л. 67.

⁴¹⁶ Там же, л. 68.

⁴¹⁷ Там же, л. 73.

расходятся. В первом⁴¹⁸, с пометкой “оставлено”, говорится, что закупщики упустили записать на приход в отправленную им летом из монастыря приходо-расходную книгу 1300 руб., вырученные от продажи 400 пудов звериного сала. Причем оговаривалось, что “сей продукт по недостаточному улову скопляется для продажи не в один год, а за два-три и более.”⁴¹⁹ На эти 1300 руб. закупщики купили 122 пуда сахара, которые значились только в накладной закупной. А в 1863 г. в монастыре продавались чай и сахар прежней покупки. Таков был первоначальный вариант донесения.

Посмотрим, что же было в донесении, отправленным в Синод. В нем уже не упоминалось о незаписанных 400 пудах звериного сала, а отсутствие покупок бакалейных товаров объяснялось тем, что Соловецкий монастырь заготовил их в большом количестве в 1862 году. И особо отмечалось, что “неверность показаний закупными о сделанных покупках никогда не допускалась и не допускается”.⁴²⁰

Следующим пунктом, по которому Синод потребовал объяснений, было уменьшение в 1863 г. по сравнению с 1862 г. доходов монастыря более чем на 20 тысяч рублей. У старшей братии на это ответ был один: в 1863 г. Соловки посетило гораздо меньше богомольцев, чем годом раньше, и это “весьма нередко случается независимо от обители”. Как доказательство этому были показаны ежегодные доходы обители от богомольцев, начиная с 1841 года⁴²¹:

Год	руб.	Год	руб.	Год	руб.
1841	20620	1851	24569	1861	49566
1842	19059	1852	24685	1862	43679
1843	15993	1853	27117	1863	19515
1844	17236	1854	4204	1864	26652

⁴¹⁸ Там же, л. 74-77.

⁴¹⁹ В действительности, в 1863 г. закупщиками было продано 1440 пудов звериного сала.

⁴²⁰ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 789, л. 71.

⁴²¹ Там же, л. 70об.

1845	18400	1855	3206
1846	25629	1856	23020
1847	22705	1857	43497
1848	22891	1858	36745
1849	26291	1859	41914
1850	24551	1860	45639

Под “доходами от богомольцев” имелись в виду кружечные суммы. За 1859-1862 гг. и, скорее всего, за предшествующие им годы тоже, действительно показаны те суммы, которые были в кружках при общей высылке в июле. За 1863 год вошли только записанные в главную книгу 19 515 рублей, а другая часть кружечной суммы в размере 14 911 руб. так и осталась “негласной”. Возможно, что и в 1864 году часть кружечной суммы не была показана в отчетности. Повод для таких сомнений дают некоторые записи в главной приходо-расходной книге за этот год. Так, в книге значится, что богомольцы начали приезжать в обитель только с 27 мая, якобы из-за “продолжавшихся постоянных после зимы необычайных, холодных ветров со снегом”, а за месяц июль вообще нет ни прихода, ни расхода денежных сумм.⁴²²

Итак, по окончательному варианту донесения получалось, что бюджет монастыря за 1863 год выглядел следующим образом:

	Приход, руб.	Расход, руб.	Остаток, руб.
Главная книга	42598	29327	13271
Казначейская -”-	35126	27280	7843*
Общебратственные	24572**	9516	15056
Всего	102296	66123	36170

*Включая и 26 билетов на 1313 рублей, которые затем присоединили к братским.

**23566 руб. - наличные, 1006 руб. - билеты и проценты по ним.

Как видно из таблицы, большая часть прихода и расхода за 1863 год были показаны в донесении. Тем не менее, ничего не говорилось о почти 15 тысячах рублей “негласных”, не упоминалось и о том, что из оставшихся от 1862 г. по

⁴²² Там же, оп. 5, ч. II, д. 5555, л. 4об, 18.

конторской книге 23 566 руб. передали закупным монахам 14 000 руб.. Если в первом варианте донесения показывалась хотя бы часть вырученных от продажи звериного сала сумм, то во втором о продаже сала не было ни слова. В результате приход, показанный в донесении, был меньше действительного на 27 с половиной тысяч рублей.⁴²³ Соответственно и расход был на 22 тысячи менее действительного.

Таким образом, несмотря на полученные от архимандрита Феодосия разъяснения по порядку ведения отчетности в монастырских суммах, в обители не поспешили исправить прежние недочеты и внести в отчетность незаписанные ранее суммы. Старшая братия дала объяснения только по тем приходо-расходным книгам и суммам, которые обнаружил Феодосий (по казначейской книге и братским доходам). Вместо закупной книги за 1863 г. ему представили дополнительную книгу о неокладных суммах, которая была отослана закупщикам летом 1863 г. после того, как главную книгу забрали в обитель. А существование конторской книги за 1863 год в монастыре вообще отрицали.

Поэтому, если вначале и можно было предположить, что часть монастырских доходов не вносилась в отчетность о неокладных и братских суммах “по незнанию”, то в последствии в таком предположении можно сильно усомниться. В Соловецком монастыре идея о ведении отчетности в неокладных (а позднее и братских) доходах сразу не понравилась. И психологию братии можно понять: эти доходы получали только благодаря собственным трудам и монастырскому хозяйству, и потому учет их, по мнению братии, должен был производиться самим монастырем, а не неким третьим лицом, т.е. Синодальной конторой. Отчитывался же монастырь только по штатной сумме, которую получал “извне”. Необходимость давать отчет в своих доходах в какой-то мере задевала соловецкую братию, которая чувствовала свое особое положение по сравнению с монашествующими других монастырей. Даже современники отмечали (некоторые - в положительном, некоторые - в отрицательном смысле) некий “дух отчуждения” соловецких иноков.

К примеру, в 1867 г. архангельский губернатор писал министру внутренних дел: ”Обстановка в Соловецком монастыре поселяет

---

⁴²³ В таблицу не вошла штатная сумма на 2 646 руб. 23 коп. и кормовые деньги на арестантов - 768 руб..

предосудительный дух отчуждения, не скрываемый иноками в беседах с посторонними, так например: в объяснениях со мной монахи постоянно приводили, что они посылают в Россию, что им привозят из России, что они поселились особняком далеко от России”.⁴²⁴ Но многие видели в этой “независимости” соловецкой братии скорее положительную черту. В частности, журнал “Вера и церковь” писал, что “среди соловецкой братии в общем нет той забитости, того унижения и низкопоклонства, какие замечаются в других местах. Иноки не особенно кланяются и самой старшей братии, не исключая и настоятеля. Они держат себя со всеми почтительно, просто, деловито и как бы даже с сознанием собственного достоинства.”⁴²⁵

Кроме этого психологического момента, в монастыре могли опасаться и того, что если вышестоящее начальство узнает о сравнительно больших доходах обители, то часть доходов может у братии забрать (например, на различные пособия и выплаты). Возможно, что-то такое и начало происходить после благочиннического осмотра обители. Так, в 1867 г. Синодальная контора предписала Соловецкому монастырю выплачивать ежегодное пособие в Архангельскую духовную семинарию в размере 2000 рублей.⁴²⁶ Постепенно число таких пособий увеличивалось, и в 1902 г. настоятель монастыря арх.Иоанникий даже обратился к Синодальной конторе с просьбой освободить обитель от выплаты части пособий. По смете 1902 г. из 22014 руб. процентного поступления с капитала на пособие разным лицам и учреждениям выделялось 14000 руб., и, как опасались в обители, “если дело пойдет впредь таким образом, то монастырь окажется только хранителем капитала”.⁴²⁷ Но Синодальная контора такие опасения не разделила и просьбу отклонила, посоветовав братии лучше увеличивать капитал, приобретая процентные бумаги на остающиеся от прежних лет наличные суммы.

Наконец, в монастыре могли опасаться и того, что с открытием всех доходов нужно будет платить пошлины на хозяйственные заведения. Со временем так и получилось. В 1868 г. Особая комиссия от Синода произвела исследование обо всех монастырских заведениях относительно их назначения и

⁴²⁴ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1867, д. 177, л. 2.

⁴²⁵ Соловки. //Вера и церковь. 1899, № 8, с. 411.

⁴²⁶ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1902, д. 205, л. 1об.

производства. В том же году Архангельская казначейская палата “предложила настоятелю внести в казну пошлины за литографию, фотографию, лавки, кузницу, мастерские, заводы и пароходы”.⁴²⁸ Но монастырь “нашел себя не вправе это сделать, прежде чем не получит разрешения от Духовного начальства”, и отправил донесение в Синодальную контору.⁴²⁹ В донесении красной нитью проходила мысль, что ни одно из существующих на Соловках хозяйственных заведений не имеет цели “торгово-промышленной, а их единственная цель - удовлетворять хозяйственным нуждам обители. Если же и продается из некоторых заведений: из лавки салотопного завода, просфорни, временной картинной выставки, - то только в том случае, если имеется излишек произведений и запасов, причем продается без прибыли для монастыря”.⁴³⁰ Поэтому по мнению монастыря, эти заведения должны быть отнесены к разряду тех, которые “позволяется всякому землевладельцу иметь в пределах участка его земли без пошлинного сбора”.

То же относилось и к соловецкому пароходству. “Заводя пароходы, - пояснялось в донесении, - обитель надеялась, что это будет учреждение благотворительное, как и бывшие “богомольческие” суда, и поэтому не только не принадлежит к торговым предприятиям, но и не подлежит пошлинному сбору, установленному для паровых судов положением 1865 года.”⁴³¹

Но несмотря на все объяснения, пошлинного сбора Соловецкому монастырю избежать не удалось. Для пароходства было приобретено свидетельство 1-й гильдии, с расходческой лавки, монастырского дока, временных лавочек и других заведений стали уплачиваться налоги.

Возвращаясь к отчетности о неокладных и братских суммах, можно предположить, что часть доходов осталась “негласной” ввиду вышеуказанных причин. И если бы в 1864 г. не последовало обозрение монастыря, то скорее всего часть доходов так и оставалась бы “негласной” из года в год.

В результате благочиннического обозрения видоизменились как существовавший в монастыре порядок отчетности, так и предписанный

---

⁴²⁷ Там же, л. 12.

⁴²⁸ Там же, оп. 4, д. 423, л. 1.

⁴²⁹ Там же, л. 5об.

⁴³⁰ Там же, л. 2.

⁴³¹ Там же, д. 422, л. 3об-4.

Синодальной конторой. Число приходо-расходных книг сократилось до трех (а не до одной, как было указано из Синодальной конторы): главной, закупной и дополнительной по подворью в Архангельске. В главную книгу вносились суммы, которые ранее проходили по конторской и казначейской книгам. В дополнительную стали записываться постоянные деньги, доход от часовни, часть процентов с капитала и провозные с богомольцев в осенние месяцы. В закупную книгу поступали деньги за проезд богомольцев на монастырских пароходах с мая по октябрь, проценты с капиталов и “вырученные от продажи разных вышедших из употребления хозяйственных вещей”.

Отчетность по монастырским доходам постепенно усложнялась и увеличивались. В начале 20 века, кроме главной и двух дополнительной книг, на ревизию в Синодальную контору посылались и составленные по ним различные ведомости и отчеты. Так, в 1900 г. вместе с тремя приходо-расходными книгами на ревизию были представлены следующие документы:

- ведомость о приходе, расходе и остатке денежных сумм;
- перечневая ведомость сборам, доходам и пожертвованиям;
- три отдельных подробных отчета в расходе сумм;
- учетный список принадлежащих Соловецкому монастырю процентных бумаг разных кредитных учреждений;
- две ведомости по учету сумм по выполнению смет доходов и расходов;
- документы в двух тетрадях.⁴³²

Согласно указному предписанию Синодальной конторы от 30 октября 1895 г. в монастыре стали составлять сметы о приходе и расходе, которые представлялись в Синодальную контору на рассмотрение и утверждение, а после этого отправлялись обратно в обитель.⁴³³ При составлении сметы предполагаемый приход или расход определялся путем подсчета средних значений доходов и расходов по разным статьям за три предшествующих года.

В общем, не вдаваясь более в тонкости бухгалтерии, следует сказать, что Синодальная контора стремилась установить насколько возможно строгий контроль над доходами и расходами обители, чтобы ни один монастырский рубль не был израсходован вне её ведома. Это достигалось как за счет

---

⁴³² Там же, оп. 1, 1901, д. 126, л. 1.

видоизменения и усложнения отчетности, так и за счет проведения различных проверок и других единовременных мер. Так, если Синодальная контора получала сведения (в основном, из донесений и жалоб самих соловецких монахов) о хозяйственных и денежных злоупотреблениях в монастыре, то, как правило, сразу назначалась ревизия или проверка, и в случае подтверждения злоупотреблений виновные должным образом наказывались. Например, за период с 1865 по 1917 гг. трое из пяти соловецких настоятелей (не включая арх.Порфирия) были уволены с должности, главным образом, за хозяйственные нарушения.

Что касается и самой ревизии монастырских приходо-расходных книг, то Синодальная контора требовала объяснения по всем замечаниям, сделанным при их обревизовании. В ответ на замечания монастырь посылал объяснительные записки, и поскольку удаленность обители не позволяла быстро связаться с Синодальной конторой, то переписка по отчетности зачастую продолжалась не один год.

Удаленность монастыря была на руку соловецкой братии, которая не хотела уменьшения своей финансовой самостоятельности. Поэтому иногда задним числом доносилось конторе о расходах, на которые требовалось её разрешение (особенно когда сомневались, что она такое разрешение даст), рассчитывая, что конторе ничего не останется делать, как согласиться.

В целом, можно сказать, что в отношениях между Синодальной конторой и Соловецким монастырем сложилась довольно типичная (в том числе и для наших дней) ситуация, когда на местах хотят большей самостоятельности при решении хозяйственных и финансовых вопросов, а в центре - наоборот-стремятся как можно больше взять под свой контроль .

---

⁴³³ Там же, оп. 1, 1905, д. 108, л. 1.

2. СТРУКТУРА БЮДЖЕТА.

Рассматривая хозяйство Соловецкой обители, нельзя обойтись без анализа её годового бюджета. Как правило, в воспоминаниях и литературе о монастыре этой стороне хозяйства меньше всего уделялось внимания. В лучшем случае, приводились данные об общем количестве доходов и расходов, не расписывая их по статьям. Исключение здесь может составить только труд П.Ф.Федорова “Соловки”, где даются статьи прихода и расхода за 1885 год. Однако, Федорова скорее интересовала не сама структура бюджета Соловецкого монастыря, а затраченный со стороны обители труд (причем, способы определения стоимости этого труда довольно спорны), необходимый для получения более 150-ти тысяч рублей приходящих сумм. В результате, рассмотрев бюджет и “экономическое состояние” монастыря, Федоров пришел к выводу, что “только благочестие русского народа, а никак не производительный труд, создало и поддерживает богатство и величие обители. Хотя иноки, наверное, трудятся больше, чем в других монастырях, хотя вместе с ними работает масса наемных и даровых рабочих, но труд их, вследствие почвенных и климатических условий, а также вследствие условий дарового труда, не только не заметен, безрезультатен для мира (конечно, в материальном смысле), но даже далеко не достаточен для удовлетворения собственных нужд монастыря.”⁴³⁴

Некоторые сведения о доходах обители в начале 70-х годов прошлого века приводятся в “Опыте исследования об имуществе и доходах наших монастырей” Д.И.Ростиславова. Ценным моментом этого исследования является то, что автор сопоставил размеры капиталов и основные статьи доходов значительного числа православных монастырей Российской империи. Как показало это сравнение, в конце 19 века Соловецкий монастырь был одним из богатейших монастырей России, уступая в этом отношении только лаврам. (Приложение 3). В то же время, то, что автор зачастую не располагал точными данными о монастырских бюджетах - или о размерах отдельных статей прихода и расхода, - а использовал иногда в качестве источников информации и “устные

---

⁴³⁴ Федоров П.Ф. Указ.соч. с. 332.

сведения”, повлекло за собой не всегда правомерные утверждения и предположения, в частности, относительно Соловецкого монастыря.

Так, не зная величину кружечного вознаграждения, которое получала соловецкая братия, Ростиславов ссылается на очерк В.Г. Диксона “Свободная Россия”, где указывалось, что настоятель из этих сумм ежегодно получал до 4000 рублей (что вполне соответствовало действительности). Ростиславов усомнился в правомерности этих сведений, поскольку “Соловецкий монастырь - общежительный, и доход там не должен делиться поручно”.⁴³⁵ “Но с другой стороны, - продолжает Ростиславов, - поданная настоятелем за 1872 г. ведомость в Синодальную контору заключает в себе пожертвования в пользу братии до 42695 рублей. Если эта сумма действительно разделяется между братией, то настоятель должен получать более 10 тысяч рублей, что гораздо вероятнее известия Диксона.”⁴³⁶ На самом деле, предположения автора оказались неверны, как в отношении величины кружечного вознаграждения настоятеля, так и относительно характера “пожертвований в пользу братии”. Ростиславов посчитал эти пожертвования особой статьей прихода, представляющую собой чисто добровольные взносы, подобно “пожертвованиям в пользу монастыря”. В действительности же, “пожертвования в пользу братии” были получены за служение для паломников молебнов, литургий, за синодичные поминовения, водосвятия и панихиды, т.е. являлись братскими доходами. Таким образом, “пожертвования в пользу братии” были совсем другого происхождения, нежели считал Ростиславов.

Ввиду подобных неточностей, хотя Ростиславов собрал богатый материал о доходах и имуществах православных монастырей, следует более осторожно относиться к данным, представленным в “Опыте исследования...”.

Гораздо больше изучен бюджет Соловецкой обители за более ранний период её истории, 15-17 века, когда монастырь имел значительные земельные владения и довольно развитое промысловое хозяйство.⁴³⁷ Рост богатства монастыря в тот период определяли прежде всего его обширные промыслы,

⁴³⁵ Ростиславов Д.И. Указ.соч., с. 277.

⁴³⁶ Там же, с. 278.

⁴³⁷ Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. - Соч. в 9 тт. Т.8. М., 1990; Савич А.А. Соловецкая вотчина в 15-17 вв. Пермь, 1927; Борисов А.М.

соляной в особенности, широкие торгово-ростовщические операции и денежные вклады христороубцев. Денежные накопления Соловецкого монастыря в первой половине 17 века в переводе на деньги конца 19 - начала 20 века составляли 1 млн. 775 тыс. рублей.⁴³⁸ Бюджет монастыря был в целом активным, т.е., доход превышал расход.

Производительные затраты составляли около 57% всех расходов, непроизводительные (на содержание братии, кабальные, заемные и военные расходы) - 43%.⁴³⁹ Как отмечает в своем исследовании А.М.Борисов, большой доход, при наличии большого расхода на содержание братии, был результатом рентабельной хозяйственно-экономической деятельности монастыря и эксплуатации крепостного крестьянства и работных людей.⁴⁴⁰

Обратимся теперь к бюджету монастыря в конце 19 - начале 20 века и посмотрим, как распределялись статьи прихода и на что расходовались денежные суммы. За этот период наиболее полно сохранились данные о бюджетах обители с 1894 по 1913 гг. (за исключением нескольких лет), которые представлены ведомостями о ежегодном приходе и расходе монастырских сумм. Эти ведомости составлялись по единой форме и предоставлялись на ревизию в Синодальную контору. Наряду с постатейно расписанным приходом и расходом ведомости содержат сведения "об учете сумм по выполнению смет доходов и расходов", а также весьма ценные данные о ежегодном количестве богомольцев, посетивших Соловецкий монастырь, о численности братии, трудников и наемных рабочих.

Но основные трудности возникают при составлении монастырских бюджетов за более ранний период. В 60-80 годы прошлого века в учетных ведомостях по приходу и расходу зачастую те или иные статьи не показывались отдельно, а объединялись в более общие, в результате чего одна статья могла включать совершенно разные по происхождению и назначению суммы. Так, в "Перечневой ведомости сборам, доходам и пожертвованиям по Соловецкому

Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в 16-17 вв. Петрозаводск, 1966.

⁴³⁸ Борисов А.М. Указ. соч., с. 162.

⁴³⁹ Там же, с. 164.

⁴⁴⁰ Там же, с. 165.

монастырю”⁴⁴¹ за 1877 г. статья “от оброчных статей” включала доходы от сдаваемых внаем помещений подворья в Архангельске, проценты с капитала, провозные с богомольцев, от проданных просфор, книг, братских изделий, а также доходы с монастырских послушаний. Большая часть расходов за этот год также была показана одной статьей “на церкви, монастырские здания и содержание братии”, куда вошли расходы на закупку продовольствия и одежды для братии и трудников, материалов для мастерских и заводов, на содержание пароходов и т.п..

Не всегда можно составить бюджет обители и на основании приходо-расходных книг, поскольку для этого необходимо наличие трех книг: главной, закупной и дополнительной по Соловецкому подворью в Архангельске, - зачастую же в фондах архива сохранились одна или две книги. Но даже когда имеются все три приходо-расходные книги, при вычислении некоторых статей бюджета порой трудно определить (т.к. в самих книгах не указывается), куда отнести те или иные доходы и расходы. К примеру, различные материалы и инструменты: железо, сталь, гвозди, краски и т.п., - могли предназначаться, как для ремонта монастырских зданий, так и для пароходов или мастерских. Нередко в приходо-расходных книгах не указывалось, какие именно продукты или материалы были приобретены на ту или иную сумму, а просто записывалось “такому-то купцу за купленный у него товар”. На основании приходо-расходных книг нами был составлен бюджет 1863 года, поэтому размеры некоторых статей - в основном, расходных - с точностью до рубля установить не удалось, погрешность в таких случаях может равняться 1-2% от общей суммы прихода или расхода.

Рассмотрим сначала приходную часть бюджета Соловецкого монастыря. Ввиду неоднородности источников представим доходы обители отдельно за 60-80 годы 19 века, а затем за 90-е и 900-е.

Таблица № 13. Доходы Соловецкого монастыря за 1863-1885 гг.⁴⁴²

Статьи прихода	1863 г.	1867 г.	1870 г.	1877 г.	1880 г.	1885 г.
1. Кружечный сбор		9018	13588	7736	13614	10923
2. Кошельковый				830	1224	

⁴⁴¹ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 836.

⁴⁴² Данные таблицы: РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 788, 789, 836, 856; оп. 5, ч.2, д. 5570. РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 3202. Федоров П.Ф. Указ.соч., с.312.

сбор						
3. Свечной сбор		6224	10073	10500	16391	13364
4. От арендных статей	3699	3728	4553	3508	3591	4185
5. Проценты с капитала	9301	14332	10257	27329	25006	20405
6. Пожертвования в пользу обители				748	959	1426
7. Братские доходы	46163	24214	34213	30649	48298	34662
8. За проезд богомольцев на пароходах	10723	11673	18200	13633	23685	25479
9. От продажи икон, крестов, просфор и братских изделий	6500		5040			10163
10. С монастырских послушаний	19610	21005	25338	31329	38607	30501
Всего	96368	90194	121262	126262	171375	151941
Капитал	232223	249752	256527	415502	468852	440202

Как видно из таблицы, не все статьи прихода можно полностью восстановить, т.к. часто несколько статей объединялись в одну. Так, кошелевый сбор нередко присоединялся к кружечному, поскольку по сути своей эти доходы мало чем отличались: “кружечными” считались суммы, которые высыпали из расставленных у монастырских святых мощей и икон кружек, а “кошелевыми” - собираемые во время литургии, утрени и вечерни в кружки, с которыми ходил церковный староста по церкви. В кружечный доход входили (когда не учитывались отдельно) и пожертвования в пользу монастыря.

Деньги, получаемые от продажи просфор, также зачастую не показывались отдельной статьей, а записывались вместе с доходами “с монастырских послушаний”, поступающих от продажи материалов и изделий из мастерских, из рухлядной, хлебопекарни, такелажной и других “служб”, продуктов и товаров из расходческой лавки (которые закупались на материке), звериного сала и т.п.. Продовольственные товары в обители, наряду с населением монастыря, покупали и жители поморских деревень. По словам Федорова, “поморы нередко приобретали жизненные припасы в долг, обязуясь уплатить его или результатом морского промысла, или просто личным трудом в качестве наемных рабочих;

...конечно, монастырь при этом своей выгоды не упускал, но были и такие факты, когда во время голода обитель бесплатно снабжала хлебом беднейшие поморские семьи, особенно те, мужчины из которых работали на монастырь, а после пожара помогала даже деньгами и лесом для постройки домов”⁴⁴³

В таблице за 1867, 1877 и 1880 годы в статью “с монастырских послушаний” наряду доходами от продажи просфор вошли и поступления от перепродажи в монастыре закупленных на материке или у иноков, крестов, икон, книг и братских изделий, а также суммы, полученные с богомольцев за провоз на лошадях в скиты.

Доходы от арендных статей представляли собой суммы от отдаваемых внаем помещений на подворье в Архангельске. Что касается капиталов обители, то часть его находилась в так называемом “вечном обращении”, а часть была положена “на бессрочное время”. “Вечный” капитал образовался из вкладов на моления и поминовения. Как объясняет Ростиславов, “многие благочестивые люди в завещаниях отказывают в монастыри более или менее значительные деньги на помин души, ...многие при жизни вносят в монастырские кассы и на помин своей души и за моление о здравии при жизни; во всех почти этих случаях деньги вносятся в кредитные учреждения на вечные времена и составляют неприкосновенный капитал, которого только процентами пользуется монашествующая братия”⁴⁴⁴ В Соловецком монастыре “вечные вклады” составляли около четверти капитала (в 1862 г. 62824 руб. из 231324 руб.)⁴⁴⁵ Остальная часть капитала образовалась из пожертвований и части братских и церковных доходов и считалась общебратственной.

Доходы в виде процентов с капитала, как отдельная статья прихода, стали поступать с начала 60-х годов года. До 1862 года, как доносил в Синодальную контору настоятель монастыря арх.Порфирий, проценты по “государственным 4% билетам не были браны, а при перемене, во исполнение указа Синода от 6 ноября 1859 года, прежних билетов на новые, присоединены оные проценты к капиталу же”⁴⁴⁶

---

⁴⁴³ Федоров П.Ф. Указ.соч., с. 166-167.

⁴⁴⁴ Ростиславов Д.И. Указ.соч., с. 233.

⁴⁴⁵ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, л. 36.

⁴⁴⁶ Там же, д. 786, л. 57.

В 1883 году вышел циркулярный указ Синода, предписывающий заведениям и учреждениям, состоящим в ведении Духовного ведомства, “ни под каким видом не помещать суммы для увеличения процента в частные, общественные, городские и другие банки”.⁴⁴⁷ Вклады “до востребования” в эти банки должны были возвращаться немедленно, срочные - по истечению срока, и обмениваться на государственные процентные бумаги. Впредь суммы духовных учреждений следовало помещать в Государственный банк и обращать на покупку только государственных процентных бумаг.⁴⁴⁸

По-видимому, монастырям предписывалось помещать деньги в Государственный банк и раньше, поскольку Ростиславов в своей книге, изданной в 1876 году, писал, что ему “нередко случалось слышать жалобы монашествующей братии на уменьшение их доходов с вечных капиталов от того распоряжения правительства, по которому они обращены в 4% билеты: многие-де вкладчики делали свои приношения в то время, когда банки давали по 5-6%, получайся (sic - Т.С.) тогда только 4%, вкладчики, по крайней мере многие, сделали бы большие пожертвования”.⁴⁴⁹

В 1894-1895 годах Соловецкий монастырь, согласно Высочайшему указу от 8 апреля 1894 г., провел конверсию ценных бумаг, в результате которой 5-процентные бумаги Государственного банка (1 и 2 выпусков, а также 2 и 3 Восточных займов) были обменены на государственную 4-процентную ренту, что также привело к снижению дохода, получаемого обителем в виде процентов с капитала. Таким образом, вследствие вышеприведенных указов были значительно сужены возможности инвестиций обители в более доходные финансовые инструменты.

Наконец, напомним, “братские доходы” поступали за поминовения при богослужении и исправление различных церковных служб по требованиям богомольцев. Как пишет тот же Ростиславов, “православные люди служат в монастырях молебны тем святым лицам или их иконам, которые очень популярны или по общему верованию особенно помогают в известных каких-либо случаях. И русский человек, пришедши на поклонение такой святыни, если

---

⁴⁴⁷ Завьялов А.В. Указ.соч., с. 183.

⁴⁴⁸ Там же.

⁴⁴⁹ Ростиславов Д.И. Указ.соч., с. 237.

бы выслушал 3-4 молебна и во время их молился самым усердным образом, сочтет это недостаточным. Нужно, чтобы молебен был им самим заказан, чтобы на ектении упоминалось его имя.»⁴⁵⁰

Из-за особенностей ведения отчетности в 1863 году (см. раздел “Ведение бухгалтерского учета”) оказалось практически невозможным определить отдельно кружечный и кошелевый сборы, доход от продажи свеч и просфор, и пожертвования в пользу монастыря, поскольку все эти доходы, включая братские, входили в общую “кружечную сумму” и постатейно не показывались. По этой причине в таблице все указанные доходы объединены в статью “братские доходы”.

Более подробно на структуре приходной части бюджета и доли каждого вида дохода мы остановимся ниже, присоединив к имеющимся данным о приходе за 60-80 годы и данные за период с 1890 по 1913 год. А сейчас уделим немного внимания одному из основных источников доходов Соловецкого монастыря - трехдневным богомольцам.

Как видно из таблицы, большинство статей прихода прямым образом зависело от числа посетивших обитель паломников: братские доходы, кружечный, кошелевый сборы, доход от продажи свеч, просфор, книг, крестов, братских изделий, с пароходства. Ввиду такой сильной зависимости монастырского бюджета от богомольцев, остановимся несколько подробнее на самом явлении “паломничества” и на отношении соловецкой братии к богомольцам.

Уход на богомолье с целью обращения к святыням издавна считался среди населения делом богоугодным. Ходили на богомолье чаще всего по обету или просить благополучного разрешения важных дел.⁴⁵¹ Крестьяне, отправляясь на богомолье, деньги начинали копить заранее, либо договаривались в семье, какая будет выделена на это сумма; выясняли, кто еще собирается туда же из своей или ближайших деревень. В дороге старались не вести пустых разговоров, не думать о домашних делах, не злословить, а держать себя в религиозном

---

⁴⁵⁰ Там же, с. 125.

⁴⁵¹ Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян 19 века. М., 1986, с. 101.

настроении.⁴⁵² По возвращении рассказы богомольцев становились достоянием крестьянской общины, служа одним из источников информации о внешнем мире.

Большая часть богомольцев, посещавших Соловецкий монастырь, была из простонародья. По словам П.Ф.Федорова, “в России не нашлось бы ни одного монастыря, в котором было бы такое ничтожное количество посетителей не из-за религиозных потребностей”⁴⁵³. Подобного мнения придерживались и многие современники. “Собственно турист, - отмечал корреспондент “Русского странника” Е.Львов, - т.е. человек, ничем не занятый и всем интересующийся, был на Соловках редок, еще реже встречались простые любители недалежных прогулок, люди праздные, едущие ради приятного препровождения времени и новизны в удобно расположенную придорожную центральную обитель”.⁴⁵⁴

Паломники сначала прибывали на Соловецкое подворье в Архангельск, откуда на монастырских пароходах отправлялись в саму обитель. В.И. Немирович-Данченко, посетивший Соловки в 1872 году, так описал настроение паломников при подходе парохода к монастырю: “Впереди засинели какие-то смутные очертания, большая часть богомольцев столпилась на носовой части парохода. Одни стояли на коленях и молились, другие пели псалмы. Религиозное настроение охватило даже самых равнодушных. На что уж отставной военный - и тот клал земные поклоны. На лицах странниц выражалось самое искреннее умиление. Одни плакали, другие обнимались”.⁴⁵⁵

Для размещения паломников в монастыре были построены три гостиницы: “Преображенская”, “Петербургская” и “Архангельская”. При поселении в гостиницу, по словам Немировича-Данченко, “крестьянам и кто одет не совсем чисто отводился нижний этаж, где в больших комнатах помещалось в каждой около 20 или 25 человек, средний этаж, отделанный безукоризненно с высокими и просторными комнатами, предназначался чиновникам - от тайного советника и выше до коллежского регистратора включительно - и купечеству; наверху, в небольших комнатах, по 4-5 человек,

---

⁴⁵² Там же, с. 102.

⁴⁵³ Федоров П.Ф. Указ.соч., с. 139.

⁴⁵⁴ Львов Е. По студеному морю. М., 1895, с.66.

⁴⁵⁵ Немирович-Данченко В.И. Указ.соч., с. 511.

размещались разночинцы”.⁴⁵⁶ Как писал посетивший Соловки епископ Евдоким (проживавший, вероятно, на “среднем этаже”), номера в гостиницах “чисты, опрятны, высоки и светлы, нет в них ни вони, ни грязи, ни духоты и полное отсутствие “населения”, все в них просто, без особых ухищрений цивилизации”.⁴⁵⁷

В течение трех дней каждый богомолец мог бесплатно проживать и питаться в монастыре, а на обратный путь все желающие могли получить три фунта ржаного хлеба. Однако фактически плата существовала. Приезжавшие в обитель паломники считали своей обязанностью поставить одну или несколько восковых свеч перед иконами или мощами, положить на церковь Божию свою лепту в те тарелки, с которыми во время богослужения ходит по церкви церковный староста (в монастыре для привлечения внимания богомольцев позвякивали при этом колокольчиком), подать просфору на проскомидию за свое здоровье и родных, отслужить молебен, опустить лепту в одну или несколько кружек, расставленных близ святых мощей и около икон.⁴⁵⁸

Основная часть богомольцев приезжала в монастырь в первую половину навигации, до середины июля. Как правило, это были крестьяне, которые старались успеть до начала уборочных работ. Во вторую половину навигации простонародье редело, появлялись мелкие торговцы, богатые крестьяне, мещане, купечество, чиновники, воспитанники гимназий, семинарий и других учебных заведений.⁴⁵⁹ По словам современников, богомольцы приезжали “чуть ли не из каждой провинции империи, - из Украины и Грузии, из Крыма и возвышенностей Урала, с берегов Финского залива и Охотского моря”.⁴⁶⁰

Весной с прибытием первых пароходов с богомольцами трудов и забот у соловецкой братии прибавлялось: нужно было расселить паломников, накормить, удовлетворить их религиозные потребности (отслужить молебны, панихиды, исповедать и т.д.). От отношения братии к посетителям во многом зависело мнение, которое складывалось о монастыре в миру, что прямым образом влияло на авторитет и популярность Соловецкой обители. За 1863 год

⁴⁵⁶ Там же, с. 514.

⁴⁵⁷ Епископ Евдоким. Соловки: странички из дневника паломника. СПб. 1904, с. 10.

⁴⁵⁸ Ростиславов Д.И. Указ. соч., с. 114.

⁴⁵⁹ Федоров П.Ф. Указ. соч., с. 138.

⁴⁶⁰ Диксон В.Г. Льды и степи. Путевые очерки. СПб. 1878, с. 112.

сохранился весьма интересный документ - "Расписание о возлагаемых на братию послушаниях по случаю наступающего времени приезда богомольцев", "учиненное" арх. Порфирием с соборной братией на заседании конторы монастыря, - в котором указывалось, как инокам следует вести себя с паломниками. В "Расписании" определялись послушания как отдельных иноков, так и давались общие наставления всей братии.

Всем иеромонахам и иеродьяконам предписывалось "по обыкновению, без поспешности, внятно и благоговейно отправлять молебны и панихиды поочередно, без всякой остановки, не ожидая частных повесток, с сохранением должного по званию своему и приличию святому делу благочиния".⁴⁶¹ Манатейным, рясофорным монахам и послушникам, "умеющим хотя мало петь", следовало находиться в Зосимо-Савватиевском соборе для пения при мощах молебнов. В случае нарушения этих указаний виновным грозил выговор с занесением в послужной список и уменьшение или лишение кружечного вознаграждения.

Без позволения монастырского начальства не разрешалось ходить в гостиницы послушникам и монашествующим, наблюдать за этим, а также за порядком и "благочинием братии" в гостиницах, поручалось наместнику, который один-два раза в день должен был их посещать.⁴⁶² Духовнику предписывалось принимать на исповедь "всякого звания богомольцев мужеска и женска пола, исповедовать их в святительской церкви с тем, чтобы для требующих исповеди не было остановки и замедления, для чего в случае нужды должны быть в готовности разделять труд духовника и другие иеромонахи."⁴⁶³

Братии монастыря надлежало обходиться с богомольцами "приветливо, ласково и с благопристойным уважением, и все их недостатки переносить снисходительно". К тому же обращалось внимание и на поведение самих монашествующих, вне зависимости от того, общались они с паломниками или нет. Иноки должны были вести себя "благоприлично во время богомольцев во всяком месте, тем более в церкви и трапезе", не оставаться во время церковных служб в кельях "к соблазну богомольцев и на паперти предаваться

⁴⁶¹ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 788, л. 19.

⁴⁶² Там же, л. 21.

⁴⁶³ Там же, л. 22.

празднословию или уходить за обитель для прогулки с кем бы то ни было, а все должны оставаться в храме и молиться с благоговением и поклонами поясными”.⁴⁶⁴ Во время службы садиться разрешалось только немощным старцам и то “с приличием в форме”, строго воспрещалось садиться кому бы то ни было полу, т.к. “это безобразно и богопротивно”.

Итак, надо сказать, что в обители весьма заботились о том, чтобы у богомольцев оставались благоприятные впечатления от посещения Соловков, и чтобы представления о монастыре, как о святом месте, где братия проводит время в трудах и молитвах, не разрушались из-за “неблагоприличного” поведения соловецких иноков и неприветливого обращения с паломниками. Помимо укрепления внутренней дисциплины в монастыре, братия заботилась и о материальной стороне приема паломников. С целью обезопасить богомольцам путь из Архангельска до монастыря были заведены пароходы, благодаря которым обитель смогла и контролировать поток паломников (получая к тому же неплохой доход от пароходства), в 60-х годах была построена третья гостиница для богомольцев.

С увеличением числа паломников монастырь устраивает еще одно подворье в Архангельске, у пароходной пристани в Соломбале, которое находилось в пяти километрах от городского подворья. По некоторым сведениям, в помещениях этих подворий могло разместиться до трех тысяч человек.⁴⁶⁵ Однако в начале 20 века, несмотря на довольно большую вместимость в подворьях, монастырь стал “ощущать крайнюю потребность” гостиницы в Архангельске. Особенно остро встал вопрос о гостинице с началом войны. В 1914 г. в гостиницу при Соломбальском подворье были помещены граждане “враждебных держав, арестованных с пароходов и судов, находившихся в Архангельске”, затем подворье занимали около 500 человек ратников ополчения и запасных нижних чинов.⁴⁶⁶ Зимой 1914-1915 гг. на подворье на средства монастыря был устроен патронат для выздоравливающих больных и раненных воинов, а осенью 1916 года Соломбальское подворье отдали Архангельскому Военно-Портовому начальству, по распоряжению

---

⁴⁶⁴ Там же, л. 23.

⁴⁶⁵ Живописное обозрение русских святых мест. Вып. I. Одесса, 1901, с. 134.

⁴⁶⁶ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 252, л. 13.

которого в нем разместили ратников морского и сухопутного ополчения, работавших в мастерских военного порта.⁴⁶⁷

Ввиду этого настоятель монастыря с соборной братией обратились в 1917 г. в Синодальную контору с просьбой разрешить приобрести дом в Архангельске для устройства гостиницы. Как объяснялось в донесении, “все паломники, направляющиеся через Архангельск в монастырь, прежде всего являются на Соловецкое подворье, но за неимением места на подворье, приходится богомольцам отказывать в помещении и, не дав им отдохнуть с дороги, отправлять на Соломбальское подворье, отстоящее от городского за пять верст”.⁴⁶⁸ Возможно, приобретение дополнительного помещения для Соловецкого подворья в более спокойное время решило бы проблему размещения богомольцев, но события развивались не в лучшую для монастыря сторону, чтобы он мог рассчитывать на многочисленных паломников.

Немаловажную роль при привлечении паломников в Соловецкую обитель играла и литература, посвященная как непосредственно монастырю, так и в целом Соловецким островам. По заказу монастыря, с разрешения Московской Синодальной конторы, издавались многие путеводители по Соловкам, книги по истории обители и т.п.. Особенно много литературы, в основном популярной, появилось в конце 19 - начале 20 века. В 1899 году настоятель арх.Иоанникий ходатайствовал перед Синодальной конторой о разрешении издать полную историю обители, т.к. “публика постоянно заявляла требования на оную, а потому было приступлено к составлению таковой истории в двух видах, полном и сжатом, ... оба вида были отосланы для редакции в Казанскую Духовную Академию и там же отданы в цензуру, после чего возвращены с разрешением к печати.”⁴⁶⁹ Расход на издание истории предполагалось отнести за счет остатков наличных сумм от прежних лет (как обычно делалось и с другими изданиями), причем такой расход считали в монастыре “лишь оборотным расходом в буквальном смысле, т.к. эти издания, вследствие постоянных требований

---

⁴⁶⁷ Там же, л. 13 об..

⁴⁶⁸ Там же, л. 2.

⁴⁶⁹ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1899 г., д. 39, л. 1, 1об..

публики скоро разойдутся, и заимствованный капитал возвратится с процентами”⁴⁷⁰.

Получив разрешение на издание “Истории Соловецкого монастыря”, обитель на следующий год обратилась в Синодальную контору с просьбой о седьмом, исправленном и дополненном, переиздании брошюры “Руководитель по Соловецкому острову” ввиду “недостаточности имеющегося в продаже при монастыре количества экземпляров, а равно желанья дать поклонникам обители более точные и правильные путеводные сведения”⁴⁷¹. По тем же причинам несколько раз переиздавались брошюры “Подвиги Соловецкой обители”, “Соловецкие подвижники благочестия”, “О церковном почитании всех Соловецких святых мужей” и другие.

Наряду с такими общими изданиями выходила в свет и юбилейная литература о монастыре. По заказу обители, по случаю 50-летнего юбилея была напечатана “Повесть осады Соловецкого монастыря англичанами в 1854 году”⁴⁷², к 200-летию Голгофо-Распятского скита в 1912 г. “для раздачи в юбилейный день братии и богомольцам” вышло “Сказание об основании Госгофо-Распятского скита”⁴⁷³, к 50-летию соловецкого пароходства “для напечатания в правых журналах и газетах” была написана статья о монастырских пароходах и т.д..⁴⁷⁴

Гораздо больший путь, прежде чем выйти в свет, приходилось пройти составленным в обители произведениям церковного характера. Так, написанный благочинным монастыря “Акафист преподобному Елеазару Анзерскому” Синодальная контора при первом рассмотрении в 1906 г. не разрешила напечатать, т.к. “вместо обычных 12 обращений к прославляемому святому налицо только шесть, текст составлен нескладно, наименование “ангел-руководитель” не шло к преп.Елеазару” и т.п..⁴⁷⁵ Только через два года, после исправления “нескладностей” и благодаря содействию настоятеля

---

⁴⁷⁰ Там же, л. 2.

⁴⁷¹ РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1900 г., д. 55, л. 1.

⁴⁷² Там же, 1904 г., д. 99, л. 1, 1об..

⁴⁷³ РГАДА, ф. 1183, оп.1, 1912 г., д. 90, л. 3.

⁴⁷⁴ Там же, 1911 г., д. 144, л. 3; см. также: Возвращение из Англии пленного монастырского колокола в Соловецкую обитель 4 августа 1912 г.. М. 1913, Посещение Соловецкого монастыря Великой княгиней Елисаветой Федоровной в июле 1913 г.. М. 1915.

⁴⁷⁵ Там же, 1908 г., д. 48, л. 4.

Новоспасского монастыря архимандрита Бориса, отметившего, что в Соловецкой обители “богомольцы обыкновенно идут на поклонение этому подвижнику благочестия, и тут заметно ощущается пробел в молебных пениях”, акафист был разрешен к печати.

Не так удачно закончилась попытка обители в 1901 г. напечатать “Сборник поучений, произносимых в Соловецком монастыре в праздничные дни года”. По отзыву о рукописи Синодального ризничего архимандрита Палладия, “в проповедях не видно и части тех достоинств, которые требуются от печатной книги: ... почти везде бросается в глаза совершенное отсутствие плана, чувствуется неубедительность доказательств, иногда попадаются не совсем правильные мысли, везде необработанность, неправильность слога, часто неясность речи”.⁴⁷⁶ Более того, появление подобных проповедей в печати, считал Палладий, “может вызвать со стороны критики, и даже простых читателей, порицание Соловецкой обители, решающейся выступать печатно с такими проповедями, ... назидания же богомольцев в праздники вернее было бы достигнуть путем хорошего чтения в церкви поучений из печатных сборников, а не произнесением проповедей таких лиц, которые не прошли проповедческой школы”.⁴⁷⁷ Как видно, труды соловецкой братии на поприще духовной литературы были менее удачны, чем в других сферах деятельности, причиной чему, вероятно, было как действительно “отсутствие проповедческой школы” у братии, так и более строгий подход Синода и Синодальной конторы к такому рода публикациям.

Итак, все вышеприведенные факты говорят о том, что соловецкая братия не только старалась, чтобы у богомольцев осталось благоприятные впечатления об обители, но и разнообразными средствами стремилась привлечь паломников на Соловки и повысить авторитет и популярность монастыря среди православного населения.

Теперь вернемся к приходной части монастырского бюджета и представим данные за период с 1890 по 1913 гг. (таблицы № 14 и 15⁴⁷⁸), как в абсолютных

⁴⁷⁶ Там же, 1901 г., д. 165, л. 4-5.

⁴⁷⁷ Там же, л. 7об.-8.

⁴⁷⁸ Данные таблицы: РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1895, д. 116; 1896, д. 121; 1898, д. 149; 1899, д. 159; 1900, д. 163; 1901, д. 126; 1902, д. 133; 1903, д. 118; 1905, д. 108; 1907, д. 110; 1909, д. 113; 1910, д. 112; 1912, д. 160; 1913, д. 156; ф. 1201, оп. 5, ч. 2, д. 5612; РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 242.

Таблица №14. Статьи доходной части бюджета Соловецкого монастыря в 1890 - 1913 гг. (руб.)

Статьи прихода	1890 г.	1894 г.	1895 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1904 г.	1906 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Кружечный сбор	10757	12590	10881	11920	14598	17154	14692	18302	12785	9729	14763	8774	8401	11623	10050	10686	16701
Кошельковый сбор				2012	1975	1770	2102	2496	1963	1138	1576	2064	1806	2139	1862	2277	3035
Свечной сбор	13094	15393	14256	16958	18684	18961	20947	23688	20378	14127	21315	17735	16743	19258	19718	22110	26397
От продажи просфор				4777	5423	5046	6024	4898	5502	3980	5015	4769	4738	5133	4737	5092	5882
От арендных статей	6607	4348	4786	5142	4543	4726	7554	6399	7059	6962	7584	8285	8539	8693	8807	9517	13358
Проценты с капитала	19234	19521	12446	21483	20738	22150	22325	23392	22522	25247	22156	20669	23793	22000	21925	22016	22065
Пожертвования в пользу монастыря	2417	2679	3718	2343	1897	11660	4436	1931	2266	1460	1620	4231	1855	4039	1651	2253	2340
Братские доходы	35536	42936	36149	46648	48752	49187	48813	56566	56699	36272	46041	46021	42022	50213	47472	54616	57908
За проезд богомольцев:																	
на пароходах	40294	34119	29081	34579	42770	35656	45037	54827	39302	30221	56332	48025	44128	52139	49340	57084	67736
на лошадях				1780	2327	1798	2612	2991	2746	1627	3072	2785	2756	3644	3560	3299	4327
От продажи крестов, икон, братских изделий	10344	13300	11481	12390	16151	15452	17682	20441	16282	11279	15814	13536	8542	10016	16399	17078	19133
С монастырских послушаний	25145	31516	24773	30485	23639	30263	28325	30623	32755	29721	27353	19295	23586	34597	25190	31269	41403
Всего	163428	176402	147571	190517	201497	213823	220549	246554	220259	171763	222641	196189	186909	223494	210711	237297	280285

Таблица № 15. Статьи доходной части бюджета Соловецкого монастыря в 1863 - 1913 гг. (%)

Статьи прихода	1863 г.	1867 г.	1870 г.	1877 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1894 г.	1895 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1904 г.	1906 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Кружечный сбор	-	10.0%	11.2%	6.0%	7.9%	7.0%	6.6%	7.1%	7.4%	6.3%	7.2%	8.0%	6.7%	7.4%	5.8%	5.7%	6.6%	4.5%	4.5%	5.2%	4.8%	4.5%	6.0%
Кошельковый сбор	-	-	-	0.6%	0.7%	-	-	-	-	1.1%	1.0%	0.8%	1.0%	1.0%	0.9%	0.7%	0.7%	1.1%	1.0%	1.0%	0.9%	1.0%	1.1%
Свечной сбор	-	6.9%	8.3%	8.1%	9.6%	8.6%	8.0%	8.7%	9.7%	8.9%	9.3%	8.9%	9.5%	9.6%	9.3%	8.2%	9.6%	9.0%	9.0%	8.6%	9.4%	9.3%	9.4%
От продажи просфор	-	-	-	2.2%	-	2.1%	-	-	-	2.5%	2.7%	2.4%	2.7%	2.0%	2.5%	2.3%	2.3%	2.4%	2.5%	2.3%	2.2%	2.1%	2.1%
Пожертвования в пользу монастыря	-	-	-	0.6%	0.6%	0.9%	1.5%	1.5%	2.5%	1.2%	0.9%	5.5%	2.0%	0.8%	1.0%	0.9%	0.7%	2.2%	1.0%	1.8%	0.8%	0.9%	0.8%
Братские доходы	47.9%	26.8%	28.2%	23.7%	28.2%	22.3%	21.7%	24.3%	24.5%	24.5%	24.2%	23.0%	22.1%	22.9%	25.7%	21.1%	20.7%	23.5%	22.5%	22.5%	22.5%	23.0%	20.7%
За проезд богомольцев на пароходах и лошадях.	11.5%	12.9%	15.0%	10.6%	13.8%	16.9%	24.7%	19.3%	19.7%	19.1%	22.4%	17.5%	21.6%	23.5%	19.1%	18.5%	26.7%	25.9%	25.1%	25.0%	25.1%	25.4%	25.7%
От продажи крестов, икон, братских изделий	6.7%	-	4.2%	-	-	6.6%	6.3%	7.5%	7.8%	6.5%	8.0%	7.2%	8.0%	8.3%	7.4%	6.6%	7.1%	6.9%	4.6%	4.5%	7.8%	7.2%	6.8%
С монастырских послушаний	20.3%	23.3%	20.9%	24.3%	22.5%	19.1%	15.4%	17.9%	16.8%	16.0%	11.7%	14.2%	12.8%	12.4%	14.9%	17.3%	12.3%	9.8%	12.6%	15.5%	12.0%	13.2%	14.8%
От арендных статей	3.8%	4.1%	3.8%	2.7%	2.1%	2.7%	4.0%	2.5%	3.2%	2.7%	2.3%	2.2%	3.4%	2.6%	3.2%	4.1%	3.4%	4.2%	4.6%	3.9%	4.2%	4.0%	4.8%
Проценты с капитала	9.7%	15.9%	8.5%	21.2%	14.6%	13.7%	11.8%	11.1%	8.4%	11.3%	10.3%	10.4%	10.1%	9.5%	10.2%	14.7%	10.0%	10.5%	12.7%	9.8%	10.4%	9.3%	7.9%
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
От отправления религиозного культа	48%	46%	50%	43%	49%	43%	40%	44%	46%	44%	45%	49%	44%	44%	45%	39%	41%	43%	40%	41%	41%	41%	40%
От хозяйства и торговли	39%	34%	38%	33%	34%	41%	44%	43%	42%	42%	42%	39%	42%	44%	41%	42%	46%	43%	42%	45%	45%	46%	47%
От операций с имуществом	13%	20%	12%	24%	17%	16%	16%	14%	12%	14%	13%	13%	14%	12%	13%	19%	13%	15%	17%	14%	15%	13%	13%

числах, так и относительных (включая 60-80 годы). Все статьи прихода по роду поступления денежных сумм можно разделить на несколько видов: 1) доходы от отправления религиозного культа (кружечный и кошелевый сборы, от продажи свеч, просфор, братские доходы, пожертвования в пользу монастыря); 2) доходы от хозяйственной деятельности и торговли (за проезд богомольцев на пароходах и лошадях, от продажи икон, книг и братских изделий и с монастырских послушаний) и 3) доходы от операции с имуществом (проценты с капитала и от арендных статей).

Как видно из представленных таблиц, с 1863 по 1913 гг. приходящие суммы возросли почти в три раза, капитал монастыря за это время увеличился в два раза (1863 г. - 232223 руб., 1913 г. - 497313 руб.). Доходы, связанные с отправлением религиозного культа, составляли в отдельные годы около половины всех денежных поступлений обители. Кружечный и кошелевый сборы не превышали 10%, причем кошелевый сбор неизменно равнялся 1%, а кружечный колебался от 4 до 9%, составляя в среднем 6-7% дохода (за 1867 и 1870 гг. к кружечному сбору, кроме кошелевого, присоединены и пожертвования в пользу монастыря, которые, судя по другим годам, не опускались ниже 1% дохода, поэтому действительный кружечный сбор в 1867 и 1870 гг. составлял, соответственно, не более 8 и 9%). В целом, не заметно, чтобы доля этих статей прихода сильно повышалась или понижалась за рассматриваемый период, пожалуй, только с 1908 по 1912 гг. понизилась до 5-6%, но в 1913 году опять поднялась до среднего значения - 7%. Доходы от продажи свеч также представляли собой довольно постоянную величину 9%, фактически не отклоняясь от нее более, чем на 1% (наименьшее значение - 7% в 1867 году). Пожертвования в пользу монастыря, как правило, не превышали 1-2%, увеличение же этого вида дохода в 1895 и 1899 г. произошло, вероятно, благодаря единовременным крупным пожертвованиям, которые случались довольно редко и скорее были исключением, нежели правилом.

Практически не менялась с 1897 по 1913 гг. и доля доходов от продажи просфор, равняясь 2-3%. До 1897 года суммы по этой статье присоединялись к поступлениям "с монастырских послушаний", хотя по сути своей относились к церковным доходам. Поскольку доля "просфорных" доходов в приходной части

бюджета с конца 19 в. была довольно стабильной, то будет вполне оправданно экстраполировать данные по этому виду дохода на период с 1867 по 1895 гг. (кроме 1863 г., где “просфорные” доходы вошли в братские), взяв за минимальное значение 2%, и соответственно отняв с 1867 по 1895 гг. эти 2% из доходов “с монастырских послушаний”.

Наибольшее место в доходах от отправления религиозного культа занимали доходы от церковных служб, или братские, составляя от 21 до 28% всего прихода. С 90-х годов прошлого века заметно некоторое понижение доли братских доходов - на 3-4% - по сравнению с более ранним периодом, хотя, может быть, не совсем правомерно будет принять такое понижение за общую тенденцию, поскольку данные по 60-80 гг. представлены не так полно, как за последующие годы, и не позволяют более тонко определить направление изменений.

В целом, с 1863 по 1913 гг. доходы от отправления религиозного культа приносили обители от 40 до 50% всех поступающих сумм, составляя в среднем 45% прихода. С 1904 года доля этих доходов несколько снизилась, до 41%, главным образом, за счет относительного уменьшения кружечного сбора и братских доходов.

Обратимся теперь к доходам от хозяйства и торговли. Прежде всего, нужно отметить довольно стабильное увеличение доли доходов с монастырского пароходства, с 11% в 1863 г. до 24% в 1913 году. За 1890, 1894 и 1895 гг. в статью “за проезд богомольцев на пароходах” вошли и суммы, полученные за провоз на лошадях, поскольку в отчетности за эти годы вышеозначенные доходы не разделялись, а показывались вместе. В остальные годы - 1867, 1870, 1877, 1880 - доход за провоз на лошадях включен в статью “с монастырских послушаний”.

Статья прихода “от продажи крестов, икон и братских изделий” составляла от 4 до 8%, в среднем 7%, и практически не изменялась в сторону уменьшения или увеличения. С конца 1890-х годов заметно снижение доли доходов с монастырских послушаний: до 1897 г. среднее значение⁴⁷⁹ равнялось 18% (за 1867, 1877, 1880 гг. в статью вошли и доходы от продажи крестов, книг,

---

⁴⁷⁹ Имеется ввиду среднеарифметическая величина.

братских изделий, за вычетом которых - 7% - доля денежных поступлений с монастырских послушаний в эти годы составит, соответственно, приблизительно 16, 18 и 16%), а после 1897 года - 13%.

В общем, доля доходов от хозяйства и торговли с 1863 по 1913 гг. постепенно увеличивалась - достигнув к 1913 году 47% - главным образом, за счет пароходства, которое покрывало даже относительное снижение поступлений с монастырских послушаний.

И, наконец, доходы от арендных статей и в виде процентов с капитала не превышали в среднем 14-15 % всего прихода, лишь в отдельные годы поднимаясь до 20 или 24%. Наиболее сильно менялась доля процентов с капитала, от 8 до 22%. Снижение процентов с капитала было связано либо с конверсией ценных бумаг, либо с уменьшением самого капитала, который тратился на “экстраординарные расходы”: приобретение пароходов, оборудования и т.п.. Больше всего доходов по этой статье, 27329 руб. или 22% прихода, пришлось на 1877 год, когда, кроме процентов с капитала в размере 22329 руб., при покупке за наличную сумму в Государственном банке 40 тысячрублевых свидетельств на облигации Восточного займа 1877 года обитель получила еще пять таких свидетельств в качестве уплаты процентов по займу. В результате этой операции доходы от статьи “проценты с капитала”, по которой проходили облигации Восточного займа на 5 тысяч рублей, и достигли такой высокой суммы.

Итак, монастырь получал примерно равные доходы как от отправления религиозного культа, так и от собственных хозяйственных заведений и торговли. Менее всего, около 14% доходов в бюджете обители приходилось на долю процентов с капитала и от арендных статей. Относительно первых двух видов доходов можно отметить, что за рассматриваемый период эти доходы как бы поменялись местами в структуре бюджета: в 60-70 годах доходы от отправления религиозного культа почти на 10% превышали доходы от хозяйства и торговли, к 90-м годам разницы между ними значительно сократилась, практически уравнив оба вида доходов, а с начала 20 века “хозяйственные” доходы стали понемногу, но неуклонно доминировать над “религиозными”, в итоге в 1913 году разница между ними достигла 7%. Доля “хозяйственных”

доходов возросла благодаря увеличению поступлений от парходства, приносившим в начале века почти четверть всех приходящих сумм

Теперь остается рассмотреть, на что обитель тратила свои доходы. Для удобства анализа монастырских расходов представим данные за разные годы в виде таблиц, аналогичных таблицам по приходу (Таблицы № 16 и 17⁴⁸⁰). Прежде чем обратиться непосредственно к структуре расходной части бюджета, дадим небольшие пояснения, что представляли собой те или иные статьи расхода.

В статью “на содержание церквей” входили затраты на покупку материалов для свечной мастерской, деревянного масла, ладана, церковного вина, муки для просфор, на выписку для библиотеки книг и периодических изданий, а также церковной утвари, материалов на церковно-богослужебные одежды и прочие церковно-ризные принадлежности. На суммы, выделяемые на содержание монастырских зданий, приобретались материалы для мелочных строительных и ремонтных работ, отопление помещений на монастырском подворье в Архангельске и освещение зданий, уплачивались налоги с недвижимых имуществ и страховка; причем не менее трети средств, проходивших по этой статье, предназначались только для нужд подворий в Архангельске.

Статья “на иконы и товары для продажи” включала расходы на покупку крестов, икон, образов для продажи богомольцам, а также “колониальных”, бакалейных и других товаров для расходческой лавки и звериного сала. Сюда же входили и затраты на издание различной литературы о монастыре. Домохозяйственные расходы шли на приобретение материалов для мастерских, земледельческих работ, училища, живописной школы и медикаментов для больницы. Помимо текущих расходов по хозяйству к этой статье присоединены и “экстраординарные”: на покупку материалов для капитального ремонта, приобретение турбинной мельницы, устройство электрического освещения и т.п..

Все статьи расхода, подобно приходу, можно объединить в несколько основных групп: 1) церковные расходы, т.е. статья “на содержание церквей”, 2) содержание братии и богомольцев (на трапезу, покупку посуды и белья, одежду

---

⁴⁸⁰ См. Источники к таблицам № 11 и 12.

Таблица № 16 Статьи расходной части бюджета Соловецкого монастыря в 1863-1913 гг. (руб.)

Статьи расхода	1863 г.	1867 г.	1870 г.	1877г.	1885 г.	1890 г.	1894 г.	1895 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1904 г.	1906 г.	1908 г.	1909 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.*
На содержание церквей	7000			5106	14638	7937	10287	8598	11114	13916	13483	15779	15949	16091	16200	13835	14051	10881	12345	13311	12550
На содержание монастырских зданий	4550	4834	4848		11007		11500	11094	9697	11674	10207	11275	11770	10048	11974	11184	6787	8585	9699	8652	9382
Кружечное награждение братии	10476	10968	12374	11526	12596	12612	12603	12697	15000	15000	15000	15500	16000	16300	16600	16600	17248	17000	18000	18000	18000
Плата рабочим и лицам, нанимаемым за жалованье	7430	3031	2658	5349	7185	7881	7874	7457	8344	8809	9747	10199	11298	11506	14873	12001	13757	14446	15608	20408	20692
На содержание столов, покупку посуды и белья	31085			38287	49353	46812	47128	47724	46788	51137	64088	61193	69787	68085	58176	65229	61955	74174	63269	68225	68300
На покупку одежды и обуви	5280			8330	10336	11952	16525	17078	18274	16907	18512	17292	17960	17897	16721	15973	19296	18976	20470	19993	20000
На содержание и ковку лошадей	2854			3500	6320	5746	7091	7010	8135	7090	9516	7480	8119	7222	8822	8657	9315	8809	8289	8285	8300
Пособия	702	2199	2000	9140	3200	4719	6235	7584	4783	4000	13501	14800	13921	13955	9102	8875	8900	8736	10176	8452	7255
На парходство и судостроение	7809	868	1017	5405	13882	12803	10419	9960	17734	9936	19019	28402	38735	56949	18936	16521	16154	15436	15098	19496	17500
Путевые и почтовые расходы	2714	616	787	5575	4714	5398	7332	9751	8780	10188	6589	9743	8134	8391	8230	4645	5774	5793	6339	7112	6425
На покупку икон и товаров для продажи	9000			9284	12826	10382	12510	15417	17702	14391	15122	18636	15234	15889	15992	13988	12955	13993	14982	17495	12000
Домохозяйственные расходы	3083	56287	67369	13083	8113	15591	7092	7189	7434	7627	7143	6993	12239	6940	6948	6857	10791	6823	16281	20802	6132
Итого	91963	78803	91051	114585	154170	141833	156396	161559	173785	170675	201907	217292	239144	249073	202374	194365	196983	203632	210556	230231	206536

Таблица № 17. Статьи расходной части бюджета Соловецкого монастыря в 1863-1913 гг. (%)

Статьи расхода	1863 г.	1867 г.	1870 г.	1877г.	1885 г.	1890 г.	1894 г.	1895 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1904 г.	1906 г.	1908 г.	1909 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
На содержание церквей	7.6%	#	#	4.5%	9.5%	5.6%	6.6%	5.3%	6.4%	8.2%	6.7%	7.3%	6.7%	6.5%	8.0%	7.1%	7.1%	5.3%	5.9%	5.8%	6.1%
На содержание монастырских зданий	4.9%	6.1%	5.3%	#	7.1%	#	7.4%	6.9%	5.6%	6.8%	5.1%	5.2%	4.9%	4.0%	5.9%	5.8%	3.4%	4.2%	4.6%	3.8%	4.5%
Кружечное награждение братии	11.4%	13.9%	13.6%	10.1%	8.2%	8.9%	8.1%	7.9%	8.6%	8.8%	7.4%	7.1%	6.7%	6.5%	8.2%	8.5%	8.8%	8.3%	8.5%	7.8%	8.7%
Плата рабочим и лицам, нанимаемым за жалование	8.1%	3.8%	2.9%	4.7%	4.7%	5.6%	4.9%	4.6%	4.8%	5.2%	4.8%	4.7%	4.7%	4.6%	7.3%	6.2%	7.0%	7.1%	7.4%	8.9%	10.0%
На содержание столом, покупку посуды и белья	33.8%	#	#	33.4%	32.0%	33.0%	30.1%	29.5%	26.9%	30.0%	31.7%	28.2%	29.2%	27.3%	28.7%	33.6%	31.5%	36.4%	30.0%	29.6%	33.1%
На покупку одежды и обуви	5.7%	#	#	7.3%	6.7%	8.4%	10.6%	10.6%	10.5%	9.9%	9.2%	8.0%	7.5%	7.1%	8.3%	8.2%	9.8%	9.3%	9.7%	8.7%	9.7%
На содержание и ковку лошадей	3.1%	#	#	3.1%	4.1%	4.1%	4.5%	4.3%	4.7%	4.2%	4.7%	3.4%	3.4%	2.9%	4.4%	4.5%	4.7%	4.3%	3.9%	3.6%	4.0%
Пособия	0.8%	2.8%	2.2%	8.0%	2.1%	3.3%	4.0%	4.7%	2.8%	2.3%	6.7%	6.8%	5.8%	5.6%	4.5%	4.6%	4.5%	4.3%	4.8%	3.7%	3.5%
На пароходство и судостроение	8.5%	1.1%	1.1%	4.7%	8.0%	9.0%	6.7%	6.2%	10.2%	5.8%	9.4%	13.1%	16.2%	22.9%	9.4%	8.5%	8.2%	7.6%	7.2%	8.5%	8.5%
Путевые и почтовые расходы	3.0%	0.8%	0.9%	4.9%	3.1%	3.8%	4.7%	8.0%	5.1%	6.0%	3.3%	4.5%	3.4%	3.4%	4.1%	2.4%	2.9%	2.8%	3.0%	3.1%	3.1%
На покупку икон и товаров для продажи	9.8%	#	#	8.1%	8.3%	7.3%	8.0%	9.5%	10.2%	8.4%	7.5%	8.6%	6.4%	6.4%	7.9%	7.2%	6.6%	6.9%	7.1%	7.6%	5.8%
Домохозяйственные расходы	3.4%	71.4%	74.0%	11.4%	5.3%	11.0%	4.5%	4.4%	4.3%	4.5%	3.5%	3.2%	5.1%	2.8%	3.4%	3.5%	5.5%	3.4%	7.7%	9.0%	3.0%
Итого	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%
На содержание братии и богомольцев	51%	14%	14%	51%	47%	50%	49%	48%	46%	49%	48%	43%	43%	41%	45%	50%	50%	54%	48%	46%	51%
На хозяйство	26%	77%	79%	29%	26%	33%	25%	26%	29%	26%	26%	29%	33%	37%	28%	25%	28%	25%	29%	33%	29%

и кружечное вознаграждение), 3) на хозяйство (на монастырские здания, парходство, домохозяйственные, путевые, почтовые, канцелярские расходы, зарплату рабочим, содержание лошадей), 4) на торговые операции (покупка икон, книг и различных товаров в расходческую лавку) и 5) пособия.

Посмотрим, какое место занимала каждая группа расходов в бюджете обители и как менялась структура расходной части в течение рассматриваемого периода.

Наиболее скромное место в расходе, в среднем 4%, занимали временные и постоянные пособия, которые обитель выплачивала как по собственной инициативе, так и по предписанию Синодальной конторы. На выплату постоянных пособий, назначенных, как правило, по указу Синодальной конторы, уходило около 90% сумм, проходящих по этой статье. Из временных пособий больше всего было выплачено в 1877 году, 6 тысяч рублей, которые пошли на “военные и санитарные издержки”. В целом, эта статья расходов постепенно возрастала. В 1900 г. монастырь выплатил на пособия в 20 раз, а в 1913 г. - в 10 раз больше, чем в 1863 году. Как уже отмечалось в разделе “Ведение бухгалтерского учета”, в начале 20 века обитель даже просила освободить её от выплаты части пособий, но Синодальная контора отклонила эту просьбу.

Практически не изменялась в бюджете монастыря доля церковных расходов, составляя в среднем около 7%, не отклоняясь от этого значения более, чем на 2%.⁴⁸¹ Довольно стабильными были и расходы на торговые операции, равнясь 7-10%.

Почти половину расходов составляли затраты на содержание братии и богомольцев. Больше всего, 27-36%, уходило на столовое содержание населения монастыря и паломников. Обычно обитель покупала продовольствие в Архангельске, куда с началом навигации с этой целью приезжали 2-3 закупных монаха. В начале 60-х годов, с ростом числа братии и паломников, “на трапезу” стали расходоваться десятки тысяч рублей, что заставило монастырское

---

⁴⁸¹ За 1867 и 1870 гг. не удалось установить величину церковных расходов, поскольку в “Ведомостях о приходе и расходе” за эти годы расходы на содержание церкви объединялись с

начальство предпринять “более выгодные меры” при закупках продовольствия. Как отмечалось на одном из заседаний конторы монастыря осенью 1864 г., “необходимые товары, закупаемые в большом количестве: мука, рожь, овес, крупы, сукно и т.п., хотя и покупаются в Архангельске, но у вятских купцов, которые продают по ценам для них не безвыгодным, какие установятся самими купцами смотря по мере привоза и требования товаров, и нередко цены возвышаются до крайней степени дороговизны, собственно от малого привоза тех товаров, которые требуется бывают”.⁴⁸² На этом же заседании конторы было принято решение командировать закупных монахов в Вятскую губернию, “для закупки нужных товаров на месте их производства”, и в Казань “для собрания сведения от тамошних торговых лиц о товарах, которые идут из тех мест (мука крупчатка, горох, крупы)”.⁴⁸³ На первый раз больших закупок продовольствия в этих городах сделано не было, поскольку, как оказалось, многие товары выгоднее было покупать в Архангельске (например, пуд ржаной муки в г.Слободском Вятской губернии стоил 60 коп., а в Архангельске - 62 коп.⁴⁸⁴), но со временем торговые связи налаживались, и, как показывают прихода-расходные книги, обитель стала закупать часть хлебных припасов и различных продуктов в Нижнем Новгороде, Вологде, Казани, Москве и других городах.

Помимо хлебных припасов, в довольно больших количествах монастырь закупал и рыбу. Мясо домашних животных, как правило, шло на питание наемных рабочих, трапеза же монашествующей братии и трудников состояла, в основном, из рыбных блюд. По подсчетам П.Ф.Федорова, “безрыбных дней в году было от 87 до 99, в остальные дни года в меню всегда присутствовали щи или суп из рыбы, “сушиха”, и холодное из трески с квасом”.⁴⁸⁵ Сам монастырь практически рыбы не ловил, кроме сельдей, а покупал на Мурманском берегу, что было более выгодно.⁴⁸⁶ Обычно в начале лета для покупки рыбы из обители

расходами на трапезу, на покупку одежды, товаров для продажи, на содержание лошадей, и показывались одной статьей “на заготовку годовой пропорции хлеба, вещей и материалов”.

⁴⁸² РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 791, л. 2.

⁴⁸³ Там же, л. 3.

⁴⁸⁴ Там же, л. 23.

⁴⁸⁵ Федоров П.Ф. Указ. соч., с. 230.

⁴⁸⁶ Как показано в работе А.М.Борисова, в 17 веке монастырь большое внимание уделял развитию рыбного промысла, который не только полностью обеспечивал потребности обители в рыбных продуктах, но и приобрел большой товарный характер. - Указ. Соч., с. 170.

отправлялась шхуна "Св.Николай", на которой находились 1-2 инока и 6-7 наемных рабочих. Рыбу частично покупали за деньги, частично за продукты и материалы, которые везли из монастыря. Так, в 1867 году требовалось купить 4500 пудов соленой трески, 150 пуд. семги и около 100 пуд. палтосины, на это было выдано 1800 рублей и погружено на судно 1100 пуд. соли, 200 пуд. ржаной муки, 54 пуда различных круп, 2 пуд. скоромного масла, 3000 шт. спичек, пуд гвоздей, стеклины, пряжа, пенька, свинец и 6800 шт. удочек.⁴⁸⁷ По инструкции из монастыря, рыбу следовало покупать у "известных промышленников свежую, солить самим и погружать в судно".⁴⁸⁸ Нередко "промышленникам" обитель выдавала аванс под расписку, что они будут доставлять рыбу на соловецкую шхуну.

Как уже говорилось, Соловецкий монастырь в течение трех дней кормил богомольцев и давал каждому желающему на обратную дорогу три фунта ржаного хлеба. Попытаемся выяснить, хотя бы приблизительно, во что обходилось монастырю пропитание паломников и братии с годовыми богомольцами. Для этого представим следующие соображения: обозначим число паломников буквой *n*, братию и трудников - *x*, наемных рабочих - *y*, монастырь кормил *n* человек 3 дня, или 1 день - 3*n* чел., сверх этого - 365 дней *x* чел., или 1 день - 365*x* чел., и 153 дня, с мая по сентябрь, *y* чел., или 1 день - 153*y* человек. Полученные в результате цифры помогут сопоставить затраты на "содержание столом" монастырского населения и на пропитание паломников. К сожалению, сведения о числе трехдневных богомольцев сохранились, главным образом, с 1890 по 1913 год, за более ранний период удалось восстановить данные только за 1863 и 1885 гг.. Представим эти данные в виде следующей таблицы:

Таблица № 18. Стоимость суточного питания в Соловецком монастыре в 1863-1913 гг.⁴⁸⁹

Год	Братия	Трудники	Рабочие	Паломники	На трапезу, руб.	На 1 чел. в день, руб.	На братию	На трудников	На рабочих	На паломников
1863	220	450	187	7000	31065	0.11	27%	56%	10%	7%

⁴⁸⁷ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 803, л. 1-7.

⁴⁸⁸ Там же, л. 49.

⁴⁸⁹ См. источники к таблицам № 11 и 12.

1885	228	570	150	12000	49353	0.14	24%	59%	7%	10%
1890	230	601	170	15258	46812	0.12	22%	58%	7%	12%
1895	263	662	150	16450	47724	0.12	23%	59%	6%	12%
1897	289	830	161	16170	46788	0.10	22%	63%	5%	10%
1898	302	800	170	21000	51137	0.10	22%	59%	5%	13%
1899	284	760	161	20000	64068	0.14	22%	60%	5%	13%
1900	281	796	160	22000	61193	0.13	21%	60%	5%	14%
1901	278	786	160	23000	54533	0.11	21%	60%	5%	14%
1902	313	760	166	19500	68085	0.14	24%	58%	5%	12%
1904	356	650	164	15000	58176	0.13	30%	54%	6%	10%
1906	346	709	165	22000	65229	0.14	27%	54%	5%	14%
1908	346	703	142	18000	61955	0.14	28%	56%	5%	12%
1909	335	703	150	16000	74174	0.16	27%	57%	5%	11%
1911	334	686	136	19000	63269	0.14	27%	56%	5%	13%
1912	348	739	115	20140	68225	0.14	27%	57%	4%	13%
1913	368	712	135	22940	68300	0.14	28%	54%	4%	14%

Как показывает таблица, больше половины закупаемого монастырем продовольствия уходило на питание годовых богомольцев, а с увеличением их числа в 1897-1901 гг. до 800 и более человек трудники стали “съедать” от 59 до 63% всех предназначенных для трапезы продуктов. Даже если сделать скидку на то, что трапеза трудников, так называемая “нижняя”, была несколько скромнее братской, “верхней”, трапезы, тем не менее вряд ли на питание трудников приходилось менее 50% продовольствия, предназначенного “для содержания столом монашествующей братии, рабочих, богомольцев-трудников и поклонников”. В среднем, около четверти продовольствия шло на трапезу монашествующих и послушников, хотя в начале 20 века с увеличением братии этот показатель вырос до 27-28%. Относительно мало обитель тратила на “содержание столом” наемных рабочих, причем постепенно “доля” рабочих уменьшилась с 10 до 4%.

Немного уходило и на трапезу трехдневных богомольцев, приносивших монастырю основные доходы. И даже, когда число паломников увеличивалось до 22-23 тысяч, они “съедали” всего на 2-3% больше продуктов, чем 12-16 тысяч человек. В целом, за период с 1863 по 1913 гг. можно отметить, что доля продуктов, которая шла на трапезу более менее постоянного населения монастыря - братии, трудников и рабочих - постепенно уменьшалась, а на трапезу паломникам - увеличивалась: в 1863 г. пропитание трехдневных

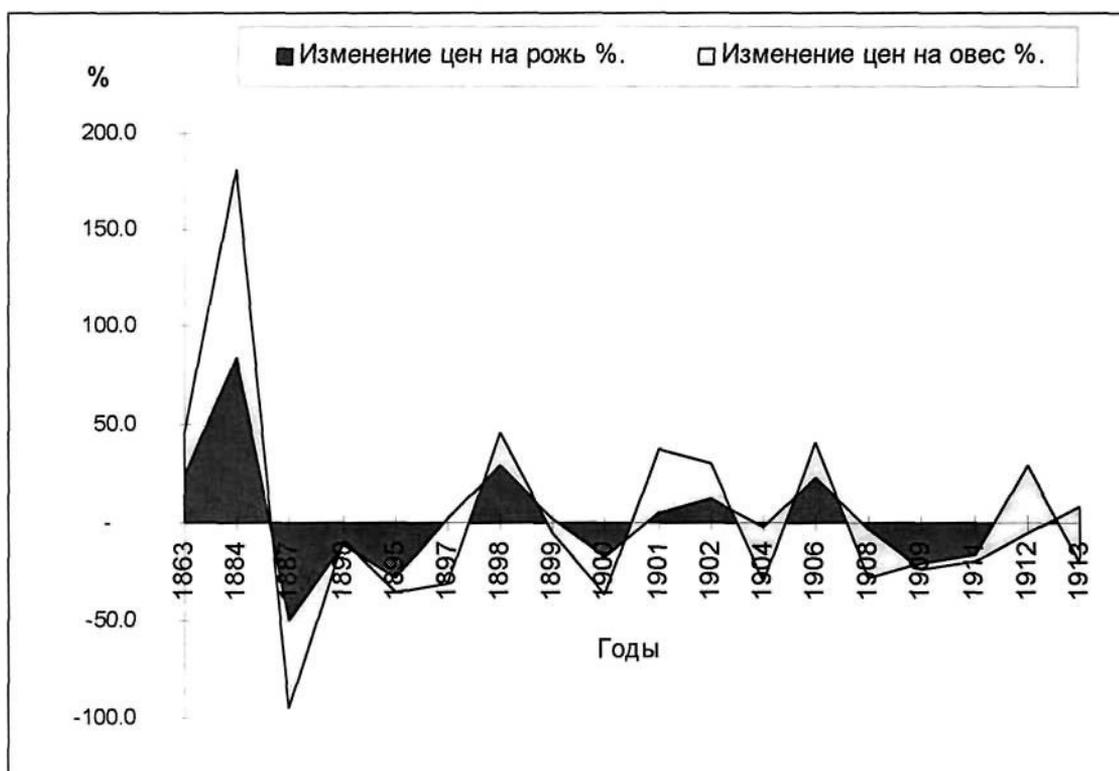
богомольцев стоило приблизительно в 12 раз дешевле пропитания населения монастыря, а в 1913 г. - в 7 раз.

Покупаемое монастырем продовольствие, как правило, не полностью уходило на трапезу братии, трудникам, рабочим и паломникам, небольшая часть этих продуктов обычно продавалась (помимо расходческой лавки). Вырученные от такой продажи деньги записывались на приход по статье “с монастырских послушаний”. В 1863 году “съестных припасов”: ржаной муки, крупчатки⁴⁹⁰, ячменя, ржи, разных круп, масла, рыбы, соли и т.л., - было продано на 8353 руб., в 1870 г. - на 9469 руб., 1890 г. - 5735 рублей.⁴⁹¹ К сожалению, за остальные годы установить, на какую сумму продали продовольствия, весьма затруднительно, поскольку в бухгалтерских документах это не указывалось, а в общих отчетах лишь отмечалось, что в “сумму, израсходованную на провизию для трапезы заключена и выручка от продажи съестных припасов разным лицам”, а отдельно эта выручка не показывалась. Учитывая это обстоятельство, следует сказать, что показанные в таблице данные о том, сколько обитель в среднем тратила на дневное питание одного человека, представляют собой не реальные затраты (хотя и довольно близкие к реальным), а скорее максимальную сумму, в которую могло обойтись питание одного человека в течение суток. Результаты расчетов, конечно, довольно приблизительны, поскольку разные группы населения монастыря питались по-разному: “верхней” (лучшей) трапезой пользовалась монашествующая братия, “низшей” - богомольцы, и “рабочей” - наемные рабочие. Таким образом, полученные значения могут быть просто результатом изменения соотношения между этими “видами” трапез (т.е. с увеличением монашествующей братии росли расходы на “верхнюю” трапезу, соответственно, уменьшая долю расходов на “нижнюю” и “рабочую” трапезы). Поэтому для оценки верности сделанных расчетов мы сравнили изменения расходов, идущих на монастырскую трапезу, с изменениями цен на рожь и овес⁴⁹² (которые обитель покупала в наибольшем объеме по сравнению с другими продуктами) за период с 1863 по 1913 гг., представив эти изменения в виде диаграмм:

---

⁴⁹⁰ Крупчатка - пшеничная мука самого тонкого размола.

⁴⁹¹ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 787, л. 161; оп. 5, ч. 2, д. 5570, л. 11; д. 5612, л. 592.

Оказалось, что кривая изменения цен практически идентична кривой изменения расходов, идущих на монастырскую трапезу. Следовательно, уменьшение или увеличение расходов на дневное питание одного человека объясняется скорее всего влиянием цен на рынке, нежели изменением соотношения долей разных “видов” трапез, что подтверждает верность сделанных в таблице расчетов.

В общем, объемы закупок продовольствия увеличивались пропорционально росту числа населения Соловецкого монастыря и паломников. Несколько расширился ассортимент продуктов, хотя основной набор “съестных припасов” оставался постоянным: рожь, ржаная мука, ячмень, овес, крупы,

⁴⁹² Свод товарных цен на главных рынках России. 1890-1896 гг. СПб., 1897, с. II; Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за 1913 год. Пг., 1914, с. 5-9.

масло, рыба. Это видно при сравнении данных о продовольственных закупках за 1863 и 1900 годы (таблица № 19⁴⁹³). Число пользующихся монастырской трапезой увеличилось в 1900 г., по сравнению с 1863 г., в 1,6 раза. Возрос и объем закупаемых продуктов: ржаной муки и ржи⁴⁹⁴ - в 1,4 раза, овса - в 1,9 раз (овес шел не только на корм лошадям, но и перерабатывался в толокно - толченую, немолотую муку - и овсяную крупу), крупчатки первого сорта - в 1,6, второго - в 1,8 раз, почти с 2,3 раза купили больше гречневой и пшенной круп, сухой трески, в 1,6 раза разных видов масла и в 1,8 рыбы. Вдобавок к собственному урожаю в 1900 г. пришлось купить капусту, огурцы, яйца. Остальные продукты, которые не закупали в 1863 году, принципиально не меняли монастырский рацион, а лишь несколько разнообразили его в церковные праздники.

Следующая статья в этой группе расходов, “на покупку одежды и обуви для братии и трудников”, составляла в среднем 8,5% всего расхода, причем с 90-х годов, с увеличением числа монашествующих и годовых богомольцев, этот показатель все чаще стал приближаться к 10%. Порядок закупок одежды и обуви принципиально не отличались от закупок продовольствия. Приобретались как готовые изделия (в основном, верхняя одежда и обувь), так и просто ткани и материалы, которые нередко отдавали окрестным жителям для шитья рубашек, портков и башмаков для братии и трудников. Так, в 1863 г. для монастыря было сшито 753 холщовых и полотняных рубашек (за шитье одной рубашки обитель платила от 6 до 10 копеек), 780 портков (по 4 коп.) и 276 кожаных и плетеных башмаков (от 15 до 48 коп).⁴⁹⁵

Наконец, доля кружечного вознаграждения братии, по мере роста доходов обители, с середины 80-х годов уменьшилась, по сравнению с 60-70 годами, на 3-5%, и равнялась в начале 20 века 7-8% расхода.

В целом, на содержание братии и богомольцев уходило в разные года от 41 до 51% всех расходных сумм, в среднем 47%. За рассматриваемый период доля этой группы расходов представляла собой довольно стабильную величину, не проявляя особой тенденции к увеличению или уменьшению. Относительное

⁴⁹³ Данные таблицы: РГАДА, ф. 1183, оп. 1, 1901, д. 126; ф. 1201, оп. 4, д. 788.

⁴⁹⁴ Из одного пуда ржи получалось в среднем 0,8 пуда ржаной муки.

⁴⁹⁵ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 787, л. 1-141.

**Таблица № 19. Объемы закупок
продовольствия в 1863 и 1900 годах.**

Наименование	1863 г.		1900 г.	
	Объем (пуды).	Сумма	Объем (пуды).	Сумма
<i>На трапезу братии и богомольцам</i>				
мука ржаная	6 100	5 795 р.	20 650	15 440 р.
рожь	13 923	11 715 р.	4 130	3 208 р.
ячмень	2 340	2 278 р.	1 523	1 256 р.
овес	4 950	2 565 р.	11 798	6 688 р.
толокно	68	94 р.	48	52 р.
крупчатка 1 сорт	1 500	3 515 р.	2 500	6 250 р.
крупчатка 2 сорт	945	1 835 р.	1 750	4 156 р.
горох	248	342 р.	250	338 р.
крупя овсяная	500	575 р.	525	474 р.
гречневая	328	461 р.	760	1 012 р.
пшеничная	460	689 р.	1 050	1 470 р.
ядрушка	50	60 р.	-	-
вермишель	-	-	53	201 р.
треска сухая	100	235 р.	227	1 070 р.
соль	4 641	966 р.	2 508	793 р.
масло подсолнеч.	44	299 р.	381	1 785 р.
конопляное	405	2 025 р.	171	889 р.
скоромное	130	825 р.	394	3 871 р.
треска сол.	3 425	1 624 р.	500	650 р.
треска свежая	-	-	4 100	5 100 р.
палтусина	246	481 р.	926	4 360 р.
семга	257	354 р.	183	1 066 р.
пикшуя	-	-	1 574	705 р.
навага	65	52 р.	-	-
рис	13	57 р.	50	196 р.
чай	2 цыб.	-	5 цыб.	718 р.
сага	-	-	16	83 р.
пшеница	-	-	10	14 р.
яйца	-	-	12300 шт	169 р.
семга соленая	-	-	83	956 р.
уксус	149 вед	149 р.	113 вед	125 р.
хрен	6	36 р.	12	48 р.
огурцы соленые	-	-	18800 шт	156 р.
сахар	-	-	92	592 р.
апельсины	-	-	50 шт	5 р.
лимон	-	-	30 шт	2 р.
сайды сухой	-	-	60	217 р.
капуста свежая	-	-	2 404	1 613 р.
капуста рубленая	-	-	100	120 р.
визига	11	60 р.	3	32 р.
икра паюсная	1	33 р.	2	128 р.
<i>Для расходческой лавки</i>				
масло деревянное	-	-	50	525 р.
сахар	125	1 340 р.	327	2 016 р.
изюм	5	37 р.	15	71 р.
цикорий	2	11 р.	4	17 р.
мед	30	181 р.	21	141 р.
кренделя	34	122 р.	142	313 р.
сухари	-	-	22	156 р.
пастила	-	-	2	20 р.
соломка	-	-	1	8 р.
печенье	-	-	1	7 р.
мармелад	-	-	1	13 р.
карамель	-	-	22	182 р.
ягод винных	1	0 р.	3	20 р.
пряники	11	71 р.	42	126 р.
орехи залитные	-	-	1	10 р.
орехи испанские	-	-	7	48 р.
орехи кедровые	-	-	9	54 р.
рожки	2	9 р.	14	39 р.
чай	8 цыб.	-	17 цыб.	2 500 р.
лимоны	-	-	1020 шт	40 р.
апельсины	-	-	300 шт	20 р.
монгасье	-	-	4	50 р.
миндаль	1	14 р.	-	-

уменьшение доли этих расходов в 1900-1904 гг. вызвано “экстраординарными” хозяйственными расходами: на пароходство, покупку различного оборудования и т.п..

На втором месте, после расходов на содержание братии и богомольцев, стояли расходы на монастырское хозяйство, равняясь в среднем 28%. На содержание монастырских зданий приходилось в среднем около 5% расхода, на путевые и почтовые расходы - 3,5%, на содержание лошадей - 4%. Плата наемным рабочим и нанимаемым за жалованье лицам составляла в 1863 и 1912 гг. фактически одинаковую долю расхода - 8,1 и 8,9% соответственно, в промежутке же между этими годами доля этого вида расхода была почти наполовину ниже. Наиболее низкие значения - 3,8 и 2,9% - относятся к 1867 и 1870 гг.. В приходе-расходных ведомостях за эти годы есть статья расхода “на наем работников”, которая, скорее всего, включала только расходы на зарплату наемным рабочим, а жалованье “вольнонаемным служащим” (составлявшее не менее половины всех выплат), проходило, вероятно, по статье “на хозяйство, заготовку, продовольствия, материалов и вещей”, чем и можно объяснить необычайно низкие затраты на плату рабочим и вольнонаемным в эти годы. С 1904 года, “в виду повышения в цене рабочего труда”, доля расходов на зарплату стала постепенно расти, и по смете 1913 г. на эту статью планировалось выделить уже 10% расходных сумм.⁴⁹⁶

Текущие расходы на пароходство и судостроение равнялись, как правило, 7-9% , если же требовался капитальный ремонт пароходов или что-то в этом роде, то расходы на пароходство возрастали в 2-3 раза, как, например, в 1900-1902 гг., когда переделывался п/х “Вера”. Домохозяйственные расходы в среднем составляли около 5%. По причине того, что за 1867 и 1870 гг. не удалось выделить некоторые статьи расхода, то в домохозяйственные расходы вошли и затраты на покупку продовольствия, одежды, икон, книг и товаров для продажи. Поэтому данные по этой статье за 1867 и 1870 гг. не были использованы при подсчетах, а даны скорее в качестве общих сведений. За другие два года, 1877 и 1890, к домохозяйственным расходам присоединена статья “на содержание монастырских зданий”, за счет чего доля этих расходов

---

⁴⁹⁶ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 242, л. 9.

увеличилась до 11%. В 1911 и 1912 годах значительных затрат потребовало устройство электрического освещения в монастыре, в результате чего расходы по домохозяйству возросли до 7,7 и 9% соответственно.

Итак, большинство расходов шло на содержание братии и богомольцев, чуть больше четверти - на хозяйство монастыря, по 7-10% - на содержание церквей и торговые операции, и около 4% - на пособия.

Если сравнить структуру как приходной, так расходной частей монастырского бюджета в конце 19 - начале 20 века с бюджетом в середине 17 века, который приведен выше, то можно отметить, что в хозяйстве обители произошли значительные изменения. Если в 17 веке основные свои доходы монастырь получал от промысловой деятельности, а доходы от отправления религиозного культа не превышали 16,5%, то во второй половине 19-начале 20 века церковные и братские доходы составляли уже от 40% до 49% прихода. С учетом же того, что капитал монастыря в 19 веке образовался, главным образом, из братских и церковных доходов, и проценты с капитала также можно отнести к доходам от отправления религиозного культа, то последние даже превышали половину всех приходящих сумм. Таким образом, если судить по структуре прихода, в рассматриваемый период Соловецкая обитель более соответствовала своему назначению как религиозному институту, нежели, например, в 16-17 веках, когда главное внимание монастырь уделял развитию соляного, слюдяного и рыбного промыслов, и “из скромного приюта отшельников превратился в торговый город”.⁴⁹⁷

Во второй половине 19-начале 20 века обитель получала основные доходы от паломников, которые приезжали на Соловки, прежде всего, для удовлетворения своих религиозно-духовных потребностей. И, соглашаясь с Н.Д.Кондратьевым, что “если труд выступает как деятельность, направленная на обеспечение средств удовлетворения потребностей, он является хозяйственной деятельностью”⁴⁹⁸, то труд соловецкой братии по удовлетворению религиозных потребностей богомольцев можно считать хозяйственной деятельностью. Причем в рассматриваемый период этот вид хозяйственной деятельности

---

⁴⁹⁷ Сырцов И.Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в 17 в.. Кострома, 1889. Цит. по А.М.Борисову. Указ. соч., с. 169.

приносил обители наибольшую прибыль. Доход от отправления религиозного культа (включая проценты с капитала и от продажи икон, крестов, братских изделий), как правило, покрывал расходы обители на содержание церквей, покупку икон, крестов и образов для продажи⁴⁹⁹, на трапезу и одежду братии и богомольцам, т.е. все церковные расходы и на население монастыря с паломниками (таблица № 20). За все взятые годы только в 1904 и 1909 годах вышеуказанные расходы более или менее значительно превысили доходы от отправления религиозного культа на 12 461 и 20108 руб. соответственно. Как раз в эти годы обитель посетило относительно меньшее число паломников, 15 и 16 тысяч человек, хотя с конца 19 века ежегодное число богомольцев практически не опускалось ниже 19 тысяч человек. По причине островного положения монастыря и недоступности его в течение 7-8 месяцев доходы от паломников могли поступать только 4-5 месяцев в году, и это заставляло братию искать источники дохода иного рода, которых бы хватало для покрытия расходов на хозяйство. К таким доходам можно отнести доход с монастырских послушаний, от арендных статей и пароходства. Кстати, при заведении пароходов, наряду с целью получения дополнительного источника дохода, ставилась и другая важная задача - обеспечить более стабильное поступление церковных и братских доходов.

Таким образом, можно сказать, что содержать многочисленные хозяйственные службы и заведения Соловецкий монастырь заставляли исключительные условия своего местонахождения, и если бы доступ к обители был возможен в течение всего года, то число хозяйственных заведений, особенно связанных с какими-либо промыслами (салотопенный, кожевенный заводы и т.п.) сократилось бы до минимума, поскольку наиболее доходной хозяйственной деятельностью была деятельность, связанная с удовлетворением

---

⁴⁹⁸ Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики: предварительный эскиз. М., 1991, с. 115.

⁴⁹⁹ Расходы на покупку икон, крестов и т.д. в представленных выше таблицах не выделены от расходов на покупку товаров для расходческой лавки. По нашим подсчетам, в среднем на покупку товаров для расходческой лавки уходило 50-55% сумм, проходящих по этой статье. Ввиду этого при определении величины расходов на покупку икон и крестов мы исходили из расчета, что половина расхода по этой статье приходилась на иконы, кресты, образы и братские изделия, а половина - на товары для продажи в расходческой лавке.

Таблица № 20. Соотношение церковных и братских доходов с расходами на монастырский обиход.

Год	1863 г.	1867г.	1870 г.	1877 г.	1885 г.	1890 г.	1894 г.	1895 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.
Церковные и братские доходы	61 964р.	53 788р.	73 171р.	80 592р.	94 976р.	91 382р.	106 419р.	88 931р.	118 531р.	128 218р.	141 380р.
Расход на монастырский обиход	58 321р.	10 968р.	12 374р.	67 891р.	93 336р.	84 504р.	92 798р.	93 806р.	100 027р.	104 156р.	118 624р.
Разница	3 643р.	42 820р.	60 797р.	12 701р.	1 640р.	6 878р.	13 621р.	-4 875р.	18 504р.	24 063р.	22 756р.
Год	1900 г.	1901г.	1902 г.	1904 г.	1906 г.	1908 г.	1909 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	
Церковные и братские доходы	137 021р.	151 714р.	138 397р.	103 232р.	128 300р.	117 799р.	107 900р.	123 814р.	136 128р.	153 461р.	
Расход на монастырский обиход	119 082р.	127 313р.	126 118р.	115 693р.	118 631р.	119 028р.	128 008р.	121 575р.	128 277р.	124 850р.	
Разница	17 939р.	24 401р.	12 280р.	-12 461р.	9 669р.	-1 229р.	-20 108р.	2 239р.	7 852р.	28 611р.	

религиозно-духовных потребностей паломников. И если бы к такого рода деятельности уместно было отнести понятие “предпринимательская”, т.е. направленная на достижение лучшего из возможных результатов и в конечном итоге связанная с экономической выгодой, то такое определение было бы вполне справедливо.

Во второй половине 19-начале 20 века Соловецкий монастырь, прежде всего, реализовался как религиозный центр, место поклонения святым, а уж затем как рациональное хозяйственное заведение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В конце 19 - начале 20 века Соловецкая обитель занимала особое место среди русских православных монастырей. Исключительное географическое положение монастыря, богатая история, духовно-религиозный авторитет привлекали на Соловки тысячи богомольцев, приезжавших поклониться покровителям обители преподобным Зосиме и Савватию. В обществе распространялось мнение о монастыре как об идеальном духовном братстве, строго соблюдавшем обеты монашеской жизни и недоступном мирским слабостям и порокам.

Уклад жизни обители во многом зависел от северной природы. После долгой зимы, в течение которой монастырь был практически изолирован от внешнего мира, за 4-5 летних месяца запасались на год продукты и материалы, производились сельскохозяйственные, строительные и ремонтные работы, принимались многочисленные паломники. По этим бурным месяцам года и составляли богомольцы впечатление об обители и монашеской жизни. Во многом благодаря этому о Соловках сложилось мнение как о необычайно производительном месте. Благодаря личному труду братии и богомольцев, а также высокой эффективности хозяйства, монастырь, как считалось, удовлетворял почти все свои нужды. На самом же деле, подобное представление не совсем соответствовало действительности.

Основные доходы Соловецкий монастырь получал от паломников, причем подавляющую часть этих доходов составляли суммы, собранные в результате отправления религиозного культа. Анализ монастырского бюджета и хозяйственных заведений показал, что от отправления религиозного культа обитель получала более высокую прибыль, нежели от собственного хозяйства. Таким образом, с точки зрения экономической целесообразности монастырю следовало уделять основное внимание не развитию собственных хозяйственных заведений, а культово-религиозной деятельности. Это понимали и в самом монастыре. Соловецкая братия не только стремилась, чтобы у приезжавших паломников оставалось благоприятное впечатление от обители, но и предпринимала разнообразные меры для привлечения большего числа

богомольцев. Однако, из-за своего исключительного положения Соловецкая обитель могла в принимать богомольцев только в 4-5 месяцев в году.

Не имея, таким образом, возможности получать доходы от выполнения церковно-религиозных функций в течение всего года, монастырь вынужден был искать источники дохода другого рода, в частности, от хозяйства, торговли и операций с имуществом. Поэтому развитие многочисленных хозяйственных заведений и служб было скорее вынужденной мерой. Как правило, нацелены они были, в первую очередь, на удовлетворение внутренних нужд монастыря. Кроме того, из-за своего островного положения обитель просто физически не могла обойтись без этих хозяйственных служб. То, что хозяйство Соловецкого монастыря не было убыточным и давало прибыль (хотя и не такую высокую, какую получали от отправления религиозного культа) зависело, прежде всего, от наличия в распоряжении обители дешевой рабочей силы в лице годовых богомольцев-трудников. В начале 20 века на каждого монашествующего приходилось по четыре богомольца-трудника. Содержание трудника обходилось примерно наполовину дешевле найма рабочих. Тем не менее, и без наемных рабочих обитель обойтись не могла, особенно летом, когда открывалась навигация, начинались огородные работы, сенокос, велись строительство и ремонт зданий, открывались мастерские и заводы, которые не работали зимой, приезжали богомольцы.

В целом, на наш взгляд, понятие эффективности следует относить не к хозяйственной, а к религиозно-культурной деятельности монастырей. Для получения высоких доходов монастырям вовсе не нужно было развивать собственное обширное хозяйство, а следовало скорее реализоваться как религиозному институту, призванному удовлетворять духовные потребности верующих. В принципе, это и больше соответствовало характеру и смыслу монашеской жизни.

Что же касается состояния братии и внутренней жизни монастыря, то надо сказать, что упадок монашеской жизни затронул и Соловецкую обитель. Чрезмерная забота монашествующих о доходах обители, случаи укрывательства значительной части приходных сумм от вышестоящего начальства, конфликты между братией и настоятелями, нередко злоупотреблявшими своей властью - все это, конечно, не делало чести соловецким инокам. И хотя конфликты и

злоупотребления не становились достоянием общественного мнения, и впечатление об обители в целом было весьма благоприятным, вряд ли они проходили бесследно, по крайней мере, для самой братии и богомольцев-трудников, непосредственных кандидатов в монашество. Забота о “телесном подвиге” зачастую удаляла на второй план идеалы и цели аскетической жизни, внешняя обрядность заслоняла духовно-нравственную суть христианского учения. Как писал П.Ф.Федоров, “Соловецкий монастырь действительно распространял и поддерживал веру и благочестие, но только благочестие одностороннее, формальное, благочестие, которое выражалось в разных видах молитв, в молебнах, панихидах, свечах, лампадах, посте и в массе других обрядностей”.⁵⁰⁰

К несчастью для церкви, подобная обрядность процветала на рубеже 19-20 веков во многих монастырях. По словам самих церковных деятелей, “монастыри своим богомольем и благолепным служением как нельзя более удовлетворяли религиозным чувствам русского народа, любившего церковную обрядность и, по несостоятельности и отвлеченным представлениям, видевшего в ней сущность христианской веры”.⁵⁰¹ Но гораздо серьезнее, пожалуй, было то, что нередко и сами монашествующие принимали церковную обрядность за истинную суть веры. Смысл аскетической жизни подменялся исполнением различных обрядов и церковных служб. Конечно, не все монашествующие искали в монастырях лишь спокойную и обеспеченную жизнь, многие действительно стремились посвятить себя служению Богу. Однако многочисленные нарекания, слышавшиеся в адрес монастырей, говорили о том, что истинных подвижников монашеской жизни становилось меньше и меньше. В такой ситуации единственным способом к возвышению иноческой жизни и увеличению воздействия монастырей на мир были горячая вера и духовное подвижничество, что, конечно, не могло быть реализовано во всех существовавших на рубеже 19-20 веков монастырях.

И все же люди с надеждой и благоговением шли в монастырские храмы. В эти годы сила воздействия на мир определялась прежде всего духовно-религиозным авторитетом прошлых веков. В веках “намоленной” обители

---

⁵⁰⁰ Федоров П. Ф. Указ.соч., с. 137.

православный человек с новой силой воспринимал каждое слово молитвы, каждое известное ему с детства песнопение, каждое слово проповедника.⁵⁰²

---

⁵⁰¹ Арх. Иосиф. Монастырский вопрос, с. 19.

⁵⁰² Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992, с. 88.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

КНИГА СТАВРОПИГИАЛЬНОГО ПЕРВОКЛАССНОГО СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ ПРИХОДО-РАСХОДНАЯ О НЕОКЛАДНЫХ СУММАХ ЗА 1863 ГОД.⁵⁰³

От 1862 г. к 1 января 1863 г. неокладных наличных сумм по Соловецкому монастырю не осталось, за произведенными для оногo - для скитов и для мореходных судов необходимыми расходами.

Осталось по 45 билетам - 232 223 руб.. Означенные билеты хранятся в ризнице в целости, а наличных сумм в январе, феврале, марте и апреле на приходе не было, по состоянию Соловецкого монастыря на морском положении и за прекращением в оный приезд поклонников с октября истекшего 1862 года и до будущего мая.

В мае книга передана в Соловецкое подворье в Архангельске.

май	ПРИХОД		май	РАСХОД	
№ п/п	Наименование статей	руб.	№ п/п	Наименование статей	руб.
1	За жилые покои, лавки и другие помещения с 1.09.1862 по 6.05.1863	1769	1	На содержание братии при подворье продовольствием, за свечи, починку платья, обуви, стирку, сено лошадям с 1.09.1862 по 6.05.1863	604
2	С 2901 богомольца за перевоз в монастырь и обратно за 6 рейсов на пароходах "Надежда" и "Вера", 155 человек - без платы по бедности,	6142	2	Для починки монастырских, церковных и скитских зданий и мореходных судов, пуд.: железа кровельного - 40 -"- полосного - 50 -"- стропильного - 20 -"- узкополосного - 20 -"- резного - 15 стали демидовской - 10 гвоздей - 25 сурику - 15 белил - 35	614
			3	Холст тонкий-8885арш. -"- средний - 4844 -"- толстый - 6224	1376
			4	Крупа гречневая - 220п.	319
			5	Ядрушка - 50п.	60
			6	Крупа овсяная - 250п.	287
			7	Крупа пшенная - 25п.	37
			8	Толокно - 40п.	54
	Поступило в мае	7912		Израсходовано в мае	3354

⁵⁰³ РГАДА, ф. 1201, оп. 5, ч. 2, д. 5553, л. 1-23.

ИЮНЬ			ИЮНЬ		
1	Проценты с бумаг	9301	1	Мука ржаная-4700 пуд. Ячмень -325 четв. Свечи сальные - 25 пуд.	4465 2278 144
2	С 1315 богомольцев за перевоз в монастырь и обратно за 5 рейсов на пароходах, 54 человека без платы по бедности.	2785	2	Масло деревянное - 122 п.	1224
			3	Мука для просфор - 125 мешков Мука для булок - 150 мешков Крупа пшеничная - 100 п. "- гречневая - 100 п. "- овсяная - 150 п. "- для толокна - 28 п.	1468 1462 150 145 172 39
			4	Горох - 233 п.	362
			5	Для подворья: мука ржаная - 200 п. овес -30 четв. дрова -142 саж.	190 85 134
			6	Овес -450 четв.	1282
			7	За устройство пристани	307
			8	Круп разных для подворья	204
			9	Для пароходов: масло деревян. - 11 п. масло подсолнеч. - 2 п. сало гретое - 8 п.	115 15 33
	Поступило в июне	12096		Израсходовано в июне	14281

Книга сия по первому указу Святейшего Правительствующего Синода от 10 ноября 1861 года за № 4363 находилась с мая до июля 1863 г. В Архангельске в смотрителя Соловецкого подворья и закупщиков; но во исполнение Указа Синода от 7 июня 1863 г. за № 1652 взята в монастырь для такового записывания прихода-расхода.

В течение мая-июня по оной книге оказалось:

ПРИХОД

- постоянных по подворью	- 1769 руб.,
- проценты по билетам	- 9301 руб.,
- провозных с 11 рейсов	- 8937 руб.,

ИТОГО	20008 руб..
Оказалось в расходе:	17635 руб..
Осталось:	2372 руб..

В Соловецкое подворье послана другая белая книга на 22 нумерованных листах за монастырской печатью с внесением остаточных денег на приход, которые показаны по данной книге расходом.

июль			июль		
ПРИХОД			РАСХОД		
№ п/п	Наименование статей	руб.	№ п/п	Наименование статей	руб.
1	Поступило в мае: 1. Доброхотные вклады 2. Кошельковые 3. От продажи свеч 4. За просфоры и масло деревянное из лампад 5. За образа, книги, братские изделия Итого	1250 150 1225 515 750 3891	1 2 3 4	В Соловецкое подворье На покупки смотрителю и закупщикам Пожертвование духовенству Юго-Западных епархий На открытие в Архангельске училища	2372 5000 150 300
2	Поступило в июне: 1. Доброхотные вклады 2. Кошельковые 3. От продажи свеч 4. За просфоры и масло 5. За образа, книги и т.д. 6. За литургии и молебны 7. За поминовения Итого	1409 115 1100 355 605 3500 1200 8035			
3	Поступило в июле: 1. Доброхотные вклады 2. Кошельковые 3. От продажи свеч 4. За просфоры и масло 5. За образа, книги 6. За литургии и молебны 7. За поминовения Итого	775 76 450 255 265 2005 977 4803			
	ПРИХОД	16980		РАСХОД	7822
	АВГУСТ				
1	1. Доброхотные вклады 2. Кошельковые 3. От продажи свеч 4. За просфоры и масло 5. За образа, книги и т.п. 6. За литургии и молебны 7. За поминовения Итого	285 60 175 188 181 797 275 1961	1	Куплено на мурманских промыслах для трапезы: трески - 2175п. -"- -1000п. -"- -250п. палтосины -12 п. семги -217п. Итого	1087 450 87 13 277 1916
	СЕНТЯБРЬ			СЕНТЯБРЬ	
1	Закупные иеромонахи возвратили	2292	1	Церковное вино	330
2	1. Доброхотные вклады 2. Кошельковые	150 20	2	Машинисту парохода с 20 марта по 20 сентября	250

3. От продажи свеч	100	Шкиперу Матросам и рабочим для пароходов	60
4. За просфоры и масло	87		520
5. За образа, книги и т.п.	77		
6. За литургии и молебны	235		
7. За поминовения	153		
Итого	823		

В ноябре прихода и расхода не было.

В дополнительной книге по Соловецкому подворью:

за перевоз богомольцев - 1144 руб.,
постояных по подворью - 1930 руб..

Действительный приход наличных сумм по двум книгам: 42 598 руб. и билетами на 250 руб. Приход: 42 598 руб. и по 46 билетам капитал на 232 473 руб..	Действительный расход по двум книгам: 29 327 руб. и 2 билета отосланы для перемены на 4% серии на 221 руб. В расходе - 29 541 руб.
---	--

Осталось к 1864 году - 245 523 руб.: 232 252 руб. - билетами,
13 271 руб. - наличными.

По Соловецкому монастырю в 1863 г. поступило, с вырученными от продажи восковых свеч 61 пудов - 3050 руб., серебром 42 598 руб., по 46 билетам капитал на 232 473 руб.. Всего в приходе - 275 071 рублей. Из числа оных сумм употреблено на покупку припасов и материалов с выданными рабочим людям - 29 548 рублей.

Для сведения при обревизовании представляемой ныне в первый раз отчетности за нужной почитаем изъяснить:

1. Воск для свеч заготовлен в 1862 г., а свечи обделываются трудящимся в монастыре братством, сверх продажных в 1863 г. 61 пуда еще свеч сгорает безденежно во весь год при Богослужении в монастыре и в скитах до 40 пудов, с коими ежегодный расход свеч простирается до 100 пудов, равно продажные образа, книги и изделия разные приобретены покупкою из тех же сумм.

2. По состоянию Соловецкого монастыря на морском положении и по именованию за оным оброчных статей или каких-либо выгодных наделов все вообще доходные суммы с давних лет поступают во время посещения обители приезжими поклонниками только в летнее время, т.е. с мая и не позже 1 октября, тогда и закупка производится через монастырских поверенных лиц на годовое продовольствие необходимых припасов и материалов. С октября по май поклонники в монастырь не приезжают, и никаких других доходов не поступает, так же и расходы приостанавливаются за прекращением свободного чрез море сообщения из монастыря с твердою землею.

3. Присылаемые в монастырь по почте от благотворительных лиц деньги на поминовение и собираемые в часовне при Соловецком подворье составляют незначительное количество, поступают в кружки и показываются на приходе ежемесячно при высылке с общими монастырскими доходными суммами, т.к. для оной часовни свечи, масло деревянное и изделия отпускаются из монастыря.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ КНИГА ПРИХОДО-РАСХОДНАЯ О НЕОКЛАДНЫХ ПО СОЛОВЕЦКОМУ МОНАСТЫРЮ СУММАХ ЗА 1863 ГОД.⁵⁰⁴

ИЮЛЬ			РАСХОД		
№ п/п	Наименование статей	руб.	№ п/п	Наименование статей	руб.
1	От главной книги осталось	2372	1	Масло скоромное - 111 пуд.	693
2	Из монастыря отпущено	5000	2	Парусина - 5 кусков Равендук - 200 арш. Пек - 26 пуд.	50 32 29
3	С 483 богомольцев за перевоз в монастырь и обратно за 3 рейса на пароходах "Вера" и "Надежда", 61 человек - без платы по бедности	784	3	В Архангельское уездное казначейство за каменное строение подворья	200
			4	За чугунные колосники для парохода	289
	В июле прихода	8156		В июле расхода	6862
	АВГУСТ			АВГУСТ	
1	С 12 богомольцев за перевоз в монастырь и обратно на п/х "Вера"	66	1	Палтусина - 234 пуд. Треска - 100 пуд. Всего	468 235 703
2	За отыскивание утопшей шхуны за 2 дня	294	2	Каменный уголь - 24000 пуд.	960
3	За жилые покои, лавки и другие помещения с мая по сентябрь	1930	3	Пенька - 250 пуд. Масло конопляное для трапезы - 305 пуд. Масло для окрашивания - 100 пуд.	953 1528 500
			4	Кожи бычьи - 58 шт.	435
			5	Вино тенериф - 1 пипа	340
			6	Свечи сальные - 90 пуд.	528
			7	Для пароходов: сала гретого - 16 пуд. масла подсолнечного - 2 пуд. масла деревянного - 8 пуд.	65 14 80
			8	Для братии подворья, на трапезу, дрова и т.п.	711
	В августе поступило	2291		В расходе в августе	6861
	За июль и август	10447		За июль и август	8155

Осталось к 1 сентября - 2292 рубля.

⁵⁰⁴ РГАДА, ф. 1201, оп.5, ч. 2, д. 5552, л. 1-11.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Годовой доход православных обителей в 1870 г.⁵⁰⁵

1. Троице-Сергиева Лавра	200 000 руб.
2. Соловецкий монастырь	147 223 руб.
3. Угрешский монастырь.	53 300 руб.
4. Донской монастырь	35 460 руб.
5. Воскресенский монастырь	33 730 руб.
6. Заиконоспасский монастырь.	23 729 руб.

⁵⁰⁵ Данные таблицы: Ростиславов Д.И. Указ. соч., с. 294.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

ИСТОЧНИКИ

I. Архивные материалы:

1. Российский государственный архив древних актов.

Ф. 1183 - Московская контора Синода.

Ф. 1201 - Соловецкий монастырь.

2. Российский государственный исторический архив.

Ф. 796 - Канцелярия Синода.

Ф. 799 - Хозяйственное управление Синода.

Ф. 834 - Рукописи Синода.

3. Государственный архив Архангельской области.

Ф. 1 - Канцелярия архангельского гражданского губернатора.

Ф. 29 - Архангельская духовная консистория.

Ф. 58 - Архангельская таможня.

II. Материалы статистики.

1. Свод товарных цен на главных рынках России. 1890-1896. СПб., 1897.

2. Свод товарных цен на главных и иностранных рынках за 1913 год. Пг., 1914.

III. Законодательные акты и делопроизводственная документация.

1. Свод законов Российской империи. Т. 8. Ч. 2. Счетные уставы. Спб., 1857.

2. Барсов Т.Ф. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Т. 1-2. СПб., 1885.

3. Ивановский В.Н. Русское законодательство 18-19 веков в своих постановлениях относительно монастырей. Харьков, 1905.

4. Палибин М.Н. Устав духовных консисторий. Спб., 1912.

5. Прополович А.И. Сборник законов о монашесствующем духовенстве. М., 1897.

6. Серафим (Веснин). Монастырский мужской общежительный устав. Т. 1-2. М., 1910.

7. Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода. 1867-1900. Сост. Завьялов А.М. Спб., 1901.

8. Чижевский И.Л. Собрание церковно-гражданских постановлений о монашествующих и монастырях. Харьков, 1898.

IV. Периодическая печать.

1. Архангельск. 1913.

2. Церковно-общественный вестник. 1879.

3. Церковный вестник. 1879.

4. Утро России. 1915, № 199.

V. Воспоминания.

1. Анисимов А.В. По пути в Русский Афон - Соловецкую обитель. Изюм, 1893.

2. Воейков С.В. Соловецкий монастырь. // Нева. 1911, № 5, с. 1321-1344.

3. Вопиловский И. Соловецкий монастырь. В классе соловецкой школы. М., 1912.

4. Диксон В.Г. Льды и степи. Путевые очерки. Спб., 1878.

5. Епископ Евдоким. Соловки. Странички из дневника паломника. Спб., 1904.

6. Коковцев К.К. Поездка в Соловецкий монастырь. Спб., 1901.

7. Львов Е.П. По студеному морю. М., 1895.

8. Максимов С.В. Год на Севере. Спб., 1871.

9. Максимов С.В. Соловецкий монастырь. Спб., 1890.

10. Немирович-Данченко В.И. Соловки. // Вестник Европы. 1874, кн.7-8, с. 501-540.

11. Поездка в Соловецкий монастырь воспитанников Тобольской духовной семинарии летом 1900 года. Тобольск, 1902.

12. Порфирий. Пароходы Соловецкого монастыря "Вера" и "Надежда". Спб., 1864.

13. Протопопов С.Д. Из поездки в Соловецкий монастырь. М., 1903.

14. Пудовкин С.А. Наше путешествие на Север в 1901 году. Юрьев, 1905.

15. Соловки и Валаам. Дневник студентов-паломников. М., 1901.

16. Труш К.А. Соловки в августе 1905 года. М., 1911.

17. Уланов В.Я. Из экскурсионных впечатлений. // Вестник воспитания. 1910. № 1, с. 183-214.

18. Федоров П.Ф. Соловки. Кронштадт, 1889.

19. Филиппов Н.Н. Соловки. СПб., 1910.

20. Фирсов А.И. По рекам Вологде, Сухоне и Северной Двине. // Исторический вестник. Т. 110. 1907, № 11-12, с. 629-652, 981-1014.

VI. Популярная литература о Соловецком монастыре.

1. Архангельская А.В. О Соловецком монастыре и преп. чудотворцах Зосиме и Саввати. М., 1886.

2. Владимировская А.В. Соловецкая обитель. СПб., 1894.

3. Возвращение из Англии пленного монастырского колокола в Соловецкую обитель 4 августа 1912 г.. М., 1913.

4. Горяйков А. Соловецкий монастырь и англичане. СПб., 1854.

5. Дунаев Б.И. Соловецкая обитель. М., 1913.

6. Живописное обозрение русских святых мест. Вып. 6. Одесса, 1901.

7. История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899.

8. Корольков Н.Ф. Соловецкая обитель. СПб., 1899.

9. Муравьев А.Н. Подвиги Соловецкой обители. СПб., 1912.

10. Никодим (Кононов). Соловецкие подвижники благочестия 17-19 вв. СПб., 1900.

11. Рассказы о Соловецком монастыре. М., 1894.

12. Руководитель для поклонников по Соловецкому острову и Соловецкому монастырю. М., 1880.

13. Сергиевский Н.А. Житие преподобных Савватия и Зосимы и описание Соловецкого монастыря. М., 1897.

14. Соловецкий монастырь и его святыни. СПб., 1884.

15. Сырцов И. Неприятель у Соловецкого монастыря в 1854 году. СПб., 1870.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановский А. Научно-опытные элементы в практике соловецкого сельского хозяйства. // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып.1. Соловки, 1927.

2. Боголюбский М.С. Несколько слов о монашестве прежнем и нынешнем. СПб., 1891.
3. Борисов А.М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в 16-17 вв. Петрозаводск, 1966.
4. Булгаков С.Н. Православие: очерк учения православной веры. М., 1991.
5. Волков В.А. Православные монастыри и проблемы экологического оздоровления российских городов. // Православные монастыри и экология. М., 1994.
6. Вопрос о реформе монастырей. // Вестник Европы. 1873, кн. 8, с. 559-582.
7. Горохов Д.Е. В защиту монашества. Киев, 1911.
8. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян 19 в.. М., 1986.
9. Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908.
10. Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального Соловецкого монастыря. Ч.1-3. М., 1836, 1853.
11. Дух и заслуги монашества для церкви и общества. СПб., 1874.
12. Жилинский А.А. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. Пг., 1917.
13. Зыбковец В.П. Национализация монастырских имуществ в Советской России. 1917-1921. М., 1975.
14. Иванов В. Полезные ископаемые Соловецких островов. // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып.1. Соловки, 1927.
15. Иосиф (Баженов). Монастырский вопрос. СПб., 1872.
16. Камкин А.В. Православная церковь на Севере России. Вологда, 1992.
17. Колчин М.А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в 17-19 вв. М., 1908.
18. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз. М., 1991.
19. Кузнецов Н.Д. Общественное значение монастырей. СПб., 1908.
20. Куратов А.А. Историография и культура Архангельского Севера. Вологда, 1989.

21. Либерзон И.З. Деятельность Археографической комиссии по спасению архива Соловецкого монастыря. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т.18. М., 1987.
22. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1952.
23. Матвеев Д.Н. Земледелие на Соловках в прошлом и настоящем. // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. 14. Соловки, 1927.
24. Матрусов Н.Д., Анискович Е.М., Кивва К.В. Монастыри и преобразование жизненной среды России.// Православные монастыри и экология. М., 1994.
25. Мельгунов С.П. Наши монастыри. К вопросу о секуляризации монастырских земель. Пг., 1917.
26. Наши монастыри, их богатства и получаемые ими пособия. // Беседа. 1872, кн. 6, с.119-149; кн. 7, с. 226-234.
27. Очерки русской культуры 18 века. Ч.1. М., 1985.
28. Писемский В.А., Калашнов Ю.Н. Православие и экономика. // Журнал Московской патриархии. 1992, № 9.
29. Ростиславов Д.И. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб., 1876.
30. Св.Сергий (Киперман). Идеалы и реалии российского монашества в прошлом и настоящем.// Религия и демократия: на пути к свободе совести. Вып.2. М., 1993.
31. Скопин В.В. На Соловецких островах. М., 1990.
32. Смольяникова Т.Е. Экономическое положение сельскохозяйственных рабочих накануне и в период первой русской революции. // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере. Вологда, 1985.
33. Флейман Е.А. Ученые в условиях соловецкой ссылки в 1920-1930 годах.// IV Соловецкий общественно-политический форум. Архангельск-Соловки, 1992.
34. Чайнов А.В, Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989.